РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ ... ОКТЯБРЬ. 1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

X-я книга „Русской Старины“, вышла 1-го октября.

РУССКАЯ СТАРИНА 1875 г., кн. X.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Славянскій Сборникъ. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета. 1875.

Дѣятельность нашего славянскаго комитета по изданію книгъ, знакомящихъ насъ съ прошедшимъ и настоящимъ нашихъ братьевъ по племени, такъ же благотворна, какъ и въ другихъ отношеніяхъ. На дняхъ къ изданнымъ имъ въ прежнее время сочиненіямъ Гильфердинга: «Гусъ» и «Общеславянская азбука», Будиловича, «Чехія и Моравія», Успенскаго: «Первыя славянскія монархіи на сѣверозападѣ» и превосходной этнографической карты славянскихъ народностей—Мирковича, вышедшей уже 3-мъ изданіемъ, присоединился любопытный сборникъ, въ 40 листовъ слишкомъ. Въ немъ помѣщено десять большихъ статей и нѣсколько мелкихъ: три изъ нихъ неокончены. «Карпатская Русь» Я. О. Головацкаго, «Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія столѣтія» Пича и «Видные дѣятели западно-славянской образованности» В. И. Ламанскаго;—послѣдней статьи напечатано одно введеніе и предисловіе. О важности и интересѣ этихъ статей для всего славянскаго міра было бы излишне говорить. Кромѣ того, въ сборникѣ помѣщены весьма любопытныя статьи: «О галицкой Руси» И. Наумовича; «Положеніе угорскихъ русскихъ подъ управленіемъ Стефана Панковича, епископа мукачевскаго» Уріила Метеора, гдѣ подробно приведены всѣ позорные поступки этого врага славянской народности, преслѣдующаго угорскихъ русскихъ; «О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ» А. С. Будиловича; «Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ» и, наконецъ, статья Н. А. Попова: «Положеніе райи въ современной Босніи», являющаяся какъ нельзя болѣе кстати и рисующая самыми вѣрными, хотя и печальными красками безотрадное положеніе славянскаго племени, вынужденнаго чрезвычайными угнетеніями турокъ взяться, въ настоящее время, за оружіе. Почтенный авторъ, знатокъ славянскаго міра приводитъ въ своей статьѣ ужасающія подробности мусульманскаго гнета надъ райями, перечисляетъ восемь видовъ царскихъ податей, пять господарскихъ (то-есть бекамъ), приводитъ 22 вида всеобщихъ тягостей и угнетеній и, наконецъ, къ стыду славянства, 12 видовъ поборовъ, которые вымогаютъ у православныхъ раевъ ихъ собственные владыки, угнетающіе и свою паству, и поповъ.

Обѣщаютъ скорый выходъ втораго и третьяго тома «Славянскаго Сборника», подъ редакціей гг. Зосимовича и Гильтебрандта. Мы, вѣроятно, найдемъ въ этихъ томахъ статьи и о другихъ славянскихъ народностяхъ, но болѣе всего желали бы встрѣтить хотя краткіе очерки исторіи и настоящаго положенія всѣхъ славянскихъ странъ, а то даже для нашей публики, не говоря уже о европейской, многія славянскія стран[illegible]—совершенная terra incognita. Первый [illegible] «Сборника» изданъ подъ редакціей [illegible] Страхова, смотрящаго, какъ намъ [illegible] нѣсколько пристрастно на славянс[illegible] и его отношенія къ германскому п[illegible]и. Такъ, говоря въ предисловіи сове[illegible]енно справедливо, что Германія, задолго до своего политическаго соединенія, была уже едина въ духовномъ и умственномъ отношеніи, онъ находитъ, что нынѣшняя политическая жизнь повела къ паденію духовнаго уровня, и что «славянская самобытность не поддается чужимъ элементамъ, не угасаетъ». Едва-ли это справедливо, и скорѣе можно согласиться съ г. Будиловичемъ, который, въ той же книжкѣ «Сборника» (стр. 595), дѣлая бѣглый обзоръ современнаго положенія славянскихъ племенъ, восклицаетъ: «и такъ, всюду гибнетъ славянство!»

Россія и Англія. Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею (1553—1593). Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ, 1875 г., 50, LII, 441 и 15 стр.

Въ іюньской книгѣ «Русской Старины» мы имѣли случай представить краткую оцѣнку замѣчательнаго историческаго труда Ю. В. Толстаго «Московія Мильтона», а теперь почтенный изслѣдователь нашей исторіи является съ новымъ трудомъ, имѣющимъ еще бо́льшее значеніе и стоившимъ издателю его многихъ лѣтъ кропотливой и тяжелой, но полезной работы. Томъ этотъ, напечатанный четкимъ, убористымъ шрифтомъ, содержитъ въ себѣ исторію первыхъ торговыхъ и потомъ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Англіею въ царствованія Ивана IV, Ѳедора и Бориса Годунова. Во время пребыванія своего въ Лондонѣ, Ю. В. Толстой отыскалъ въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ и въ библіотекѣ британскаго музея любопытные документы, относящіеся къ этимъ сношеніямъ и бросающіе на нихъ новый свѣтъ. Документы эти, числомъ 82, издалъ онъ теперь въ свѣтъ, предпославъ имъ прекрасно написанное вступленіе, излагающее подробную исторію сорокалѣтнихъ сношеній и переговоровъ между двумя странами. Это же вступленіе переведено издателемъ на англійскій языкъ, также какъ и нѣкоторые изъ документовъ, не отысканные въ англійскихъ подлинникахъ. Такимъ образомъ, книга эта дѣлается въ тоже время интересною и для англичанъ, такъ какъ она издана собственно на двухъ

Всѣ статьи, имѣющія появиться въ „Русской Старинѣ“ **1876** года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XV[illegible]I и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и ча[illegible]ыхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біогра[illegible] достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ писателей, артистовъ и проч.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, анекдоты, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные и раскольничьи.—Пѣсни скопцовъ, замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ, русскихъ книгъ.

Къ первымъ книгамъ „Русской Старины“ **1876 г.** будутъ, между прочимъ, приложены гравированные **на мѣди** портреты: императрицы **Екатерины II,** князя **Платона Зубова,** генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедмитрія 1-го** (перваго самозванца); гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета) и друг. Гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ и друг.; нѣкоторыя изъ нихъ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, ненапечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: «**Записки князя Якова Петровича Шаховскаго**», полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «Записки

князя Я. П. Шаховскаго» выславъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» **1876** г., **семь восьмикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ**, или 56 коп. на пересылку означенной книги.

„Русская Старина“ изд. 1870 г. (первыя два изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первая кн. два изд.) сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

Отпечатано и поступило въ продажу **новое, третье изданіе,** „Русской Старины“ 1870 г. (годъ первый)—всѣ двѣнадцать книгъ въ **трехъ большихъ томахъ,** съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна **8** руб. съ пересылкою.

Въ **третьемъ** изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго;**— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Записки **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 г.— замѣтки **Пикара;** — Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1842 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.); — Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г. — разсказъ Я. П. **Бакланова;** — Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи, со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. Ѳ. **Карабанова.**—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію «Русской Старины» **1870** г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированными Академикомъ **Сѣряковымъ** рисунками и виньетками

Въ книжныхъ магазинахъ **Базунова** (въ Петербургѣ) и **Соловьева** (въ Москвѣ).

продаются слѣдующія изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ѳ. К. Опочинина.** Спб. 1873 г., въ листъ, 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана;** собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (бо́льшею частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

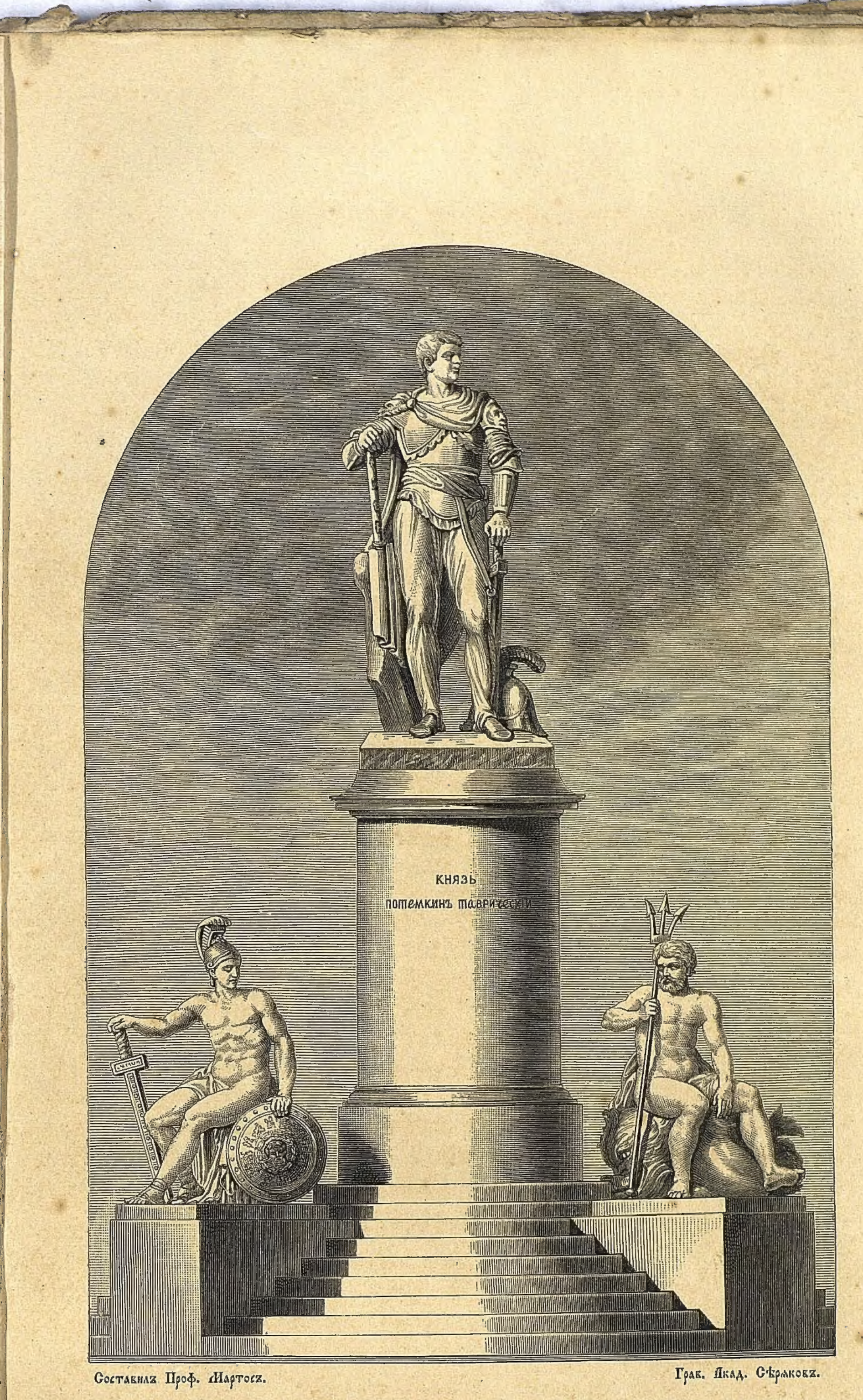
Цѣна книги **3** р., пересылка **50** коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна 3** р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

[Томъ второй „Русской Родословной книги“—печатается].

III. „**Русская Старина**“ 1870 г. (годъ первый) изданіе **третье,** отпечатанное въ 1875 г. въ трехъ томахъ, всего 2,700 стр., изданіе значительно исправленное съ портретами, снимками и рисунками, Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

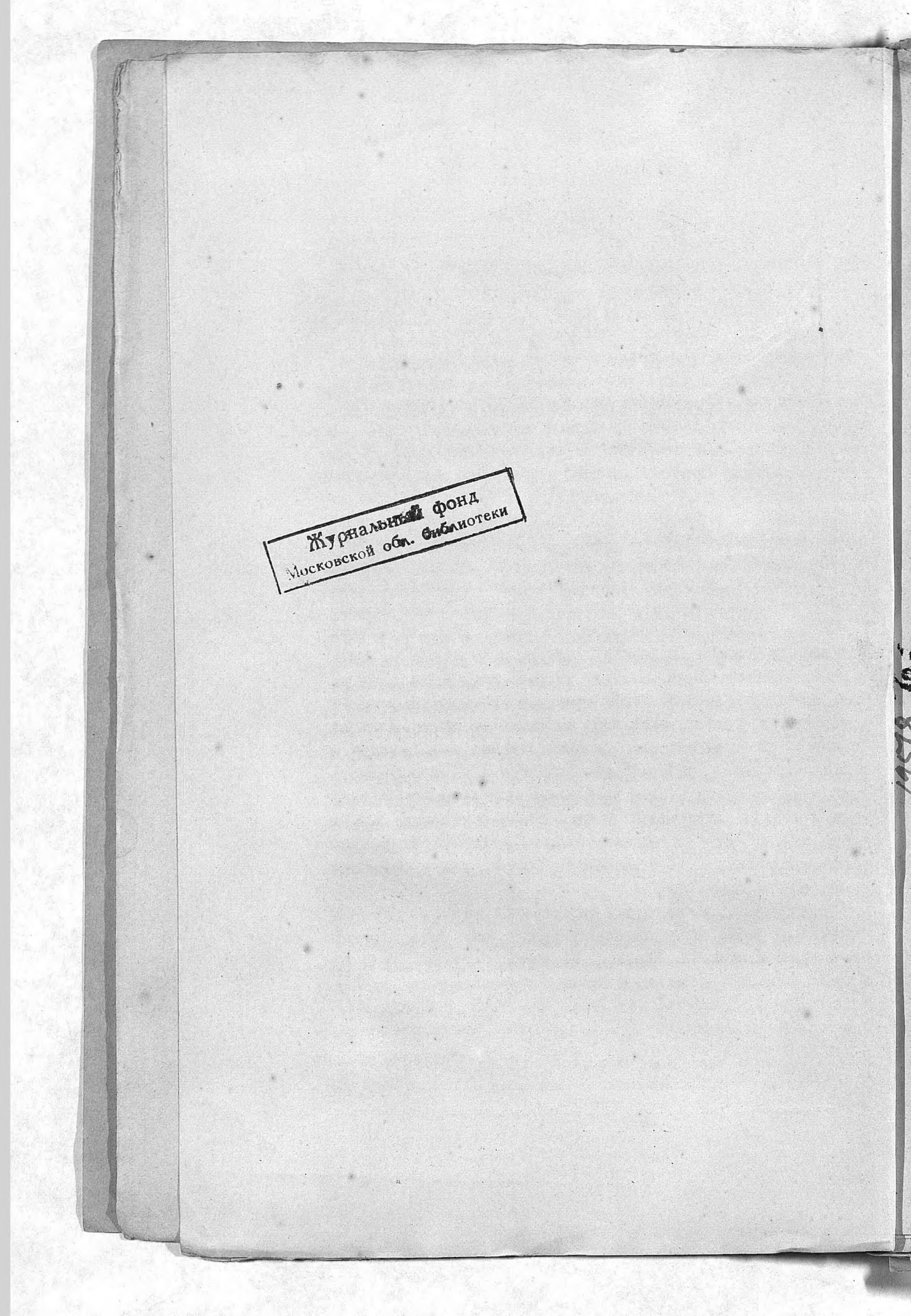
Составилъ Проф. Мартосъ. Грав. Акад. Сѣрякокъ.

КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ ТАВРИЧЕСКОМУ

ВЪ ХЕРСОНѢ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 8 АПРѢЛЯ 1875 Г. — ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739—1791.

VIII [1]).

Къ положенію Россіи въ 1789 году справедливо можно примѣнить выраженіе, что она находилась между двухъ огней. На сѣверѣ, война съ Швеціей съ каждымъ днемъ принимала болѣе и болѣе угрожающіе размѣры; на югѣ — продолжалась упорная борьба съ Турціей, уклонявшейся отъ мира. Дѣла на сѣверѣ особенно тревожили Екатерину, хотя и на югѣ они внушали большія опасенія. Миръ съ Турціею былъ необходимъ; но онъ былъ немыслимъ, если бы Россіи пришлось нисходить на уступки, а побудить Турцію къ миру было возможно не иначе, какъ по нанесеніи ей потрясающихъ ударовъ. Именно этой мыслію и задался Потемкинъ, а между тѣмъ, по стеченію обстоятельствъ внутренней политики Турціи, необходимо было выжидать, не спѣшить военными дѣйствіями: султанъ Абдулъ-Гамидъ умеръ (26-го марта 1789 г.) и ему наслѣдовалъ Селимъ III. Верховный визирь, оставаясь въ бездѣйствіи у Исакчи, ждалъ повелѣній новаго своего властелина.

Планъ Потемкина, на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, состоялъ въ томъ, чтобы вытѣснить турокъ изъ мѣстъ, ими занимаемыхъ: Кишинева, Бендеръ, Каушанъ, Акермана, Измаила и Киліи. Бывшую украинскую армію онъ раздѣлилъ на три корпуса, ввѣривъ начальство надъ ними: кн. Н. В. Репнину, генералъ-аншефу Кречетникову и А. В. Суворову. Екатеринославская

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 481—522; 681—700; томъ XIII, стр. 20—40; 159—174.

армія состояла изъ пяти дивизій: первою командовалъ самъ Потемкинъ, второю — кн. Ю. В. Долгорукій, третьею — Суворовъ, четвертою — генералъ-поручикъ И. В. Гудовичъ, пятою — генералъ-маіоръ баронъ Ферзенъ. Таврическимъ корпусомъ командовалъ генералъ-аншефъ Каховскій; кавказскимъ — генералъ-аншефъ графъ И. П. Салтыковъ; кубанскимъ — генералъ-поручикъ баронъ Розенъ. Наши союзники, австрійцы, ограничивались оборонительнымъ положеніемъ.

10-го августа 1789 г. главная квартира русской арміи была въ Дубоссарахъ. Ставка Потемкина, по словамъ очевидца, князя Ю. В. Долгорукаго, «весьма похожа была великолѣпіемъ на визирскую; даже полковникъ Боуръ насадилъ вокругъ нея садъ въ англійскомъ вкусѣ. Капельмейстеръ Сарти, съ двумя хорами роговой музыки и прочихъ многихъ музыкантовъ, насъ ежедневно забавлялъ. Казалось, что свѣтлѣйшій князь тутъ намѣренъ былъ остаться навсегда». Однако эта роскошная обстановка не ослабляла дѣятельности Потемкина: ведя непрерывную переписку съ императрицею, онъ зорко слѣдилъ какъ за дѣйствіями турокъ, такъ и за ходомъ войны со Швеціей на далекомъ сѣверѣ. Съ половины іюля по октябрь мѣсяцъ на театрѣ войны съ Турціею произошли слѣдующія событія.

Новый султанъ Селимъ III, продолжая дѣйствовать въ воинственномъ духѣ предшественника, повелѣлъ верховному визирю вытѣснить австрійцевъ изъ Молдавіи. Съ этой цѣлію 25,000 турокъ переправились на лѣвый берегъ Дуная и двинулись къ Фокшанамъ. Суворовъ, соединивъ свои войска съ корпусомъ принца Кобургскаго, 21-го іюля разбилъ непріятеля при самыхъ Фокшанахъ. Вѣсть объ этой побѣдѣ получена была въ Петербургѣ 7-го августа и императрица была ею весьма довольна. «Это зажметъ ротъ тѣмъ, — сказала она, — кои разсѣивали, что мы съ ними (съ австрійцами) не въ согласіи». Черезъ шесть дней (13-го августа) нашъ гребной балтійской флотъ одержалъ надъ шведскимъ побѣду, которую Екатерина сравнила съ чесменскою. О ней было немедленно сообщено Потемкину и въ отвѣтъ императрицѣ онъ писалъ слѣдующее:

«31-го августа.»

„Послѣднее писаніе, матушка-государыня, меня много порадовало; дай Боже дальнихъ успѣховъ. Что ежели бы обобрать суда по обѣимъ

берегамъ, то бы шведы въ Финляндіи должны были умереть съ голоду, не имѣя большихъ магазейновъ.

„Je suis content comme Vous de nouveau et comme je désire que cela continue. Vous savez, ma chère mère, combien je Vous suis attaché et combien votre repos me tient à coeur. (Я опять доволенъ, какъ и вы, и желаю, чтобы такъ оно продолжалось. Вы знаете, матушка дорогая, какъ я привязанъ къ вамъ и какъ спокойствіе ваше близко моему сердцу). Прости моя, матушка родная. Отъ поляковъ много хлопотъ. Я жду писемъ отъ извѣстной намъ дружественной особы секретныхъ и доставлю. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ-Таврическій".

Екатерина II писала Потемкину (письмо безъ числа, 1788 или 1789 г.):

„Что ты пишешь отъ усердія, о томъ спора нѣту, но какъ мною сдѣлано все возможное, то мнѣ кажется, что съ меня и болѣе требовать нѣтъ возможности, не унижая достоинства, а безъ сей ни жизни, ни короны мнѣ не нужно. Кой часъ обѣщать Польшѣ чего ни есть изъ земель турецкихъ нынѣ, тотъ же часъ его королевское прусское величество намъ о семъ прещеніе со угрозами непремѣнно чинить будетъ съ принятымъ съ нами грубымъ тономъ, который либо глотать должно будетъ, либо отмщать, и для того полагаю избѣгнуть лучше, не обѣщая полякамъ ничего и давая имъ блажить, дондеже перестанутъ, то есть у себя въ Польшѣ пусть портятъ и дѣлаютъ, что хотятъ, но къ себѣ ихъ не пущу и для того полки, кои къ Лубнамъ обращены, пусть пойдутъ къ Бѣлоруссіи".

„Мое мнѣніе есть: фельдмаршала Румянцева отозвать отъ арміи и поручить тебѣ обѣ арміи, дабы согласнѣе дѣло шло.

„Я гнѣвныхъ изpаженій, мой другъ, съ тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбленія короля прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ прилично,—за сіе прошу меня не осуждать, ибо я-бъ не достойна была своего мѣста и званія, еслибъ я сего чувства въ своей душѣ не имѣла".

„Все, что пишешь о операціи арміи, весьма хорошо и мое мнѣніе было всегда, чтобъ Бендеры и Бессарабія были предметомъ сей кампаніи, а на Олту (Ялту) не зачѣмъ".

Раздраженный пораженіемъ, нанесеннымъ ему при Фокшанахъ, великій визирь, умноживъ свои войска до 100,000 [1]) и расчитывая

[1]) По показанію гр. А. Н. Самойлова.—Висковатовъ же («Русскій Вѣстникъ» 1841 г., № 6, стр. 590) опредѣляетъ ихъ въ 90,000; Л. Н. Энгельгардтъ (Записки,

на подкрѣпленіе ихъ 30,000 турокъ и татаръ, выведенными изъ Измаила Гассанъ-пашею (бывшимъ капуданъ-пашею въ 1788 г.), устремился на позицію, занимаемую принцемъ Кобургскимъ. Но это движеніе, предусмотрѣнное Потемкинымъ, было разстроено: корпуса князя Репнина и Кречетникова преградили путь измаильскому сераскиру и, разбивъ его при рѣкѣ Сальчѣ (7-го сентября), оттѣснили къ Измаилу, куда Гассанъ-паша вошелъ и здѣсь заперся. Князь Репнинъ, послѣ безуспѣшной и несовсѣмъ обдуманной попытки овладѣть Измаиломъ, отступилъ. Но эта неудача была вполнѣ заглажена полезными послѣдствіями разъединенія силъ верховнаго визиря и Гассана-паши, ибо оно содѣйствовало знаменитой побѣдѣ Суворова при рѣкѣ Рымникѣ—11-го сентября 1789 года.

Наканунѣ этого дня, Потемкинъ, находившійся въ Кишиневѣ (съ 4-го сентября), занятомъ нашими войсками, писалъ къ императрицѣ слѣдующее письмо:

«10-го сентября.—Кишиневъ.»

„Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Больше всего и напередъ всего я озабоченъ вашею болѣзнію; Боже, дай здоровье и силу!

„Грозный исполинъ, бывшій капитанъ-паша, пораженъ будучи казаками, ушолъ тайно, не дождавшись атаки отъ войскъ; я приказалъ живо преслѣдовать и, получа послѣдніе рапорты, пришлю обстоятельное донесеніе съ братомъ Платона Александровича (Зубова); сіе дѣло меня разрѣшило идтить и я завтра выхожу очищать всю̂, внѣ крѣпостей стоящее. Помози, Боже! Жду теперь отъ флота и отъ корпуса, къ Хаджи-бею посланнаго; но больше всего меня безпокоитъ цесарской корпусъ.

„Кобургъ почти караулъ кричитъ; Суворовъ къ нему пошолъ, но естли правда, что такъ непріятель близко, то не успѣютъ наши придтить, хотя вѣрно визирь не сильнѣй Кобурха. Надежда на Бога.

„Матушка родная! Я ждалъ, чѣмъ рѣшится и для того не прежде курьера отправилъ. Турки тутъ стали весьма умно, чтобы насъ держать въ нерѣшимости, ибо они съ сего пункта и къ Коушанамъ и за Прутъ могли обратиться; но Богъ здѣлалъ какъ Ему угодно. Прости,

---

стр. 104) полагаетъ въ 80,000. Наконецъ, Бантышъ-Каменскій — въ 60,000. Ниже увидимъ, что даже въ показаніи числа войскъ рымникской побѣды, біографы противорѣчатъ одинъ другому.

матушка, я очень ослабѣлъ отъ мучительнаго геморонда. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ-Таврическій".

(Адресъ на оборотѣ того же почтоваго золотообрѣзнаго листа: «Ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ». Остатки печати (съ гербомъ князя) краснаго сургуча).

Изъ этого письма явствуетъ, что наканунѣ рымникской битвы положеніе австрійскаго корпуса было почти отчаянное и Потемкинъ сомнѣвался въ успѣшномъ движеніи Суворова для соединенія съ войсками принца Кобургскаго. Кромѣ того, въ этомъ письмѣ Потемкинъ, обходя молчаніемъ дѣйствія Репнина подъ Измаиломъ, относитъ только казацкимъ войскамъ заслугу оттѣсненія Гассана-паши. Дѣйствіями князя Репнина Потемкинъ былъ недоволенъ по причинамъ весьма уважительнымъ. Воображая, что Измаилъ 1789 года такъ же легко взять, какъ то было въ 1770 г., Репнинъ, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ фельдмаршаломъ, хотѣлъ съ одного удара овладѣть крѣпостью, но встрѣтилъ отчаянный отпоръ и принужденъ былъ довольствоваться только пожаромъ, произведеннымъ въ стѣнахъ Измаила нашими гранатами.

Рымникская побѣда была предтечею и пособницею послѣдующихъ успѣховъ нашихъ войскъ: 13-го сентября 1789 г. генералъ-поручикъ графъ де-Бальменъ овладѣлъ Коушанами; 14-го — Гудовичъ и Рибасъ взяли штурмомъ Хаджи-бей; 23-го числа казачій полковникъ Платовъ занялъ Паланку; 30-го—послѣдовала сдача Акермана; затѣмъ, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, 4-го ноября, сдались Бендеры.

Нѣкоторые біографы, основываясь невѣдомо на какихъ данныхъ, обвиняютъ Потемкина въ зависти къ Суворову и проискахъ противъ великаго полководца. Но если Потемкинъ завидовалъ Суворову, на сколько свойственно человѣку талантливому завидовать другому, даровитѣйшему, геніальному, то это не доброе чувство не заглушало въ сердцѣ Потемкина чувствъ справедливости и онъ, какъ мы доказали уже выше подлинными его письмами, всегда по достоинству цѣнилъ заслуги великаго Суворова, искренно уважалъ героя рымникскаго, который иногда самъ бывалъ виновникомъ нѣкоторой натянутости отношеній къ нему князя Таврическаго. Суворовъ не щадилъ его, дозволяя себѣ сатирическія выходки, нерѣдко и колкіе, язвительные отвѣты. «Съ

царями у меня другой языкъ!» сказалъ онъ Потемкину, когда тотъ удивлялся его глубокомысленнымъ рѣчамъ при бесѣдахъ съ Екатериною. «Я—не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться!» отвѣчалъ Суворовъ Потемкину, когда тотъ встрѣтилъ его послѣ взятія Измаила (1790 г.) съ распростертыми объятіями и, какъ начальникъ, съ вопросомъ: «Чѣмъ наградить васъ за ваши заслуги?» Самый безпристрастный отзывъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ полководцевъ можно выразить немногими словами: Суворовъ гордился заслугами, за которыя пріобрѣталъ почести, Потемкинъ—почестями, которыя сколь возможно старался оправдывать заслугами.

Къ рымникской побѣдѣ, 11-го сентября 1789 года[1]), Потемкинъ отнесся съ самымъ радушнымъ сочувствіемъ. Черезъ одиннадцать дней онъ писалъ императрицѣ слѣдующее:

«22-го сентября.—Каушаны.»

„Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Поздравляю васъ, кормилица, съ торжествомъ коронаціи, со днемъ, въ которой былъ столь доволенъ.

„Флоту нашему штурмъ сильной препятствовалъ выйдтить и онъ едва мелкія суда спасъ отъ поврежденія; однако же не безъ починки; иначе вся бы флотилія турецкая была у насъ въ рукахъ; можетъ, Богъ подастъ еще лутчее. Ѣду теперь къ Хаджи-бею чрезъ Паланку, которую послалъ занять всю войсками, кромѣ тѣхъ, что за Прутомъ собираю къ Бендерамъ, а потомъ, что Богъ дастъ. Дѣлаю на 12 тысячъ теплую обувь и всю зиму буду дѣйствовать; но о семъ, матушка, прошу, чтобы никто не зналъ.

„Скажу вамъ съ Ломоносовымъ, какъ онъ Петру Великому придалъ, что

«Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ!»

„Не всю̂, матушка, рукой, но и умомъ усыпить прусскаго короля нужно, ибо естли онъ будетъ видѣть наше худое въ нему разположеніе вперю̂дъ, то непрестанетъ намъ вредить теперь, и такъ мы никогда съ турками не кончимъ; дать же ему надежду — онъ не помѣшаетъ помириться, и тогда вы всю̂ с' нимъ здѣлаете, что хотите; на сіе и

[1]) Повторяемъ это точное число, о которомъ біографы разнорѣчатъ. У Бантыша-Каменскаго—12-го сентября, у Висковатова—7-го сентября. У Энгельгардта и у графа Самойлова числъ вовсе не означено. Кромѣ того, послѣдній гораздо болѣе распространяется о собственныхъ своихъ подвигахъ, нежели о побѣдѣ Суворова: онъ про аванпостныя стычки повѣствуетъ подробнѣе, чѣмъ о Рымникѣ.

союзника согласить можно; поляковъ нужно будетъ тогда усмирить, но теперь и подумать нельзя.

„Будьте увѣрены, что я всю здѣлаю здѣсь что можно.

„По смерть вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ-Таврическій".

„P. S. Скоро пришлю подробную реляцію о суворовскомъ дѣлѣ; ей, матушка, онъ заслуживаетъ вашу милость и дѣло важное; я думаю, что бы ему, но не придумаю; Петръ Великой графами за ничто жаловалъ: коли бы его съ придаткомъ Рымникской? баталія была на сей рѣкѣ.

„P. S. Ето правда, матушка, что въ Финляндіи на будущій годъ начинать da capo (сначала), да и не будетъ толку; зимою же нужно вскорѣ всю укомплектовать и привести въ порядокъ; учить стрѣлять слѣдуетъ больше всего; коли бы Мусина—въ Москву; Салтыкова на его мѣсто: на Кавказѣ политиковать нужно тамъ съ народами, на сіе его не станетъ: азіятцы хитры, а подъ Петербургомъ военныя дѣла онъ поведютъ лутче; Русанова[1]) прочь; Кнорринга[2]) сюда; кавказскую и кубанскую по прежнему ко мнѣ, а я туда пошлю Репнина или Суворова, ежели наступательно пойдемъ, то и будетъ хорошо. Кн. Потемкинъ-Таврическій.

„Благодаренъ много за шубки, къ статѣ теперь[3]).

18-го октября 1789 г.

.... „Каковы цесарцы бы ни были—отвѣчала, между прочимъ, Екатерина Потемкину—и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано поноснымъ и несноснымъ. Мы пруссаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!"

10-го января и 6-го февраля 1790 г.

.... „Императоръ самъ ко мнѣ пишетъ, что онъ очень болѣнъ и опасенъ по причинѣ потери Нидерландіи. Если въ чемъ его оправдать нельзя, то въ семъ дѣлѣ: сколько тутъ перемѣнъ было! То онъ отъ нихъ все отнималъ, то возвращалъ; то паки отнималъ и паки отдавалъ. О союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Русановъ, военный совѣтникъ при графѣ В. П. Мусинѣ-Пушкинѣ.

[2]) Богданъ Өедоровичъ Кнорингъ (р. 1746, † 1825 г.).

[3]) Писано на большомъ листѣ толстой, синеватой бумаги. На оборотѣ: «Ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ». Печать большая, краснаго сургуча.

ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ: пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ, ненавидимъ всѣми. Венгерцы мать его спасли въ 1740 году отъ потери всего: я-бъ на его мѣстѣ ихъ на рукахъ носила".

Взятіе Бендеръ (4-го ноября 1789) [1]) закончило кампанію и, по случаю зимняго времени, военныя дѣйствія прекратились. Избравъ себѣ главною квартирою Яссы и распустивъ войска по зимнимъ квартирамъ, Потемкинъ даже не отправился въ Петербургъ, нуждаясь въ отдыхѣ отъ недавней усиленной дѣятельности. Несмотря на успѣхи нашего оружія и на благопріятные задатки успѣховъ въ будущемъ, Потемкинъ не скрывалъ отъ государыни тягостнаго положенія войскъ. Такъ онъ писалъ къ ней отъ 22-го ноября.... «13-го числа сего мѣсяца началась зима и продолжается. Первые дни были жестоки морозомъ и мятелицею. Не бывало никогда столь крѣпкой и нечаянной зимы; рѣки стали вдругъ, прекратились транспорты, черезъ что въ провіантѣ и всякаго рода доставленіи сдѣлалась остановка. Полкамъ трудно отходить въ квартиры, особливо тѣмъ, которые пошли въ Екатеринославскую губернію степью, а и всѣмъ генерально до Кишинева степь же проходить было надобно. Но, слава Богу, многіе уже достигли квартиръ безвредно и время настало мягче. О скотѣ я уже не упоминаю; радуюсь, что люди цѣлы. Не могу довольно описать В. И. В. безконечныхъ затрудненій въ приведеніи всего въ порядокъ. Заботы превосходятъ почти мои силы. Какъ доставлять провіантъ отдаленнымъ частямъ, аммуницію и рекрутовъ по толь великому некомплекту. Они поздно собираются, почему, ради усиленія полковъ, другія нужны мѣры".

Измаильскій сераскиръ Гассанъ-паша убѣждалъ диванъ прекратить разорительную войну съ Россіею. Потемкинъ сообщилъ проектъ мирныхъ условій чрезъ аккерманскаго пашу измаильскому сераскиру, который вошелъ въ сношенія съ Потемкинымъ. „Турки въ крайнемъ страхѣ отъ войскъ вашихъ", писалъ онъ императрицѣ, „а, конечно, миръ выгодный могъ бы быть, когда бы

[1]) Бантышъ-Каменскій показываетъ 5-го ноября, Висковатовъ—30-го октября; мы придерживаемся точнѣйшей цифры, показанной у Храповицкаго.

не случилось помѣшательствъ отъ другихъ, а не менѣе и отъ союзниковъ нашихъ, которые себѣ хотятъ всего, а намъ—ничего; турки же расположены къ намъ, а къ нимъ нѣтъ».

26-го декабря 1789 года послѣдовалъ на имя Потемкина благодарственный рескриптъ: бывшій Новотроицкій кирасирскій полкъ, въ 1783 году названный Екатеринославскимъ, былъ переименованъ въ честь своего шефа «князя Потемкина кирасирскимъ полкомъ»; сверхъ того, князю присланы были въ Яссы 100,000 рублей и лавровый вѣнокъ, осыпанный бриллiантами, въ 150,000 руб. Въ январѣ 1790 года князь былъ пожалованъ «великимъ гетманомъ казацкихъ войскъ—екатеринославскихъ и черноморскихъ».

Объ образѣ его жизни въ Яссахъ сохранилось множество разсказовъ очевидцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ называютъ Яссы—Капуей Потемкина. Окруженный въ своемъ дворцѣ цѣлымъ гаремомъ красавицъ (бо̀льшею частью женъ его генераловъ знатнѣйшихъ фамилій), Потемкинъ изощрялъ всю свою изобрѣтательность на устройство пышныхъ пировъ, баловъ, домашнихъ спектаклей. Нарочно выписалъ изъ Петербурга балетмейстера Розетти съ фигурантами. Капельмейстеръ Сарти, безотлучно находившійся при князѣ съ оркестромъ изъ трехсотъ человѣкъ, увеселялъ общество концертами и сочинялъ торжественныя ораторіи. Онъ переложилъ на музыку: «Тебѣ Бога хвалимъ», введя въ оркестровку батарею изъ десяти пушекъ, гремѣвшую бѣглымъ огнемъ при стихѣ: «святъ, святъ, святъ!» Въ Яссахъ Потемкинъ пробылъ до половины іюля 1790 года. Л. Н. Энгельгардтъ (Записки, стр. 106), разсказывая о пребываніи Потемкина въ Яссахъ, говоритъ между прочимъ:

„Его свѣтлость одѣвался нерѣдко въ гетманское платье, которое было сшито щегольски и фасонъ котораго онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ екатеринославскихъ и черноморскихъ казаковъ. Въ самое то время, когда онъ такъ щегольски одѣвался и такъ нарядомъ своимъ занимался, приказалъ сдѣлать себѣ и мундиръ изъ солдатскаго сукна, дабы своимъ примѣромъ подать недостаточнымъ офицерамъ средство не издерживать изъ малаго своего жалованья на покупку тонкаго сукна, которое, за отдаленіемъ торгующихъ купцовъ онымъ товаромъ, было дорого. Почему въ угожденіе его всѣ генералы сдѣлали таковые мун-

диры. И такъ, хотя приказа и не было, но почти всѣ штабъ- и оберъ-офицеры съ удовольствіемъ во всю войну одѣвались въ куртки толстаго сукна, какъ солдаты, но однако-жъ не запрещалось, по желанію, носить мундиры и тонкаго сукна[1])».

„По прибытіи свѣтлѣйшаго князя въ Яссы, одинъ разъ онъ только былъ у фельдмаршала графа Румянцева въ Жижѣ и изрѣдка посылалъ дежурнаго генерала, племянника своего, В. В. Энгельгардта, съ привѣтствіемъ. Остальные генералы изъ подлости и раболѣпства рѣдко посѣщали графа, да и то самое малое число. Одинъ только графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ оказывалъ ему уваженіе; послѣ всякаго своего дѣла и движенія, посылая курьера съ донесеніемъ главнокомандующему, особеннаго курьера посылалъ съ донесеніемъ и къ маститому фельдмаршалу, такъ какъ бы онъ еще командовалъ арміей".

Но не въ праздныхъ только забавахъ Потемкинъ проводилъ время въ Яссахъ и, удѣляя «дѣлу—время, потѣхѣ—часъ», онъ велъ дѣятельную дипломатическую переписку съ Петербургомъ, чужими краями и съ сераскиромъ измаильскимъ. Курьеръ, скакавшій сломя голову въ Петербургъ за какимъ-нибудь балетмейстеромъ, везъ въ тоже время важное, секретное порученіе; точно также, посланный, ѣхавшій въ чужіе краи за лакомствами, привозилъ къ Потемкину вмѣстѣ съ ними необходимыя свѣдѣнія и тайныя извѣстія. Праздность и роскошь до нѣкоторой степени служили князю Таврическому личинами для прикрытія его трудовъ по дипломатической части; Сарти своей музыкой развлекалъ бдительность аргусовъ, окружавшихъ Потемкина: говоримъ о союзникахъ, которымъ онъ не вполнѣ довѣрялъ и въ чемъ былъ совершенно правъ. Такова была изнанка роскошной обстановки, окружавшей Потемкина.

Переговоры о мирѣ тянулись и затягивались, и прекратились на время за смертію верховнаго визиря, а вскорѣ послѣ него и Іосифа II, императора австрійскаго. Новый визирь, Шерафъ-паша, изъявилъ готовность продолжать переговоры о мирѣ и ихъ велъ статскій совѣтникъ Лашкаревъ. Къ сожалѣнію, догова-

[1]) Точно такъ же черезъ шестьдесятъ четыре года, въ крымскую кампанію, въ нашихъ войскахъ были введены для штабъ- и оберъ-офицеровъ солдатскія шинели, и это преобразованіе обмундировки, помимо дешевизны, много способствовало сбереженію жизни командировъ.

ривавшіяся стороны плохо согласовались въ желаніяхъ: Потемкинъ говорилъ рѣшительно: миръ или война. Визирь желалъ только перемирія. Тогда на дѣлѣ оправдалось древнее изрѣченіе: хочешь мира—готовься къ войнѣ, и непріязненныя дѣйствія возобновились: 8-го іюля 1790 г. контръ-адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ одержалъ блистательную побѣду надъ капуданомъ-пашею, преградивъ ему путь въ Азовское море, а 28-го и 29-го августа разбилъ турецкій флотъ совершенно. Недовѣріе Потемкина къ австрійцамъ-союзникамъ вполнѣ оправдалось: 16-го іюля Австрія заключила миръ съ Портою Оттоманскою. Новый императоръ Леопольдъ склонился на предложенія Пруссіи, Англіи и Голландіи, предлагавшихъ свое посредничество и петербургскому кабинету, но они были отвергнуты Екатериною [1]). Изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ писемъ Потемкина къ Суворову и Лашкареву очевидны какъ затрудненія переговоровъ, такъ и смѣтливость и быстрота соображеній Потемкина. Самая краткость слога—любопытная черта къ его характеристикѣ.

18-го іюля (Суворову): „Вотъ, мой милостивый другъ, австрійцы кончили... Что курьеръ пріѣдетъ, то вы въ свое мѣсто“.

1-го августа (ему же): „Какъ уже кончено у австрійскаго двора съ берлинскимъ мирное съ Портою положеніе, о чемъ принцъ Кобургъ долженъ быть увѣдомленъ, а ежели и нѣту, то все равно; не для чего драться и терять людей за удержаніе земли, которую слѣдуетъ отдать“.

16-го августа (Лашкареву): „Визирь говорилъ вамъ о перемиріи. На что оно, когда миръ мы сдѣлать готовы? Кондиціи, которыя я предложилъ, суть крайнія и маловажныя. Ежели они хотятъ быть чистосердечны, то все кончится въ скорости. Ежели отвѣтъ замѣшкается, то

---

[1]) Вотъ интересные отрывки изъ писемъ Екатерины II къ Потемкину, за это время:

5-го августа 1790 г. Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста. Сего утра я получила отъ барона Игельстрома курьера, который привезъ подписанный имъ и барономъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества. Отстали они, если смѣть сказать, моею твердостью личною одною, отъ требованія, чтобъ принять ихъ ходатайство у турокъ.

29-го августа 1790 г. . . . . . Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ шведами; на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь.

долго не ждите, ибо я терпѣть не буду. Дайте мнѣ знать о числѣ ихъ войскъ; въ разговорахъ какъ можно меньше говорить о пруссакахъ, а напротивъ, коли случай дойдетъ видѣться, то обходитесь сколь можно глаже. При случаяхъ толкуйте имъ, сколь мала наша претензія, о мирѣ же скажите, что они увидятъ сколь оный будетъ сохраняемъ чистосердечно. Мнѣ странно, что они объ Очаковѣ упомянули: вы имъ на̀-чисто скажите: ежели объ немъ говорить, то и мира нѣтъ".

29-го августа (ему же): „Ты имъ скажи отъ себя: я сажусь сейчасъ въ карету и не скажу куда ѣду—что Богъ дастъ. Въ разговорѣ сдѣлайте разсужденіе, что какъ имъ не стыдно вилять. Чрезъ сіе для переду дѣлается недовѣрка. Мы съ ними хотимъ помириться и жить дружно, чему Богъ свидѣтель. Купи мнѣ, ежели найдешь, хорошую бирюзу, или курильницу богатую и другое (что) хорошее турецкое".

7-го сентября: „Наскучили уже турецкія басни; ихъ министерство и насъ, и своихъ обманываетъ. Тянули столько и вдругъ теперь выдумали медіацію прусскую, да и мнѣ предлагаютъ. Это дѣло не мое, а дворамъ принадлежитъ. Мои инструкціи: или миръ, или война. Вы имъ изъясните, что коли мириться—то скорѣе: иначе буду ихъ бить...."

8-го сентября. (нашему резиденту въ Варшаву). Плюйте на ложныя разглашенія, которыя у васъ на нашъ счетъ дѣлаются. Суворовъ, слава Богу, цѣлехонекъ; на сухомъ пути дѣла не было нигдѣ; турки и смотрѣть на насъ близко не смѣютъ. Какъ имъ (полякамъ) не наскучитъ лгать? Лучше бы подумали, что если бы были съ нами дружны, то Молдавія была бы уже ихъ. На морѣ намъ Богъ помогъ совершенно разбить флотъ непріятельской".

30-го сентября 1790 года командовавшіе нашими войсками на Кубани генералъ-маіоры Германъ, Булгаковъ и бригадиръ Мансуровъ близь истока Кубани разбили на голову и взяли въ плѣнъ турецкаго сераскира Баталь-пашу. По этому поводу Потемкинъ отправилъ въ Екатеринославъ слѣдующее:

„Ордеръ г. статскому совѣтнику намѣстничества екатеринославскаго, вице-губернатору и кавалеру Тибѣкину.

„Войскамъ, у Кубани и Кавказа расположеннымъ, повелѣно было отъ меня идти и атаковать армію турецкую, въ сорока тысячахъ къ Кубани слѣдовавшую подъ начальствомъ сераскира, трехъ-бунчужнаго паши Баталь-бея, столь въ Азіи знаменитаго. Сентября 30-го дня, одинъ изъ отряженныхъ корпусовъ, подъ командою г. генералъ-маіора Германа, встрѣтилъ сію армію близь Кубани, выше..... мыса и, не взирая на несоразмѣрность силъ непріятельскихъ, по жестокомъ сраже-

ніи, одержалъ совершенную побѣду: весь лагерь турецкій и вся ихъ артиллерія, болѣе тридцати орудій, достались намъ въ добычу, а самъ сераскиръ паша Баталь-бей со всею его свитою взяты въ плѣнъ. Я даю вамъ о семъ знать для объявленія въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и принесенія благодарственнаго Всевышнему моленія".

Помѣта: «Полученъ 28-го октября 1790 года».

Эта побѣда вознаградила за неудачную экспедицію къ Анапѣ генералъ-поручика Бибикова. Потемкинъ, смѣнивъ его, требовалъ у него строгаго отчета, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ уваженіе трудовъ и безпрекословнаго повиновенія, оказанныхъ войсками, испросилъ у императрицы для нижнихъ чиновъ серебряныя медали на андреевской лентѣ, съ надписью: «за вѣрность». Черта справедливости тѣмъ болѣе похвальная, что и въ позднѣйшія времена, не только что тогда, терпѣніе и безропотная покорность не вмѣнялись даже и въ заслугу русскимъ солдатамъ.

18-го октября, послѣ довольно сильнаго сопротивленія, крѣпость Килія сдалась Гудовичу.

Такимъ образомъ успѣшно осуществлялся планъ кампаніи, начертанный Потемкинымъ; русскія войска, овладѣвая крѣпостями дунайскаго и черноморскаго прибережьевъ, вытѣсняли оттуда турокъ. Но для увѣнчанія успѣховъ нашего оружія оставалось еще овладѣть неприступною твердынею — Измаиломъ. Эту крѣпость защищалъ сорокатысячный гарнизонъ, который, при самыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, могъ выдержать самую долговременную осаду. Взятіе Измаила приступомъ, по мнѣнію турокъ и даже опытнѣйшихъ европейскихъ инженеровъ, было немыслимо. Потемкинъ предписалъ Гудовичу обложить крѣпость съ сухаго пути, а Рибасу, съ гребнымъ флотомъ, зайти со стороны Дуная. Рибасъ, при содѣйствіи казаковъ, очистилъ дунайскія гирла отъ находившихся тамъ турецкихъ судовъ и, взявъ крѣпости Тульчу и Исакчу, пресѣкъ сообщеніе измаильскому гарнизону съ правымъ берегомъ рѣки. Обложеніе съ сухаго пути началось 21-го ноября 1790 года отрядомъ генералъ-маіора Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова[1]), къ которому присоединились и

---

[1]) Памяти маститаго вождя русскаго народа въ достопамятную эпоху 1812 г. посвящены многія страницы «Русской Старины»; изъ нихъ къ его ратному поприщу до 1791 года относятся: рескриптъ Екатерины II и его письма къ женѣ; изъ нихъ одно, весьма любопытное, о взятіи Измаила, приложено къ

войска Гудовича, прибывшія изъ Киліи. Позднее время года, проливные дожди и болѣзни въ нашихъ войскахъ побудили генераловъ на общемъ военномъ совѣтѣ рѣшить отступленіе отъ стѣнъ Измаила на зимнія квартиры. Рибасъ былъ противнаго мнѣнія, но его возраженія были оставлены безъ вниманія. Потемкинъ пригласилъ изъ Галаца находившагося тамъ Суворова.

Суворовъ поспѣшилъ къ стѣнамъ Измаила и, встрѣтивъ войска, уже отступавшія, воротилъ ихъ. 2-го декабря онъ прибылъ; 3-го числа размѣстилъ войска на прежнія позиціи; четыре дня прошли въ безуспѣшныхъ переговорахъ съ сераскиромъ Аудузлу-пашею... Утромъ 11-го декабря Суворовъ писалъ Потемкину: «Нѣтъ крѣпче крѣпости, ни отчаяннѣе обороны, какъ Измаилъ, падшій предъ трономъ Е. И. В. кровопролитнымъ штурмомъ! Нижайше поздравляю вашу свѣтлость!» Съ своей стороны, Потемкинъ въ первомъ донесеніи своемъ писалъ императрицѣ:

„Не Измаилъ, но армія турецкая, состоявшая въ тридцати слишкомъ тысячахъ, истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ. Слава Богу, всегда насъ побѣдительными творящему! Положеніе локальное сего мѣста навело бы всегдашнее безпокойствіе квартирамъ и разрѣзывало бы Килію съ Серетскимъ кордономъ, флотилія же осталась бы безъ сообщенія. Сіи резоны, а паче высочайшая воля наносить всегда вредъ непокоряющемуся злодѣю, рѣшили меня предписать штурмъ. Храбрый генералъ графъ Суворовъ-Рымникскій избранъ былъ мною къ сему предпріятію. Богъ помогъ! Непріятель истребленъ; болѣе уже двадцати тысячъ сочтено тѣлъ, да слишкомъ семь тысячъ взято въ плѣнъ и еще отыскиваютъ. Знаменъ триста десять уже привезены и еще собираютъ. Пушекъ будетъ до трехсотъ. Войска ваши оказали мужество примѣрное и неслыханное. Обстоятельства донесу послѣ; отправляюсь ради осмотра Дуная, а флотилія уже готовится на новыя предпріятія. Повергаю къ освященнымъ стопамъ В. И. В. командовавшаго штурмомъ генерала графа Суворова-Рымникскаго, его подчиненныхъ, отлично храброе войско и себя“.

Изъ подробнаго донесенія Потемкина о взятіи Измаила приводимъ только отзывы его о Суворовѣ:

„Отдавъ справедливость исполнившимъ долгъ свой военачальникамъ, не могу я достойной прописать похвалы искусству, неустрашимости и

«Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ II-й, въ точномъ снимкѣ, стр. 513—520, и друг.

добрымъ распоряженіямъ главнаго въ семъ дѣлѣ вождя, графа А. В. Суворова-Рымникскаго. Его неустрашимость, бдѣніе и прозорливость всюду содѣйствовали сражающимся, всюду ободряли изнемогающихъ и, направляя удары, обращавшіе вотще непріятельскую оборону, совершили славную сію побѣду".

Курьеромъ о взятіи Измаила былъ отправленъ въ Петербургъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, братъ Платона Зубова, тогдашняго любимца.

IX.

Взятіемъ Измаила былъ достойно завершенъ славный для русскаго оружія 1790-й годъ, событія котораго воспѣты Державинымъ и описаны многими отечественными біографами былыхъ временъ. Но если поэзія — льстивая и пристрастная—выставляла только лицевую сторону, а исторія, заимствуя языкъ у реляцій, обходила молчаніемъ трудности тогдашняго военнаго быта и нѣкоторыя неудачи въ дѣйствіяхъ военачальниковъ, тѣмъ не менѣе находились люди настолько правдолюбивые, чтобы, не ослѣпляясь успѣхами, высказывать о герояхъ горькую правду. Въ декабрѣ 1790 года Потемкинъ закончилъ свое поприще полководца и именно въ это время былъ написанъ въ Яссахъ небольшой фантастическій разсказъ, посвященный весьма рѣзкой и не вполнѣ справедливой оцѣнкѣ дѣятельности князя Таврическаго на поприщѣ военной администраціи. Авторомъ этого злого памфлета признанъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ[1]), въ послѣдствіи герой Кавказа.

Предъ нами два списка этого сатирическаго очерка: одинъ изъ нихъ, болѣе точный, сообщенъ И. И. Ореусомъ. Приводимъ изъ него нѣкоторыя, особенно яркія мѣста. Заглавіе памфлета: «Бесѣда трехъ россійскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ, служившихъ въ трехъ разныхъ войнахъ противъ турокъ», то есть при фельдмаршалахъ: гр. Минихѣ, во вторую при гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ и при кн. Потемкинѣ-Таврическомъ.

Въ небольшомъ вступленіи, авторъ, нѣсколько витіевато, разсказываетъ, будто въ минуту грустнаго настроенія духа онъ

[1]) Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ род. 1754 г., предательски убитъ въ Баку, въ 1806 г. О заслугахъ его см. «Русская Старина» 1872 г., томъ V, стр. 715—717.

уснулъ и въ сновидѣніи перенесся въ царство мертвыхъ. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ бесѣды солдата: Сергѣя Двужильнаго, умершаго отъ раны, полученной на измаильскомъ штурмѣ, съ двумя другими солдатами, опередившими его въ царствѣ мертвыхъ, Иваномъ Гавриловымъ, современникомъ Миниха, и Степаномъ Статнымъ, служившимъ при Румянцевѣ. Языкъ собесѣдниковъ простъ, ясенъ и искусно поддѣлывается подъ солдатскій складъ. Въ разсказахъ Двужильнаго о его недавнемъ житьѣ-бытьѣ слышится грустный отголосокъ солдатъ, не совсѣмъ довольныхъ своею участью и преобразованіями, совершенными Потемкинымъ въ нашихъ войскахъ. Двужильный два раза попадалъ въ полевую службу. «Вздумалось,—говоритъ онъ,—вышней командѣ сдѣлать новое войско, нарядить съ ногъ до головы его въ зеленое сукно и назвать егарями... Теперь ихъ сдѣлано семь корпусовъ: въ каждомъ корпусѣ 4 баталіона, въ каждомъ баталіонѣ 4 роты, въ ротѣ 212 рядовыхъ. Такимъ-то манеромъ, при формированіи сказанныхъ корпусовъ, надобно было, чтобъ заводъ въ нихъ былъ изъ старыхъ солдатъ, а потому, какъ изъ полковъ взяли, такъ и изъ гарнизоновъ начали набирать солдатскихъ дѣтей отъ 14-ти лѣтъ. У меня было четыре сына, которыхъ взяли... я тогда былъ уже 6 лѣтъ въ гарнизонѣ, послужа Богу и государю въ полевой 20 лѣтъ. Набиралъ насъ генералъ ***[1]), который послѣ съ ума сошелъ, видно Богъ его за меня наказалъ. Этотъ-то генералъ и меня завербовалъ, хотя я никуда отъ старости не годился; и когда командиры мои зачали ему представлять, что я послужилъ довольно и что мнѣ ужъ въ походѣ не снести ноши, такъ онъ сказалъ при мнѣ самомъ, что «онъ годится артельщикомъ быть». Потому-то меня и прозвали Двужильнымъ».

Затѣмъ разскащикъ переходитъ къ обмундировкѣ и вооруженію. «Что лѣто, то новая одежда. Ноша-то таже, какъ и на другихъ, да въ прибавокъ повѣсили намъ по пистолету безъ шомпола; а одинъ шомполъ дали на двухъ егарей. Ужъ командиры послѣ отъ себя на каждаго по одному сдѣлали. По штату поло-

[1]) С. А. Ф. показано въ выноскѣ рукописи, т. е. Сергѣй Андреевичъ Фаминцынъ, шефъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса. Онъ помѣшался въ апрѣлѣ 1787 г. У Храповицкаго подъ 14 числомъ: «Съ чувствительностью услышали, что помѣшался ген.-маіоръ Сергѣй Андреевичъ Фаминцынъ; о немъ писано къ Еропкину съ нарочною штафетою».

жена каска; эта каска составляется изъ 17-ти штукъ, стоитъ 70 коп., а толку ни малаго нѣтъ; ни на что не походитъ: тяжела, зимою не грѣетъ, лѣтомъ — за шею и дождикъ, и слякоть идетъ; только и толку, что спереди козырь, чтобъ солнце въ глаза не свѣтило. А теперь дали намъ кивера такіе, что у гусаръ были; это попокойнѣе — да зимою безъ ушей и безъ щекъ будешь. (Каска похожа) развѣ на ощипаннаго пѣтуха. Прежде сего у ней было двѣ лопасти, которыми зимою можно подвязывать щеки было, а теперь въ фельдмаршальскомъ гренадерскомъ полку сдѣлали одну лопасть сзади, которая ни къ чему не пригодна; такъ и во всей арміи начали дѣлать».

Затѣмъ солдатъ сѣтуетъ на переименованія полковъ... «даютъ такія имена, что инаго рекрутъ и въ годъ не затвердитъ». Собесѣдники спрашиваютъ Двужильнаго, каково нынѣ ученье рекрутовъ и обхожденіе съ ними? Извѣстно, что Потемкинъ внушалъ начальникамъ не особенно утруждать солдатъ и человѣчнѣе обходиться съ ними. Несочувственно отнеслись къ этимъ мѣрамъ не только начальники, но будто бы и сами солдаты. Тѣ и другіе, если только вѣрить памфлету, сроднились съ палками и фухтелями, безъ которыхъ солдатская муштровка весьма долго почиталась дѣломъ невозможнымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если по поводу ослабленія звѣрства при обхожденіи съ солдатами авторъ «бесѣды» влагаетъ въ уста солдата слѣдующія рѣчи:

— «Все твердятъ, чтобы натурально было и непринужденно; а вы сами знаете, каковъ нашъ братъ, изъ крестьянства взятый во время рекрутства, пока не наторѣетъ; подлинно, что непринужденно стоитъ. У меня на рукахъ довольно ихъ перебывало; инаго чорта года въ два не уломаешь (!), чтобъ онъ тебѣ на право кругомъ поворотился. Дерутся меньше: за то и толку меньше и службы меньше! Прошлой зимою свѣтлѣйшій отдалъ приказъ, чтобы унтеръ-офицеръ больше семи лозановъ не смѣлъ дать. Что-жъ изъ этого вышло? Ты нашу братью знаешь: не только что унтеръ-офицера не слушаютъ, да и передъ офицеромъ шапочки не ломаютъ; а инаго, который посмирнѣе, такъ и м...... загнетъ. Станешь его бить за ослушаніе, то онъ пойдетъ да нажалуется, и тогда — правда-ли, не правда-ли — у полковника полкъ отымутъ, а офицера арестуютъ. Такъ, такова и служба.

Нашъ братъ палку любитъ, лишь бы до него все положенное доходило».

Собесѣдникъ спрашиваетъ: какъ же оно доходитъ?

— «А вотъ какъ: екатеринославская армія три трети жалованья не получала. Да какъ и даютъ его, то червонецъ курсомъ въ 3 р. 70 коп., хотя за него нигдѣ больше не дадутъ трехъ рублевъ. Провіантскія зимою отпускаютъ деньгами, то есть обѣщаніями; для того, что ихъ почти никогда не выдаютъ.

— «Чѣмъ-же вы кормитесь?

— «Чѣмъ? Мужицкимъ харчемъ, т. е. кукурузою, да папушомъ. Охъ, это кушанье надоѣло! (Въ артеляхъ) какому богатству быть. Да еще сколько лошадей каждый годъ въ артеляхъ перемретъ, для того, что до генваря въ походѣ бываемъ, а сѣна не даютъ; говорятъ: чѣмъ хочешь корми; можно-де еще на подножномъ, а подножной-то — снѣгъ. (Провіантъ даютъ) какъ случится. Прошлою зимою (1789 г.) въ Бендерахъ давали такой гнилой хлѣбъ, что за зиму-то человѣкъ по 60 и болѣе изъ роты померло. Командиръ-то тутъ былъ какой-то намѣстникъ — дѣвичій прелестникъ: такъ его прозвали. Онъ изъ Калуги къ намъ пожаловалъ [1]). Человѣкъ онъ придворный: пріѣдетъ въ Яссы, наряжается въ венгерки съ свѣтлѣйшимъ одинаково, да говоритъ ему: вездѣ благоденствіе, гдѣ онъ командуетъ; а тамъ хоть трава не рости. Послѣ хватились, да поздно; послали стараго ген.-аншефа Меллера, барона Закомельскаго [2]), такъ онъ ужъ представилъ и, по его уже представленію, велѣли перестать производить тотъ гнилой хлѣбъ въ пищу, а между тѣмъ народу много повалили».

Слѣдуютъ сѣтованія на упадокъ дисциплины:

— ...«Чему доброму быть, какъ въ нашемъ братѣ страха нѣтъ, или военной дисциплины, о которой намъ читывали въ артикулѣ. Я таки самъ ефрейторомъ былъ: бывало наряжаешь куда, такъ онъ тя не слушаетъ, да и все тебѣ тутъ! Говоритъ: «не спѣши, что ты разворчался!» Пожалуешься старшему сержанту, тотъ ударитъ его палкой, а онъ говоритъ: «не бей меня, я къ свѣтлѣйшему пойду!»

---

[1]) Рѣчь идетъ о генералъ-поручикѣ Михаилѣ Никитичѣ Кречетниковѣ (р. 1723, † 1793 г.).

[2]) Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ отъ артиллеріи, скончался отъ раны, полученной при осадѣ Килiи, 10-го октября 1790 г.

Какъ образецъ упадка не только дисциплины, но и духа въ войскахъ, авторъ влагаетъ въ уста словоохотливому-солдату слѣдующій, въ высшей степени любопытный, разсказъ:

— «Подъ Киліей назначено было овладѣть ретраншементомъ, у котораго ровъ не шире двухъ аршинъ былъ. Къ тому дѣлу посланъ былъ Херсонской гренадерскій полкъ и корпусы лифляндскихъ егарей, а командовалъ всѣми генералъ-поручикъ [1]) и самъ былъ посрединѣ Херсонскаго полку. Лишь пришли колонны ко рву, то сѣли, да и не пошли; а въ ретраншементѣ ни одной души не было. Зачали стрѣлять, и хвостъ колонны по переднимъ началъ жарить. Командировъ не слушаютъ; генералъ-поручику нечего дѣлать: присѣлъ, чтобы задніе не застрѣлили, а передніе въ эту пору начали пятиться и сшибли съ ногъ того генералъ-поручика, потомъ побѣжали. Вся колонна чрезъ его высокопревосходительство перешла и всего его затоптала, хотя тутъ всѣ, окружающіе его, кричали, что генералъ-поручика топчутъ! Потомъ, видя, что въ ретраншементѣ никого нѣтъ, оборотившись, сунулись прямо подъ стѣны (т. е. Херсонской полкъ), хотя приказано отъ старика Меллера, только занявъ ретраншементъ, остановиться и обрыться. Надобно вамъ знать, что турки не были еще тогда выгнаны изъ форштата. А потому-то какъ сунулись херсонцы подъ стѣны — такъ съ крѣпости картечью, а изъ домовъ — изъ ружей какъ начали жарить, то они и оробѣли: впередъ некуда и нельзя: безъ лѣстницъ были и безъ фашинъ; а назадъ не смѣютъ. Генералъ-поручикъ не зналъ, что дѣлать, для того, что его не слушали. Послалъ за старикомъ генералъ-аншефомъ Меллеромъ, который лишь пришелъ съ Екатеринославскимъ гренадерскимъ и Орденскимъ гренадерскимъ коннымъ полкомъ, при бригадирѣ Шереметевѣ [2]), то и выручилъ ихъ и отвелъ... Да, бѣднаго старика тутъ ранили, послѣ чего онъ скоро и умеръ».

— «Послѣ смерти генерала аншефа Меллера присланъ былъ генералъ-поручикъ И. В. Гудовичъ, который пріѣхалъ туда въ

[1]) Выноска въ рукописи: «А. Н. Сам...», то есть Александръ Николаевичъ Самойловъ, племянникъ и біографъ свѣтлѣйшаго. Само собою разумѣется, что онъ объ этомъ событіи умалчиваетъ въ своемъ жизнеописаніи князя Потемкина.

[2]) Василій Сергѣевичъ Шереметевъ командовалъ коннымъ полкомъ съ 24-го ноября 1772 г. по 28-е января 1793 г. Выключенъ пзъ списковъ полка по словесному приказу 7-го января 1797 г.

то время, когда уже изъ форштата турки были выгнаны, и, по пріѣздѣ своемъ, велѣлъ сдѣлать, по приказу, траншеи и брешъ-батарею, начатую однако же еще при генералѣ Меллерѣ, которая въ два дни сдѣлала такой проломъ, что можно было взводу, въ 14 рядовъ, пройти свободно, и тогда-то турки сдались съ тѣмъ, чтобъ быть выпущенными съ военною честію, оставя намъ городъ и все принадлежащее государю. Эта комедія происходила двѣ недѣли, только что городъ взяли. (Солдаты и тутъ) показали свое неповиновеніе. Наряжено было 1,500 человѣкъ работниковъ дѣлать брешъ-батарею. Они пришли, начали рыть; какой-то дурень вдругъ закричалъ только: «турки!», то вся орава кинула работу и, оставя на батареѣ одного инженеръ-ген.-маіора Кнорринга, побѣжала назадъ. Да полно, къ счастію того инж.-ген.-маіора случились тутъ двѣ роты бывшаго Санктпетербургскаго гренадерскаго полка, перекрещеннаго въ (полкъ) св. Николая, для прикрытія, изъ которыхъ одна вступила на батарею, а другая бѣгущихъ работниковъ прикладами поворотила назадъ».

— «А вотъ какой (Гудовичъ) молодецъ. Будучи командиромъ подъ Киліей, онъ ни разу не былъ на брешъ-батареѣ, а все смотрѣлъ въ подзорную трубку отъ резерва, резервъ же стоялъ двѣсти сажень за ретраншементомъ позади. Да еще что говорятъ: бывало и въ туманъ прегустой все въ трубу смотритъ.

— «Никого за взятье этого города (Киліи) не пожаловали. Мало отличались и егари, для того, что и они вѣдь тутъ же при взятіи ретраншемента оставались и не пошли. Да и послѣ, кромѣ третьяго баталіона, всѣ, сунувшись впередъ, ворвались въ армянскій монастырь, гдѣ всѣ христіане спастись хотѣли. Армянскій архимандритъ, съ крестомъ и евангеліемъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, какъ видно, думая, что они, убоясь Господа Бога, спасутъ ихъ всѣхъ; а они, безбожники, какъ того архимандрита, такъ и всѣхъ христіанъ перекололи и послѣ сосуды и ризы продавали въ лагерѣ у маркитантовъ...... въ лагерѣ никакихъ карауловъ нѣтъ, сбору не бьютъ и смѣна не дѣлается. За водою кто какъ хочетъ и когда, офицера никогда не посылаютъ. За дровами тоже... однимъ словомъ, что хочешь, то и дѣлай. Полковникъ, два мѣсяца стоя въ лагерѣ, не бываетъ на лѣвомъ флангѣ ни разу. Въ Бендерахъ, при главной квартирѣ свѣтлѣйшаго, было 7 гренадерскихъ, 5 мушкатерскихъ, 1 кирасирскій,

2 конноегарскихъ, 5 легкоконныхъ полковъ, да и казаковъ тысячъ до пяти. Свѣтлѣйшій никогда къ разводу не выходитъ и не смотритъ, да никто и изъ генераловъ не бываетъ, а коли этого мало, такъ и полковники тѣхъ полковъ, чья смѣна, иногда, въ дурную погоду, не бываютъ. И дежурный генералъ не бываетъ. Да полно, онъ хотя бы и былъ, такъ толку мало; для того, какъ я посмотрѣлъ, такъ его никто ни во что не ставитъ и дядюшка-то его, свѣтлѣйшій, говорятъ, при всей арміи, то есть при большомъ собраніи, назвалъ его ж . . . . и принудилъ его самого себя такъ назвать».

— «У всякаго генерала человѣкъ по двадцати въ домѣ солдатъ служатъ лакеями; да таки и у самаго свѣтлѣйшаго на дворѣ человѣкъ до 200-тъ солдатъ: то конюхами, то гусарами, то лакеями и, чортъ знаетъ, какихъ людей нѣтъ! А что всего хуже, что этихъ гусаровъ, лакеевъ и конюховъ, которые у него служатъ, свѣтлѣйшій производитъ въ офицеры тотчасъ. То-то, братъ, досадно нашему брату. Ты лобъ подставляй, да животъ неси на смерть, а твой набитый братъ, за то только, что великъ выросъ и хорошо тарелку подаетъ, черезъ годъ выскочитъ въ офицеры, да и дубаситъ тебя не на животъ, а на смерть».

— «Такъ много нашей братьи—офицерства?»

— «Да какихъ нашихъ братьевъ! Много есть и мастеровыхъ. Это еще хуже! Нашъ братъ хоть потому стоитъ того, что несетъ голову за отечество, а то шустеръ какой-нибудь! Вотъ-таки я въ Бендерахъ слышалъ, что портнаго, за то только, что хорошо шилъ платье на кн. До . . . [1]), свѣтлѣйшій въ поручики пожаловалъ; серебренника взялъ къ себѣ въ полкъ въ корнеты; булочника, который съ нами былъ подъ Хотиномъ и пекъ хлѣбы на гр. И. П. Салтыкова, пожаловали въ подпоручики. Плѣненнаго турку въ Хотинѣ, что у Архангелогородскаго полку полковника Арсеньева былъ конюхомъ, перекрестили, да прямо офицеромъ пожаловали».

— «О какой княгинѣ Дол. говоришь? Какая же нужда свѣтлѣйшему за шитье ея платья жаловать?»

— «Какая нужда? Говорятъ, что свѣтлѣйшій влюбленъ былъ въ нее: балы, балеты, да разные праздники для нея дѣлалъ...

---

[1]) Княгиня Екатерина Өедоровна Долгорукова, рожденная Барятинская, супруга князя В. В. Долгорукова. Далѣе будетъ упомянуто, какъ Потемкинъ обходился съ этимъ снисходительнымъ супругомъ.

однимъ словомъ, крѣпко влюбленъ былъ. Да онъ не только что танцовщиковъ и танцовщицъ за собою вездѣ возитъ, еще человѣкъ до 200-тъ пѣвчихъ и музыкантовъ».

— «Куда, я чай, у него деньгамъ великъ расходъ?»

— «А что ему до того нужды: вѣдь все государства казна, да приближенные полковники завѣдуютъ. Лошадей у него до 200-тъ; кормятся онѣ овсомъ на счетъ его кирасирскаго и С.-Петербургскаго драгунскаго полка. Людямъ же жалованье и расходъ домашній изъ экстраординарной суммы идетъ. Я самъ видѣлъ, какъ четыре скрыпача италіанскихъ, которымъ даютъ по 1,500 руб. на годъ, приходили провіантскаго генерала благодарить за то, что велѣлъ выдать имъ жалованье».

— «Скажи намъ что нибудь о Измаильскомъ штурмѣ».

— «Извольте, я вамъ до-подноготно разскажу. Когда генер. Рибасъ вошелъ съ флотиліею въ Дунай и взялъ Тульчу, а Гудовичъ—Килію, то по рапорту перваго о томъ, что Измаилъ легко можно взять, свѣтлѣйшій приказалъ Гудовичу перейтить на островъ противъ Измаила, сдѣлать батареи и бомбардировать городъ. Между тѣмъ ген.-пор. (Павелъ Серг.) Потемкину велѣно было съ корпусомъ подойдти съ земли къ городу. Потомъ прислано было, чтобы всѣмъ генераламъ сдѣлать совѣтъ о возможности взять городъ. Гудовичъ и Самойловъ, который съ нимъ былъ, сдѣлали военный совѣтъ и (П. С.) Потемкина не позвали на оный; а тотъ за это разсердился и отступилъ отъ города. Свѣтлѣйшій, узнавъ объ этомъ, Гудовича отозвалъ въ Бендеры и управилъ на Кубань и, въ тоже время, послалъ повелѣніе къ графу Суворову, чтобъ онъ ѣхалъ подъ Измаилъ, принялъ команду и, во что бы то ни стало, взялъ городъ. Этотъ молодецъ—забубенная головушка: на страхъ Божій пущаться лихъ. Онъ тутъ прискакалъ верхомъ изъ Галаца, съ своимъ Фанагорійскимъ гренад. полкомъ и началъ проказы дѣлать, т. е. приказалъ навязать сноповъ соломы, да наставить передъ лагеремъ въ виду города и всякій день учить всѣ войска палить въ снопы. Потомъ сдѣлали батареи для потѣхи, (для того, что онѣ не могли вредить городу) и назначили день къ штурму. Съ земли назначено было итти 6-ю колоннами, а съ воды тремя. Пошли мы изъ лагеря въ 2 часа пополуночи; пришли ко рву въ 3 часа— зги не видно еще было. Тутъ, надобно сказать правду матку,

что русскіе показали себя и въ темнотѣ: дрались упорно до разсвѣту; хоть порядку было мало, для того что генералъ-аншефъ (Суворовъ) и ген.-поручикъ (П. Потемкинъ) не осматривали мѣста, на которыя надлежало бы идти колоннамъ, а велѣно было самимъ колоножнымъ командирамъ наканунѣ осмотрѣть пункты, на которые вести. Кому досталось не на перекрестные, или кто умѣлъ на самый уголъ провести, такъ тому меньше и досталось. У насъ былъ ген.-маіоръ Ласси и у насъ мало побило. Лѣстницы у всѣхъ были коротки; плана города вѣрнаго совсѣмъ не было, такъ что, гдѣ на планѣ были ворота, тамъ ихъ въ самомъ дѣлѣ не было, а гдѣ на планѣ назначена была городская стѣна, тутъ были ворота; а потому то и дистанціи предписанныя нельзя было порядочно занять. Взошедъ на валъ, приказано было остановиться; да нашу братью тутъ кто удержитъ!—и отъ того-то вышла такая сѣча, что 4 часа прошло—никто еще не зналъ на чьей сторонѣ побѣда и чей верхъ! Наши притомились такъ, что уже хоть бы и полно. Послали за резервами, и еслибъ они нескоро подошли, такъ худо бы нашимъ было. Бѣднаго нашего баталіоннаго командира, батюшку Дим. Мих. Лачинова, тутъ убили. То-то командиръ былъ!—мы поплакали довольное число. Генералъ Суворовъ и два генералъ-поручика стояли, гдѣ, видно, имъ надлежало, то есть версты за двѣ».

— «Невѣрныхъ тысячъ до тридцати передушили. Вѣдь вы знаете нашу братью, что они бо́льшую (часть) колятъ тогда, когда уже турки «аманъ» кричатъ, то есть прощенія просятъ. Да 9,000 чел. взяли въ полонъ».

— «Нашихъ побито, говорятъ, до 3,000; да ранено тысячъ пять, изъ которыхъ развѣ только четвертая часть (осталась) живыхъ, оттого что лекарей мало, да лекарствъ совсѣмъ не было. Иные раненые, говорятъ, дней по 8-ми между мертвыми безъ перевязки лежали».

«Слава Богу, что и 9,000 человѣкъ-то турокъ спаслось».

— «Какое спаслось! Послали ихъ въ Бендеры съ новодонскими казаками, которые обобрали у нихъ до рубашки. Время было холодное, то иные съ голоду иные съ холоду померли, а иныхъ перекололи».

«Какъ перекололи? Вѣдь ты сказывалъ, что они сдались, такъ за что-же ихъ колоть?.. Развѣ они бунтовали?»

— «Какой тебѣ бунтъ отъ бабья! Развѣ онѣ когда-нибудь бунтуютъ! А вотъ какимъ образомъ: баба, дѣвка, мальчикъ или больной турокъ озябнетъ, или съ голоду пристанетъ, то тутъ его или ее и приколятъ, такъ что отъ Измаила до Бендеръ, не знавши дороги, можно было доѣхать по мертвымъ ихъ тѣламъ! Да чего вамъ лучше: отъ ставки генералъ-поручика (П. С.) Потемкина до ставки же генералъ-маіора Лассія не было больше 100 шаговъ, а тутъ до 100 человѣкъ уже положили провожатые».

Приведя разсказъ, въ которомъ обнаружены нѣкоторыя темныя стороны характера князя Таврическаго, дополнимъ ихъ еще нѣсколькими чертами заносчивости и нравственной разнузданности. Вотъ разсказъ Л. Н. Энгельгардта (Записки, стр. 107—108). Это было весною 1790 года:

«Когда шведскій флотъ былъ запертъ, генералъ **Кречетниковъ**, управлявшій тогда малороссійскими губерніями, услышалъ отъ какого-то проѣзжаго изъ Петербурга, что будто шведскій флотъ сдался. Съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ къ свѣтлѣйшему князю прислалъ Кречетниковъ курьера. Не только во всей арміи стрѣляли викторію, но свѣтлѣйшій князь о сей мнимой побѣдѣ отправилъ курьера къ австрійскому императору. Черезъ нѣсколько дней Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ о семъ ложно. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прибылъ во время обѣда; князю чрезвычайно было прискорбно, что долженъ былъ послать курьера къ императору о таковой скоропоспѣшной неосмотрительности. Князь сталъ бранить Кречетникова; князь В. В. **Долгоруковъ**, сидѣвшій подлѣ самаго князя, сталъ его защищать. Свѣтлѣйшій князь до того разсердился, что вышелъ изъ себя, схватилъ Долгорукова за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ:

— «Какъ ты смѣешь защищать его! ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма Очаковскаго струсилъ!»

«Вставши изъ-за стола, подошелъ князь къ австрійскимъ генераламъ, на тотъ разъ тутъ бывшимъ, и сказалъ: «Pardon, messieurs, je me suis oublié; je connais ma nation et je l'ai traité comme il mérite» (извините, господа, я забылся; я знаю нашъ народъ и съ нимъ обошелся такъ, какъ онъ заслуживаетъ).

«Его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія княгинѣ К. Ѳ. Долгорукой (супругѣ кн. В. В. Д.). Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противъ Бендеръ, за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что только роскошь можетъ выдумать. Изъ великолѣпной сей подземельной залы особый былъ будуаръ, въ который входили только тѣ, кого князь самъ приглашалъ. Вокругъ землянки княземъ поставлены были полки: Екатеринославскій и Конно-гренадерскій, имѣя ружья, заряженныя холостыми патронами, и въ сумахъ по 40 патроновъ на каждаго человѣка; близь онаго карея поставлена была батарея изо ста пушекъ; обоихъ полковъ барабанщики собраны были къ землянкѣ. Однажды князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому, какъ полками, такъ и изъ батарей, произведенъ былъ батальный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ».

X.

Избравъ Яссы для мѣстопребыванія главной квартиры, Потемкинъ отправился въ Петербургъ, куда прибылъ 28-го февраля.

Придворные по прежнему раболѣпно кланялись могущественному князю; его появленіе при дворѣ произвело обычное дѣйствіе: императрица встрѣтила его ласково, царедворцы смиренно преклонились, кромѣ одного, заносчиво взглянувшаго на князя Таврическаго. Этотъ вельможа былъ новый любимецъ, Платонъ Зубовъ, второй изъ четырехъ сыновей бывшаго оберъ-прокурора сената, красавецъ собою, но бѣдный дарованіями, еще недавно смиренный, теперь же почти кичливый предъ Потемкинымъ. Благосклонность императрицы къ Платону Зубову и братьямъ его, Валеріану и Николаю, была неограничена. Въ этомъ красивомъ юношѣ «Платошѣ» Потемкинъ угадалъ опаснаго совмѣстника. Приспѣшники Зубова и онъ самъ успѣли предубѣдить престарѣлую, довѣрчивую Екатерину II противъ Потемкина: князь, еще недавно ближайшій сотрудникъ императрицы во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, былъ теперь какъ бы низведенъ нѣсколькими ступенями трона ниже.

Въ «Запискахъ Храповицкаго» находимъ отрывчатыя свѣдѣ-

нія о пребываніи Потемкина въ Петербургѣ съ марта по іюль 1791 года, — свѣдѣнія, какъ бы сквозь туманъ обрисовывающія положеніе князя при дворѣ въ тѣ дни, когда звѣзда его счастія близилась къ закату. «6-го марта князь давалъ ужинъ, на которомъ присутствовали государь цесаревичъ съ великою княгинею. 17-го — Захаръ (камердинеръ императрицы) изъ разговора съ княземъ узналъ, что упрямясь, ничьихъ совѣтовъ не слушаетъ. Онъ намѣренъ браниться. Она плачетъ съ досады; не хочетъ снизойти и переписываться съ королемъ прусскимъ. Князь сердитъ на Мамонова, зачѣмъ, обѣщавъ, его не дождался и оставилъ свое мѣсто глупымъ образомъ. 9-го апрѣля... сего же утра, князь съ графомъ Безбородкой составили записку для отклоненія отъ войны. Князь говорилъ Захару: какъ рекрутамъ драться съ англичанами? Развѣ не наскучила здѣсь шведская пальба? Князь былъ въ вечеру у государыни и оттуда пошелъ на исповѣдь. 10-го (апрѣля). Въ день омовенія ногъ князь, въ большой придворной церкви, пріобщался съ втш (?)[1]) вмѣстѣ. 26-го (апрѣля) гр. Суворовъ-Рымникскій посланъ осмотрѣть шведскую границу. Недовѣрчивость къ шведскому королю внушилъ князь, говорятъ, будто бы для того, чтобъ отдалить Суворова отъ праздника и представленія плѣнныхъ пашей. 28-го (апрѣля). Великолѣпный праздникъ у кн. Григорія Александровича».

Ослабить значеніе Зубова и его партіи оказалось выше силъ кн. Таврическаго. Очевидно изъ его дѣйствій въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія при дворѣ, что онъ какъ бы растерялся до того, что даже сталъ искать опору въ благосклонности цесаревича, отношенія котораго къ Потемкину вовсе не были пріязненны. Зубовымъ покровительствовалъ вельможа, ближайшій къ великому князю, воспитатель его сыновей, Н. И. Салтыковъ. Совѣщанія Потемкина съ императрицею, раздраженною, недомогавшею, были безуспѣшны. Тѣмъ не менѣе она осыпала Потемкина милостями за минувшія заслуги....

---

[1]) Въ «Запискахъ Храповицкаго» встрѣчаются весьма часто сокращенія, изъ которыхъ лишь немногія въ изданіи 1874 года остались не разъясненными. Здѣсь, по нашему мнѣнію, сокращеніе: втш—должно быть Птш., вѣроятно, означаетъ Платоша, т. е. Зубова, такъ какъ авторъ Записокъ всюду называетъ его уменьшительнымъ именемъ, а въ одномъ мѣстѣ (стр. 378) даже «Дуралеюшка Зубовъ».

XI.

Для своего времени праздникъ данный Потемкинымъ 28-го апрѣля 1791 г., былъ вполнѣ чудомъ роскоши и изящества.

Таврическій дворецъ, или, какъ его тогда называли, Конногвардейскій домъ, подаренный Потемкину вторично [1]), по своему мѣстоположенію, не соотвѣтствовалъ условіямъ для устройства народнаго праздника и самъ еще не вполнѣ былъ отдѣланъ. Прямо передъ главнымъ подъѣздомъ тянулся заборъ, скрывавшій развалины какого-то строенія на берегу Невы [2]). По повелѣнію Потемкина, въ три дня заборъ былъ снесенъ, мѣсто расчищено и, такимъ образомъ, устроена была обширная площадь, простиравшаяся до самой Невы. Здѣсь воздвигнуты были тріумфальныя ворота и разставлены были стелажи для иллюминаціи. На этой площадкѣ разставлены были, въ день празднества, закуски для народа, медовой квасъ и сбитень. Тутъ же развѣшаны были для подарковъ простолюдинамъ: сапоги, коты, лапти, шляпы, кушаки и т. п. Эта часть праздника, т. е. народное гулянье передъ дворцомъ, совершенно не удалась: сигналъ къ начатію народнаго праздника приказано было подать при прибытіи императрицы, но народъ преждевременно накинулся на выставленныя лакомства и подарки; этотъ безпорядокъ потребовалъ вмѣшательства полиціи и вмѣсто праздника произошло нещадное избіеніе бѣднаго народа, жаждавшаго веселья. «Солдаты — прикладами, казаки — плетьми», разсказываетъ очевидецъ, «полицейскіе — трубами заливными въ такой страхъ привели чернь, что она опрометью бросилась назадъ, давя другъ друга».

Внутреннимъ устройствомъ дворца и сочиненіемъ программы праздника распоряжался самъ князь Таврическій. Суммы, затраченныя имъ, были несмѣтны. По городу ходили слухи, будто для шкаликовъ и иллюминаціи залъ дворца Потемкинымъ былъ скупленъ весь наличный воскъ, находившійся въ Петербургѣ, и за нимъ посланъ былъ нарочный въ Москву; куплено было воску всего на 70,000 рублей. Для прислуги готовились новыя ливреи;

---

[1]) Въ первый разъ онъ былъ ему пожалованъ въ 1788 году; Потемкинъ его продалъ въ казну за 460,000 руб., потомъ выпросилъ его обратно.

[2]) Площадка эта, нынѣ называемая Ковшъ (пристань сѣнныхъ барокъ), занята зданіемъ башни общества столичныхъ водопроводовъ.

помимо множества закупленной посуды, болѣе двухсотъ люстръ взято было изъ лавокъ на прокатъ; стеклянный заводъ былъ исключительно занятъ выдѣлкою шкаликовъ, фонарей, вазъ, плодовъ и проч. Программа праздника была повтореніемъ (но въ увеличенномъ видѣ) маскарада, даннаго Потемкинымъ царской фамиліи въ 1785 г. (см. «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 56—57). На этотъ разъ Потемкинымъ были приглашены три тысячи особъ первыхъ пяти классовъ; начало маскарада назначено въ 5 час. пополудни; дворъ прибылъ въ 6 часовъ. Отъ сѣней до самаго малаго покоя убранство дворца представляло чудную смѣсь азіятской роскоши съ европейскимъ изяществомъ. Особенно великолѣпны были двѣ огромныя залы, отдѣленныя одна отъ другой 18-ю колоннами. Первая, танцовальная, была украшена люстрами, зеркалами, вазами изъ карарскаго мрамора и печами изъ лазурнаго камня; въ другой устроенъ былъ зимній садъ, ослѣпительно иллюминованный, и, кромѣ фонтановъ, украшенный статуею императрицы изъ паросскаго мрамора (подпись: «матери отечества и мнѣ премилосердой»), жертвенниками «благодарности» и «усердія» и бюстами славнѣйшихъ мужей древности. На лужайкѣ зимняго сада высилась пирамида, оправленная въ золото, съ таковыми же вазами, цѣпочками, осыпанная драгоцѣнными камнями и украшенная вензелемъ Екатерины II. Всѣ гости были въ маскарадныхъ платьяхъ; самъ Потемкинъ явился въ аломъ кафтанѣ и въ епанчѣ изъ черныхъ кружевъ; шляпа его, украшенная галуномъ изъ бриллiантовъ, была до того тяжела, что ее носилъ за княземъ адъютантъ. Когда императрица заняла приготовленный ей тронъ, въ танцовальной залѣ начался балетъ (кадриль), исполненный въ двадцать четыре пары знатнѣйшими дамами и кавалерами, въ числѣ которыхъ были великіе князья Александръ и Константинъ. Всѣ участвовавшіе были въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенныхъ бриллiантами на десять милліоновъ рублей. Въ заключеніе кадриля танцовалъ соло знаменитый въ то время балетмейстеръ Ле-Пикъ[1]). Балъ открылся польскимъ: кромѣ музыки инструментальной и грохота пушекъ, замѣнявшихъ литавры, польскій сопровождался хоромъ:

---

[1]) Имя его увѣковѣчилось въ Павловскѣ названіемъ одной улицы: «Пиковъ переулокъ».

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ! и т. д.

Во время бала государыня удалилась для отдохновенія въ гостиную, смежную съ бальной залой. Стѣны гостиной украшены были гобеленями съ вытканными на нихъ изображеніями изъ исторіи Мардохея и Амана. Въ описаніи праздника Державинъ весьма простодушно примѣняетъ эти изображенія къ себѣ лично; однако же безъ всякихъ поясненій понятно, кого разумѣлъ Потемкинъ въ лицахъ Амана и Мардохея. Въ сосѣдней комнатѣ поставленъ былъ золоченый слонъ, обвѣшанный бахромами изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ [1]). Сидящій на немъ автоматъ персіянина, ударивъ въ колоколъ, подалъ сигналъ къ началу театральнаго представленія: на изящно устроенномъ театрѣ даны были два балета и двѣ комедіи: «Ложные любовники» (les faux amants) и «Смирнскій купецъ»; въ послѣдней продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, кромѣ Россіи. Изъ театра собраніе возвратилось въ зимній садъ и въ танцовальную залу, иллюминованныя ослѣпительнѣе прежняго. Балъ возобновился и продолжался до ужина, который былъ сервированъ на мѣстѣ театра на 600 особъ. Послѣ ужина императрица съ августѣйшею фамиліею уѣхала; балъ продолжался до утра. При выходѣ Екатерины изъ залы, на хорахъ, подъ аккомпаниментъ органа, пропѣта была итальянская кантата. Приводимъ ее, какъ лебединую пѣснь «великолѣпнаго князя Тавриды»:

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ!
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышитъ все твоей душой;
Лишь твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.
Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей?
Если мысль — тебя не зрѣть
Духъ ввергаетъ въ ужасъ!
Стой и не лети, ты, время,

---

[1]) Этотъ слонъ, вмѣстѣ съ великолѣпными часами, извѣстными подъ названіемъ павлинъ, былъ поднесенъ Потемкинымъ въ подарокъ Екатеринѣ II. Часы донынѣ сохраняются въ Эрмитажѣ, слонъ же въ 1829 году былъ подаренъ императоромъ Николаемъ I персидскому шаху.

И благъ нашихъ не лишай!
Жизнь наша есть путь печалей
Пусть по ней цвѣтутъ цвѣты!

Потемкинъ, преклонивъ колѣна, въ глубокомъ умиленіи плакалъ, приникнувъ устами къ рукѣ императрицы. Эти слезы заключили великолѣпный праздникъ, воспоминаніе о которомъ навсегда сохранилось въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ столицы....

Послѣ этого праздника императрица (2-го іюля) еще разъ посѣтила князя Таврическаго въ его дворцѣ, гдѣ изволила обѣдать; подъ 24-мъ числомъ іюля въ «Запискахъ Храповицкаго» находимъ: «Отправился изъ Царскаго Села князь Потемкинъ, въ 5 часовъ утра, по бѣлорусской дорогѣ».

Два мѣсяца, промедленные имъ въ Петербургѣ послѣ праздника, были какъ бы въ тягость двору. Озабоченный, постоянно грустный, князь не скрывалъ отъ приближенныхъ ни снѣдавшей его скорби, ни ея причины, ни даже суевѣрныхъ предчувствій близкой смерти. Онъ медлилъ отъѣздомъ, ссылаясь на больной зубъ, который желалъ выдернуть, намекая на Зубова... Но этотъ зубъ пустилъ слишкомъ крѣпкіе корни и Потемкину не удалось даже его пошатнуть.

О цѣли продолжительнаго пребыванія Потемкина въ Петербургѣ сохранилось нѣсколько преданій, очевидно измышленныхъ завистью и клеветой. Такъ, напримѣръ, говорили, будто онъ домогался у императрицы разрѣшенія основать изъ областей, отнятыхъ у Турціи, особое царство и владычествовать въ немъ подъ покровительствомъ русской державы. По другимъ сказаніямъ, Потемкинъ, еще далѣе простирая властолюбивые замыслы, предлагалъ Екатеринѣ сочетаться съ нимъ бракомъ. Къ этому прибавляли, что дерзкое желаніе Потемкина было причиною его гибели....

Военныя дѣйствія возобновились съ марта мѣсяца 1791 г. и ознаменовались блестящими успѣхами нашего оружія. Въ концѣ мѣсяца князь С. Ѳ. Голицынъ овладѣлъ Мачиномъ и двумя укрѣпленіями на островѣ Концефанѣ и близъ Браилова; въ началѣ іюня М. И. Голенищевъ-Кутузовъ разбилъ турокъ при Бабадагѣ, а 22-го числа того же мѣсяца Гудовичъ овладѣлъ Анапою, причемъ взялъ въ плѣнъ лжепророка Шихъ-Мансура; 25-го числа овладѣлъ крѣпостью Суджукъ-Кале; 28-го іюня князь Н. В. Реп-

нинъ одержалъ блистательную побѣду надъ верховнымъ визиремъ при Мачинѣ. 31-го іюля контръ-адмиралъ Ушаковъ у мыса Калакфіи разбилъ соединенный турецко-алжирскій флотъ и въ этотъ же день въ Галацѣ подписаны были княземъ Репнинымъ и верховнымъ визиремъ предварительныя условія мира, при чемъ княземъ Репнинымъ соблюдены были интересы Россіи и строгое охраненіе ея достоинства. При тогдашнихъ обстоятельствахъ миръ едва-ли не одинаково былъ необходимъ, какъ Россіи, такъ и Турціи. Еще существуетъ преданіе, будто Потемкинъ негодовалъ на Репнина за содѣйствіе къ прекращенію разорительной войны, тѣшившей честолюбіе князя Таврическаго; однако же изъ документовъ, относящихся къ заключенію мира, видимъ, что Потемкинъ отдалъ Репнину должную справедливость, объявляя ему благопризнательность государыни.

Князь Таврическій прибылъ въ Галацъ въ началѣ августа, совершивъ весь путь отъ Петербурга до этого, ему ненавистнаго, города, изнуренный душевно и тѣлесно. Съ дороги онъ писалъ нѣсколько писемъ императрицѣ: въ нихъ, жалуясь на нездоровье, онъ высказывалъ предчувствіе о близкой кончинѣ.

„Я Бога прошу, – отвѣчала Екатерина на одно изъ писемъ,—чтобъ отъ тебя отвратилъ сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія!“

Но предчувствія Потемкина не только не разсѣявались, а усиливались, будучи питаемы суевѣрными примѣтами, на которыя князь Таврическій обращалъ особенное вниманіе. Малодушный страхъ смерти обуялъ человѣка, нѣсколько разъ видавшаго смерть лицомъ къ лицу. 12-го августа происходило въ Галацѣ погребеніе принца Карла Виртембергскаго, брата великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Потемкинъ, присутствовавшій въ церкви, мрачный, разстроенный, вышелъ на паперть. Возничій траурной колесницы, вообразивъ, что выносятъ гробъ, подъѣхалъ къ Потемкину. Нѣкоторые біографы говорятъ, будто князь въ разсѣянности сѣлъ на погребальныя дроги, но это очень сомнительно; достаточно уже и того, что это недоразумѣніе разстроило его и онъ совершенно упалъ духомъ, мучимый мнительностью и тоскою. Къ душевнымъ его страданіямъ присоединились лихорадочные припадки и князь обратился къ помощи докторовъ Тимана, Массота и штабъ-лекаря Санковскаго. 20-го августа Потем-

кинъ писалъ кн. Репнину о скоромъ своемъ переѣздѣ изъ Галаца въ Яссы. «Продолжающіяся мои страданія,— говорилось въ письмѣ,— довели меня до совершенной слабости». Слѣдомъ за этимъ письмомъ отправлено было второе:

„Одно средство къ сохраненію людей нахожу я—въ удаленіи ихъ изъ Галаца. Мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походитъ на гробъ, нежели (на) обиталище живыхъ. Постарайтесь вывесть оттуда всю нашу команду къ другому, удобнѣйшему мѣсту и меня объ этомъ увѣдомьте. Болѣзнь меня замучила и я теперь въ крайнѣйшей слабости“.

Прибывъ въ мѣстечко Гужи на пути изъ Галаца къ Яссамъ, Потемкинъ назначилъ на тамошній конгрессъ полномочными: А. Н. Самойлова, де-Рибаса и статскаго совѣтника Лашкарева. Воображеніе Потемкина, распаленное огнемъ горячки, представляло ему возможнымъ дѣломъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи. Полномочнымъ внушено было не упускать изъ виду этой капитальной статьи мирнаго договора съ Турціей. Въ Яссахъ болѣзнь Потемкина усилилась, а присоединившаяся къ ней тоска побуждала князя раза два выѣзжать изъ города въ сосѣднія деревни и опять возвращаться въ Яссы. При всей своей мнительности, Потемкинъ не охотно повиновался предписаніямъ докторовъ и лишь только ослабѣвали приступы лихорадки, онъ не соблюдалъ никакой діэты, либо во время припадковъ пользовался средствами собственной выдумки: обливалъ себѣ голову о-де-колонемъ, при испаринѣ употреблялъ холодныя примочки и т. д. Сомнѣваясь въ выздоровленіи, или во врачебной помощи, князь Таврическій дважды пріобщался св. таинъ. Вѣсти о ходѣ его болѣзни возбуждали въ императрицѣ большія опасенія: читая бюллетени докторовъ, она плакала. А. В. Браницкая (рожденная Энгельгардтъ) поѣхала изъ Кіева въ Яссы, чтобы ходить за больнымъ.

27-го сентября князь Таврическій изъявилъ желаніе ѣхать изъ Яссъ въ свой любезный Николаевъ; столицу Молдавіи онъ называлъ своимъ гробомъ. Уступая однако же просьбамъ окружавшихъ и настояніямъ докторовъ, больной продлилъ свой отъѣздъ до субботы, 4-го октября 1791 г. Когда былъ готовъ экипажъ (шестимѣстная карета) Потемкинъ подписалъ дрожащею рукою слѣдующее письмо, диктованное имъ В. С. Попову, послѣднее письмо

къ императрицѣ, полученное ею уже послѣ кончины князя Таврическаго:

Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный. Одно спасеніе уѣхать.

Наканунѣ, 3-го октября, императрица писала больному:

Октября 3-го ч. 1791 г.

„Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ, письма твои отъ 25-го и 27-го я сегодня, чрезъ нѣсколько часовъ, получила и признаюсь, что онѣ крайне меня безпокоятъ, хотя вижу, что послѣднія три строки твои не много получше написаны и доктора твои увѣряютъ, что тебѣ получше. Бога молю, да возвратитъ тебѣ скорѣе здоровье“.

Былъ седьмой часъ утра (5-го октября); густой туманъ застилалъ окрестности. Потемкина въ креслахъ вынесли въ карету, за которою въ другихъ экипажахъ слѣдовали: Боуръ, адъютантъ свѣтлѣйшаго, кн. С. Ѳ. Голицынъ, бригадиръ Фалѣевъ, А. В. Браницкая и доктора. На первую станцію, Пунчешты, путники прибыли благополучно и здѣсь князь уснулъ часа три, а по пробужденіи, весело бесѣдовалъ до полуночи. Ночь однако-жъ провелъ безъ сна, жалуясь на ломъ въ костяхъ и тоскливо спрашивая, скоро-ли разсвѣтетъ? На зарѣ приказалъ закладывать, но исполненіемъ замедлили, ссылаясь на то, будто лошади уведены на водопой. Замѣтивъ обманъ, больной велѣлъ вынести себя на свѣжій воздухъ, и увидя, что карета заложена, приказалъ ѣхать далѣе... Отъѣхавъ съ полверсты, велѣлъ остановиться, говоря, что ему очень худо; потомъ, почувствовавъ себя полегче, спросилъ есть-ли вблизи деревня? Приказалъ ѣхать туда, но, отъѣхавъ 37 верстъ отъ станціи, опять велѣлъ остановиться.

— Будетъ теперь.... произнесъ онъ, — некуда ѣхать.... я умираю! Выньте меня изъ коляски, я хочу умереть въ полѣ....

Его вынесли на постели и положили на траву. Помочивъ голову спиртомъ и полежавъ болѣе трехъ четвертей часа, онъ сталъ отходить.... зѣвнулъ раза три и скончался ровно въ полдень, въ воскресенье, 5-го октября 1791 года. Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ его свитѣ, положилъ покойному на глаза два

мѣдные гроша, чтобы вѣки сомкнулись. Въ рукахъ нѣсколькихъ сотень нищихъ перебывали «двѣ лепты», замкнувшія очи тому, кто всю свою жизнь безъ счету сыпалъ золотымъ дождемъ. Къ ночи трупъ Потемкина, сопровождаемый факелоносцами, былъ привезенъ обратно въ Яссы.

Разсказъ о послѣднихъ минутахъ князя Таврическаго заимствуемъ изъ донесенія императрицѣ В. С. Попова. Графъ А. Н. Самойловъ въ біографіи своего дяди влагаетъ ему въ уста послѣднія слова: «прости, милосердая мать-государыня!» но это— риторическая прикраса, измышленная почтеннымъ біографомъ. В. С. Поповъ, писавшій свое донесеніе со словъ очевидца, бригадира Фалѣева, умалчиваетъ о предсмертной фразѣ князя Таврическаго и этому свидѣтельству нельзя не вѣрить.

Сохранилась донынѣ клевета о смерти Потемкина, особенно излюбленная иностранными писателями: изъ нихъ многіе утверждаютъ, будто онъ еще въ Петербургѣ былъ отравленъ Зубовымъ; но это нелѣпая выдумка, и въ данномъ случаѣ Зубовъ былъ убійцею только въ переносномъ, а не въ прямомъ смыслѣ слова. Одинъ изъ иностранныхъ біографовъ, Гельбигъ говоритъ: «Князь Потемкинъ-Таврическій умеръ въ октябрѣ 1791 г. не отъ яда, какъ нѣкоторые увѣряли, а отъ изнурительной болѣзни — слѣдствія безпорядочной жизни [1])». Авторъ пасквиля на Потемкина — нѣмецкій актеръ Альбрехтъ [2]) приводитъ молву о дуэли Потемкина (чуть-ли не съ Румянцевымъ), слѣдствіемъ которой была рана шпагою, на которую попалъ нечаянно сокъ ядовитой травы, причинившій смерть князю Таврическому... Но подобныя нелѣпости не заслуживаютъ и опроверженія.

Вѣсть о кончинѣ князя Таврическаго привезена была въ Петербургъ курьеромъ, въ пять часовъ пополудни, 12-го октября. «Слезы и отчаяніе,— говоритъ въ своихъ Запискахъ Храповицкій.— Въ 8 часовъ пустили кровь, въ 10 легли въ постель. 13-го (октября) проснулись въ огорченіи и слезахъ. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться».

---

[1]) Russische Günstlinge. S. 388.

[2]) Pansalwin, Fürst der Firsterniss und seine Geliebte. Germanien. 1794, 404 S. in 8⁰.

На другой день (14-е октября опущено въ Запискахъ) императрица обнародовала слѣдующій манифестъ:

«Намъ любезновѣрнымъ сухопутныхъ и морскихъ нашихъ силъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ и всему вѣрноподданному нашему воинству:

«Мы получили извѣстіе о кончинѣ нашего генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, въ 5-й день октября послѣдовавшей. Раздѣляя печаль съ вами о кончинѣ вождя побѣдоноснаго и попечительнаго о васъ, сугубо оную ощущаемъ, лишившись въ особѣ его вѣрнаго намъ слуги, отличнымъ къ намъ усердіемъ, ревніемъ ко славѣ нашей и величію государства многими побѣдами противу непріятеля и устройствомъ въ войскѣ и въ разныхъ ввѣренныхъ ему частяхъ, правленіяхъ знаменитомъ. Воздавъ памяти его должную справедливость, удостовѣрены мы, что каждый изъ васъ, при непорочной вѣрѣ къ Богу, вѣрности къ намъ и отечеству и при храбрости, россійскому народу издревлѣ свойственныхъ, проходя служеніе свое съ усердіемъ и радѣніемъ, исполняя узаконенія наши съ точностію, наблюдая воинскій порядокъ и подчиненность, яко сущее основаніе службы и залогъ побѣдъ, сохраните навсегда честь оружія нашего и во всякомъ случаѣ пойдете тѣмъ же путемъ побѣдоноснымъ, которымъ и предки ваши и вы сами шествовали. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, октября 14-го дня 1791 г. Екатерина» [1]).

По прибытіи тѣла Потемкина въ Яссы, оно было анатомировано и бальзамировано; на мѣстѣ кончины свѣтлѣйшаго «при спускѣ горы, находящейся между селеній Резины и Волчинцовъ въ ясскомъ округѣ», оставленъ былъ казацкій пикетъ съ воткнутыми копьями, въ томъ предположеніи, что тутъ будетъ воздвигнутъ памятникъ, что и было исполнено, впослѣдствіи.

Современный корреспондентъ говоритъ далѣе:

«Теперь приступимъ къ описанію слѣдствій, происходившихъ по кончинѣ его (князя). Василій Степановичъ (Поповъ), пріѣхавши отъ него прямо въ канцелярію, взявши запечаталъ

---

[1]) Этотъ манифестъ не включенъ въ полное собраніе законовъ. Документъ этотъ былъ напечатанъ въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, изд. 1872 г.

все и отправя курьера, объявилъ, что князя болѣе нѣтъ въ живыхъ; то сей слухъ разнесся по всему городу менѣе четверти часа: на улицахъ только было и видно разнаго народа, толпами идущаго на княжой дворъ, такъ что даже у всѣхъ молдаванъ и у жидовъ были полные глаза слезъ, а о служащихъ нечего и говорить. Когда я вошелъ въ залу княжую и найдя много знакомыхъ, стали говорить о его смерти, то подошелъ къ намъ, не знаю, какой-то генералъ, сказавъ намъ: «Такъ, братцы, мы лишились не фельдмаршала, но отца!» И, словомъ тебѣ сказать, что все такъ перемѣнилось, что не видно было, кто генералъ и кто офицеръ».

Замѣтимъ еще, что офиціальнаго извѣстія о кончинѣ Потемкина въ вѣдомостяхъ не было; тутъ, можетъ быть, дѣло не обошлось безъ происковъ Зубова. За то поэты того времени — отъ мала и до велика, отъ Державина до Цвѣткова — воспѣли кончину князя Таврическаго. Были изданы гравюры, изображавшія печальное событіе; изъ нихъ особенно была распространена довольно изящно выполненная съ элегіей Петрова:

О, видъ плачевный, смерть жестока,
Кого отъемлешь ты отъ насъ?
Какъ искра во мгновенье ока,
Герой, твой славный вѣкъ погасъ!

На мѣстѣ кончины воздвигнутъ былъ каменный, круглый столбъ съ овальнымъ щитомъ на верху и на немъ надписью, представляющую какъ бы перифразъ строфы «Водопада»:

Покровъ имѣя твердь
И землю одръ,
Средь поля оставилъ міра
Такъ мятежную онъ юдоль!

Памятникъ этотъ еще существовалъ въ 1811 году; нынѣ остались-ли отъ него какіе-нибудь слѣды — намъ неизвѣстно.

Первый погребальный обрядъ въ Яссахъ происходилъ 13-го октября 1791 года. Не повторяемъ изданнаго въ то время описанія всей пышной обстановки погребальной церемоніи. Надпись у великолѣпнаго катафалка гласила слѣдующее:

«Въ бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч., и проч., усерднѣйшій сынъ

отечества, присоединитель къ Россійской имперіи: Крыма, Тамана, Кубани; основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и морѣ; завоеватель: Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Акермана, Киліи, Измаила, Анапы, Суджукъ-Кале, Сунніи, Тульчи, Исакчи, острова Березаньскаго, Гаджибея и Паланки; прославившій оружіе Россійской имперіи въ Европѣ и Азіи; приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Оттоманской имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ городовъ; покровитель наукъ, художествъ и торговли; мужъ, украшенный всѣми общественными добродѣтелями и благочестіемъ, скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 37-ми верстахъ отъ столичнаго города Яссъ, 1791 года, октября въ 5-й день, на 52-мъ году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести нетокмо облагодѣтельствованныхъ, но и едва вѣдающихъ его».

Еще 12-го октября одинъ изъ генераловъ, два генералъ-адъютанта, на лошадяхъ, въ сопровожденіи одного эскадрона полка князя Потемкина, въ траурномъ видѣ, съ литаврами, покрытыми чернымъ сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, назначеннаго 13-го числа, въ 8 часовъ утра. Въ этотъ день гренадерскіе полки: Екатеринославскій и Малороссійскій, и Днѣпровскій мушкатерскій стали шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы, гдѣ должно было происходить погребальное шествіе, и когда собралось духовенство, то время выноса возвѣщено было 71-мъ пушечнымъ выстрѣломъ и колокольнымъ звономъ, при чемъ пальба продолжалась черезъ каждую минуту до самаго внесенія тѣла въ монастырь Голлія.

Тѣло выносили изъ особаго усердія генералы; балдахинъ же несли гвардіи офицеры, а кисти поддерживали полковники; кортежъ шествія состоялъ изъ множества войска, духовенства, генералитета и длинной вереницы разныхъ чиновныхъ лицъ, несшихъ на подушкахъ ордена и всѣ регаліи, являвшихъ званія князя Потемкина.

Погребальный обрядъ совершалъ архіепископъ Амвросій (Серебрянниковъ) екатеринославскій и херсонесо-таврическій, а съ 1789 г. мѣстоблюститель экзархіи молдавлахійской. Его съ покойнымъ княземъ связывали узы тѣснѣйшей дружбы. По окон-

чаніи обряда, Амвросій хотѣлъ произнести надгробное слово, но зарыдавъ удалился въ алтарь.

По совершеніи литургіи, когда запѣли «вѣчную память», сдѣланъ былъ 71 пушечный выстрѣлъ, а войскомъ — троекратный огонь изъ ружей.

Отпѣтое тѣло Потемкина покоилось въ Яссахъ до половины ноября 1791 года; 23-го ноября оно было перевезено въ Херсонъ.

О дальнѣйшей участи останковъ Потемкина будетъ упомянуто въ концѣ этого очерка, для полноты котораго упомянемъ о наружности и нравственныхъ качествахъ князя Таврическаго.

XII.

Несмотря на недостатокъ (кривой глазъ), Потемкинъ принадлежалъ къ числу красивѣйшихъ мужчинъ своего времени: высокій ростомъ, величавый осанкою и необыкновенно стройный, онъ, по какому-то странному капризу, не позволялъ снимать съ себя портретовъ до 1789 года. Портретъ Потемкина, находящійся въ фельдмаршальской залѣ Зимняго дворца, былъ написанъ по желанію Екатерины II. Онъ нѣсколько польщенъ, но даетъ вѣрное понятіе о наружности князя Таврическаго. Много вредили его красотѣ: угрюмость, часто омрачавшая его лицо, и, еще того болѣе, нѣкоторыя дурныя привычки, отъ которыхъ онъ никогда не хотѣлъ, можетъ быть, и не могъ, отстать. Изъ нихъ особенно непріятно было постоянное грызеніе ногтей и частое почесываніе головы. Обдумывая какое-либо дѣло, Потемкинъ имѣлъ привычку чистить щеточкою свои брилліантовые перстни, тереть драгоцѣнный камень о камень, или раскладывать изъ нихъ узоры и арабески. Вкусъ его, какъ мы уже выше упоминали, былъ какъ-то болѣзненно извращенъ: онъ ѣлъ съ жадностью, чуждою всякаго гастрономическаго изящества, пилъ умѣренно; за то во всѣхъ прочихъ страстяхъ не зналъ и не хотѣлъ знать ни мѣръ, ни предѣловъ. Въ женолюбіи превосходилъ Людовика XIV, или Августа II. Разсказы о его причудливыхъ выходкахъ могли бы составить весьма объемистый томъ, но они ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить данными къ точному опредѣленію страннаго характера князя Таврическаго. Въ этихъ выходкахъ онъ являлъ, поперемѣнно, то доброту, великодушіе, истинное благородство;

то обнаруживалъ въ нихъ дикую, необузданную натуру, ограниченный умъ, даже пошлость. Въ нравственномъ отношеніи Потемкинъ явилъ собою живое доказательство той великой истины, что постоянное счастіе, удачи всегда и во всемъ, ведутъ человѣка къ пресыщенію и разочарованію. Въ этомъ однажды сознался и самъ князь Таврическій, въ послѣдній годъ жизни. На веселомъ пиршествѣ въ его пышномъ дворцѣ, онъ, сидя за столомъ, сказалъ окружающимъ:

— Можетъ-ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись какъ-будто какимъ очарованіемъ. Хотѣлъ чиновъ—имѣю, орденовъ—имѣю, любилъ играть—проигрывалъ суммы несмѣтныя, любилъ давать праздники—давалъ великолѣпные, любилъ покупать имѣнія—имѣю, любилъ строить дома—построилъ дворцы, любилъ дорогія вещи—имѣю столько, что ни одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ... словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполняются!

И тутъ Потемкинъ, ударивъ кулакомъ по фарфоровой тарелкѣ, разбилъ ее въ дребезги, вышелъ изъ-за стола и удалился въ свою опочивальню. Въ этихъ словахъ случайно вылилась искренняя исповѣдь души, больной неизлечимо, самый недугъ которой былъ пресыщеніе счастіемъ.

Самыми вѣрными данными для характеристики Потемкина и для оцѣнки его значенія могутъ служить отзывы великихъ его современниковъ.

Императрица Екатерина II цѣнила, по достоинству, умъ и дарованія князя Таврическаго и всегда отзывалась о немъ съ глубокимъ сочувствіемъ. Приводимъ нѣкоторые изъ ея отзывовъ изъ «Записокъ Храповицкаго».

«Во время турецкой кампаніи 1769—1774 годовъ:—много умомъ и совѣтомъ помогъ кн. Г. А. Потемкинъ. Онъ до безконечности вѣренъ, и тогда-то досталось Чернышеву, Вяземскому и Панину. Умъ кн. Потемкина превосходный; да еще былъ очень уменъ князь Орловъ, который, подущаемъ братьями, шелъ противъ князя Потемкина, но когда призванъ былъ для уличенія кн. Потемкина въ худомъ правленіи частію воинскою, то убѣжденъ былъ его резонами и отдалъ ему всю справедливость. Ѳедоръ Орловъ не такъ уменъ; а Алексѣй Орловъ совсѣмъ другаго

сорта. Кн. Потемкинъ глядитъ волкомъ и за то не очень любимъ, но имѣетъ хорошую душу. Хотя дастъ щелчка, однако-жъ самъ первый станетъ просить за своего недруга».

— «Конечно, князь можетъ надѣяться (на защиту императрицы), оставленъ не будетъ; онъ не знаетъ другаго государя; я сдѣлала его изъ сержантовъ фельдмаршаломъ; не такіе его злодѣи нынѣ (1788 г.), каковы были кн. Орловъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ; тѣхъ качества я уважала. Князь Орловъ всегда говорилъ, что Потемкинъ уменъ, какъ чортъ»...

Корсаковъ, одинъ изъ любимцевъ, позволилъ себѣ однажды особенно небрежно отозваться о кн. Потемкинѣ. Императрица не только словесно указала Корсакову до какой степени непріятна ей его несправедливая выходка, но собственноручно написала слѣдующую замѣтку въ руководство ему на будущее время.

«Примѣчаніе о словѣ общій врагъ: Буде бы въ обществѣ или въ людяхъ справедливость и благодарность за добродѣяніе превосходили властолюбіе и иныя страсти, то бы давно доказано было, что никто (болѣе кн. Потемкина) вообще друзьямъ и недругамъ, и безчисленному множеству людей не дѣлалъ болѣе неисчисленнаго же добра, начавъ сей счетъ съ первѣйшихъ людей, и даже до малыхъ; вреда же или несчастья не нанесъ ни единой твари, ниже явнымъ своимъ врагамъ,—напротиву того во всѣхъ случаяхъ первымъ ихъ предстателемъ часто весьма оказался. Но какъ людскимъ страстямъ (онъ) укоръ нерѣдко бываетъ, того для—общимъ врагомъ нареченъ».

«Доказательства вышеписанному не трудно сыскать. Трудно будетъ именовать, кому дѣлалъ несчастье. Кому же дѣлалъ добро, въ случаѣ потребномъ, подамъ реестръ предлинный тѣхъ однихъ, кого упомню».

«Отвѣтъ мой Корсакову, который называлъ кн. По: [1]) общимъ врагомъ».

Получивъ вѣсть о кончинѣ Потемкина, императрица говорила: «Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить! Все будетъ не то. Кто могъ подумать, что его переживутъ Чернышевъ и другіе старики? Да и всѣ теперь, какъ улитка, станутъ высовывать головы». Храповицкій возразилъ, что все это ниже ея величества. «Такъ

[1]) Князя Потемкина-Таврическаго.

(отвѣчала Екатерина), да я стара. Онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ; его не можно было купить».

Увѣдомляя принца Нассау-Зигена о кончинѣ Потемкина, императрица писала: «C'etoit mon ami chéri, mon elève, homme de génie; il faisait le bien à ses ennemis et c'est par là qu'il les desarmoit» (онъ былъ мой дражайшій другъ, ученикъ мой, человѣкъ геніальный; благотворилъ своимъ врагамъ и этимъ ихъ обезоруживалъ [1]).

Искренній другъ и любимѣйшій собесѣдникъ князя Таврическаго, митрополитъ Платонъ писалъ казанскому архіепископу Амвросію: «Опочи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ; древо великое пало; былъ человѣкъ необыкновенный. Теперь много, рушившуся сему центру, куда все почти относилось, должно послѣдовать кой чего. Я объ немъ пожалѣлъ отъ глубины сердца не только въ разсужденіи бывшей съ нимъ дружбы и многихъ одолженій, но и въ разсужденіи союза общественнаго».

Личный врагъ Потемкина, его соперникъ и завистникъ, Румянцевъ, при вѣсти о его смерти, заплакалъ.

— Чему удивляетесь вы, — сказалъ онъ при этомъ своимъ приближеннымъ.—Потемкинъ былъ моимъ соперникомъ, но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а отечество потеряло усерднѣйшаго сына.

Суворовъ-Рымникскій былъ скупъ на похвалы и къ Потемкину находился не въ пріязненныхъ отношеніяхъ; тѣмъ болѣе дорогъ его отзывъ о князѣ Таврическомъ: «великій человѣкъ и человѣкъ великій: великъ умомъ, великъ и ростомъ. Не походилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонѣ, о которомъ канцлеръ Баконъ сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо меблирують».

---

[1]) Помѣщаемъ собственноручное письмо Екатерины II къ Павлу Сергѣевичу Потемкину, написанное по поводу кончины князя Таврическаго:

Екатерина II къ Павлу Сергѣевичу Потемкину.

(Собственноручно): «Павелъ Сергевичъ. Братъ вашъ Михайла Сергеивичъ, бывъ очевидной свидетель печали моей при получение извѣстія о ранонвременной кончинѣ Князя, я на него ссылаюсь; какъ прежде, такъ и нынѣ, съ отменнымъ благоволеніемъ смотрю на рѣвностные подвиги ваши, пребывая къ вамъ доброжелательна. Екатерина». «Ноя: 19 ч. 1791 года».

Перейдемъ къ отзывамъ иностранцевъ объ умѣ, сердцѣ и способностяхъ Потемкина.

Графъ Валентинъ Эстергази [1]) писалъ къ женѣ своей: «Со смерти Потемкина все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; эрмитажа не было, она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ были слишкомъ огорчены. Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса. Что касается до меня, то мнѣ очень жаль, что я не зналъ его. Мнѣ кажется, никто не станетъ отрицать въ немъ обширныхъ, геніальныхъ способностей, приверженности къ монархинѣ, радѣнія о государственной славѣ. Но ему ставятъ въ упрекъ его лѣность, нарушеніе заведенныхъ порядковъ, страсть къ богатству и роскоши, чрезмѣрное уваженіе собственной личности и разныя причуды, до такой степени странныя, что иной разъ рождалось сомнѣніе, въ здравомъ-ли онъ умѣ? Отъ всего этого онъ скучалъ жизнію и былъ несчастливъ; и ты легко поймешь это, моя милая: онъ не любилъ ничего!»

Принцъ де-Линь [2]), сподвижникъ Потемкина, знавшій его коротко, говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ:

«Потемкинъ съ виду лѣнтяй, а трудится безъ устали; постоянно лежитъ — и не знаетъ сна ни днемъ, ни ночью; передъ опасностью тревожится, а при наступленіи ея веселится; скучаетъ въ своихъ чертогахъ; несчастливъ отъ избытка счастья; то искусный министръ, превосходный политикъ, то десятилѣтній ребенокъ; любитъ Бога — называя себя его «баловнемъ» и весьма боится чорта; то свирѣпо хмурится, то глядитъ привѣтливо; въ одно и тоже время похожъ на надменнѣйшаго восточнаго сатрапа и на любезнѣйшаго царедворца Людовика XIV. Но въ чемъ же заключается его чародѣйственная сила? Въ геніи, въ геніи и опять-таки въ геніи: природный умъ, удивительная память, великодушіе, остроуміе безъ ехидства, хитрость безъ лукавства; щедрость, изящество, справедливость при наградахъ; большое умѣнье

---

[1]) Графъ Валентинъ-Владиславъ Эстергази (р. 1740, † 1815 г.) дипломатическій агентъ графа д'Артуа.

[2]) Карлъ-Іоаннъ принцъ де-Линь (р. 1735, † 1814 г.). (См. о немъ «Русская Старина» 1872 г., томъ V, 672, 1873 г., т. VII, 76—78, 80; т. VIII, 727—728).

держать себя, способность угадывать то̀, что ему невѣдомо, наконецъ, отличнѣйшее знаніе людей».

Графъ Сегюръ, свидѣтель величія князя Таврическаго, со свойственнымъ ему остроуміемъ рисуетъ портретъ Потемкина широкою кистью и яркими красками:

«Странный случай создалъ Потемкина для его эпохи: въ личности своей онъ сочеталъ самые противуположные недостатки и достоинства. Скупой и расточительный, деспотъ и любимецъ народа, политикъ и довѣрчивый, вольнодумецъ и суевѣръ, отважный и робкій — Потемкинъ не имѣлъ себѣ равнаго въ дѣятельности воображенія и въ физической лѣни. Ревнивый ко всему, что только не было его созданіемъ, скучалъ тѣмъ, что создавалъ. Былъ безпорядоченъ во всемъ: въ трудахъ, въ удовольствіяхъ, въ нравѣ, въ поступкахъ. Казался стѣсненнымъ во всякомъ обществѣ, стѣсняя всѣхъ и каждаго своимъ присутствіемъ. Высокомѣрно обходился съ тѣми, которые его боялись и ласкалъ обходившихся съ нимъ безъ чиновъ. Потемкинъ можетъ служить живымъ олицетвореніемъ имперіи россійской: подобно ей — исполинъ, онъ совмѣстилъ въ своемъ умѣ области плодоносныя и степи. Въ немъ являлась смѣсь азіятскаго, европейскаго, татарскаго и казацкаго; грубость одиннадцатаго вѣка и испорченность восемнадцатаго».

Массонъ[1]), удѣляя Потемкину немногія страницы, возводя на его память обвиненія неосновательныя, сознается однако, что князь Таврическій былъ человѣкъ необыкновенный:

«Онъ созидалъ или разрушалъ, или спутывалъ все, но и оживлялъ все. Когда отсутствовалъ — только и рѣчей было, что о немъ; появлялся — и глядѣли исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшіе нѣкоторую роль въ бытность его въ арміи — при его появленіи, казалось, уходили въ землю, уничтожались при немъ. Принцъ де-Линь говорилъ: «въ этомъ характерѣ есть много исполинскаго, романическаго и варварскаго» — и это правда. Смерть его произвела громадный пробѣлъ въ имперіи и смерть эта была такъ же необыкновенна, какъ и жизнь».

---

[1]) Mémoires secrets sur la Russie, t. I, p. 149—150.

Лавернь, авторъ исторіи Суворова [1]), упоминая о Потемкинѣ, весьма удачно очертилъ его характеристику немногими словами: — «...На исполинской аренѣ явился знаменитый Потемкинъ, человѣкъ — одновременно столь необыкновенный и обыденный; великій и малый; дѣятельный и лѣнивый; столь разумный въ нѣкоторыхъ своихъ предпріятіяхъ и причудливый въ другихъ, столь нерасчетливый при ихъ осуществленіи вообще. Характеръ непостижимый для всѣхъ народовъ, но могущій служить законченнымъ образомъ характера русскаго человѣка, совмѣщая въ себѣ всѣ его добродѣтели и пороки».

Изъ нѣмецкихъ историковъ — Архенгольцъ (въ журналѣ «Minerva»), одинъ изъ немногихъ правдивый біографъ Потемкина, отдаетъ справедливость его дарованіямъ. Гельбигъ въ своей книгѣ удѣляетъ ему три страницы [2]), отзываясь о Потемкинѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ, не признаетъ въ немъ ни ума, ни способностей.

Но отзывъ Гельбига покажется панегирикомъ, если его сравнить съ ядовитымъ пасквилемъ, о которомъ мы выше упоминали. Пасквиль этотъ, озаглавленный: «Пансалвинъ, князь тьмы» былъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ спустя три года послѣ смерти Потемкина. Эта книжонка, переведенная и на русскій языкъ (Москва, 1809 г., 435 стр., въ 8 д. л.), нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость и находится въ библіотекѣ редакціи «Русской Старины». Авторъ этого пасквиля (какъ подозрѣваютъ) актеръ нѣмецкой труппы — Альбрехтъ, писалъ, повидимому, въ угоду врагамъ кн. Потемкина, каковы были кн. Платонъ Зубовъ и другіе. Но авторъ до того пересолилъ въ желаніи угодить своимъ милостивцамъ, что въ лицѣ своего героя вывелъ чудовище, нимало не похожее на князя Таврическаго.

XIII.

Гробъ, привезенный изъ Яссъ съ тѣломъ князя Таврическаго, былъ поставленъ въ ноябрѣ 1791 года въ подпольномъ склепѣ Херсонской крѣпостной церкви св. Екатерины, начатой постройкою въ 1782 году, но въ 1791-мъ году еще неоконченной и не

[1]) Histoire du feldmaréchal Souvaroff. Paris, 1809, 8°, p. 104.
[2]) Russische Günstlinge S. 386—389.

освященной. Въ склепъ велъ внутренній сходъ, впослѣдствіи на глухо задѣланный [1]).

Гробъ оставался неопущеннымъ въ землю съ 23-го ноября 1791 г. по 28-е апрѣля 1798 г. Признательные жители Херсона, и воины облагодѣтельствованные фельдмаршаломъ, во временномъ склепѣ служили панихиды и молебны предъ иконою Спасителя, которою императрица Екатерина II благословила Потемкина, отправляя его въ 1774 году на новороссійское генералъ-губернаторство. Эта богато-украшенная икона въ 1793 году была вытребована племянникомъ князя—графомъ А. Н. Самойловымъ.

Дошедшій до императора Павла Петровича слухъ, что тѣло Потемкина болѣе семи лѣтъ, вопреки православному обычаю, стоитъ не преданнымъ землѣ, вызвалъ въ 1798 году слѣдующія распоряженія.

«Секретно».

«Милостивый государь Иванъ Яковлевичъ! — писалъ генералъ-прокуроръ кн. А. Куракинъ новороссійскому ген.-губернатору Селецкому. Извѣстно государю императору, что тѣло покойнаго кн. Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности во особо сдѣланномъ подъ церковью погребу и отъ людей бываетъ посѣщаемо [2]), а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало. Вслѣдствіе чего, о таковой высокомонаршей волѣ вашему превосходительству сообщая, есмь впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорный слуга князь Алексѣй Куракинъ. Марта 27-го дня 1798 г.» (получено 15-го апрѣля).

Селецкій поспѣшилъ передать высочайшую волю къ исполне-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о могилѣ кн. Таврическаго мы извлекаемъ изъ рукописной статьи, сообщенной намъ въ сентябрѣ 1874 года В. И. Журавскимъ, и изъ весьма обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ же предметѣ, напечатанныхъ Н. Н. Мурзакевичемъ въ IX-мъ томѣ редактируемыхъ имъ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей 1875 г., стр. 390—396.

[2]) Разсказываютъ, что приходили поклониться праху Потемкина преимущественно старообрядцы, которыхъ Потемкинъ вызвалъ изъ Турціи и заселилъ ими вновь пріобрѣтенные и построенные города, въ томъ числѣ и Херсонъ.

В. Ж.

нію и 6-го мая 1798 года получилъ слѣдующій секретный рапортъ отъ херсонскаго коменданта, полковника Тернера:

«Въ сходство ордера вашего высокопревосходительства отъ 19-го апрѣля, за № 73-мъ, касательно высочайшаго его императорскаго величества соизволенія, чтобы тѣло покойнаго князя Потемкина, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ мѣстѣ погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ былъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не было, мною полученнаго 25-го апрѣля и въ тоже самое время тое тѣло въ ямѣ похоронено и мѣсто изглажено, о чемъ вашему превосходительству и доношу. Комендантъ Тернеръ» (№ 530, апрѣля 28-го дня 1798 г., городъ Херсонь).

Этими распоряженіями преслѣдованія памяти Потемкина не ограничились. Екатерина II, въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманскою (29-го декабря 1791 г.) повелѣла: «въ память Потемкина заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ того-жъ града помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль».

Повелѣнія государыни были исполнены; по свидѣтельству Гельбига[1]), грамота хранилась въ серебряномъ ларцѣ въ Херсонскомъ соборѣ; памятникъ въ томъ же храмѣ былъ воздвигнутъ; портретъ былъ выставленъ. Неизвѣстно, сохранились-ли грамота и портретъ, но памятникъ въ 1798 году подвергся той же участи, которая постигла и останки Потемкина. Еще почти три недѣли до предписанія новороссійскому генералъ-губернатору, князь Куракинъ отъ высочайшаго имени сообщилъ графу М. Каховскому объ уничтоженіи памятника князю Таврическому; исполненіе не замедлило, о чемъ графъ Каховскій и увѣдомилъ И. Я. Селецкаго.

(Секретно): «Милостивый государь мой, Иванъ Яковлевичъ! Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, отъ 10-го минувшаго марта, сообщилъ мнѣ высочайшее его императорскаго

---

[1]) Russische Günstlinge. S. 388.

величества повелѣніе, на имя его данное, чтобы сооруженный въ Херсони отъ казны въ память князю Потемкину памятникъ былъ уничтоженъ. А потому, предписавъ о точномъ и немедленномъ исполненіи сего высочайшаго соизволенія херсонскому коменданту, нужнымъ почитаю объ ономъ извѣстить симъ и ваше превосходительство. Имѣю честь быть и проч. графъ Михайло Каховскій» (№ 617, апрѣля 27-го дня 1798 г., Акмечеть).

Склепъ съ гробомъ кн. Потемкина былъ засыпанъ землею, ночью, и полъ со входомъ въ склепъ задѣланъ секретно; все это подало основаніе молвѣ, быстро облетѣвшей Россію и проникшей за границу—будто тѣло кн. Потемкина изъ гроба вынуто и гдѣ-то во рву Херсонской крѣпости зарыто безслѣдно. Между тѣмъ тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ, въ чемъ и удостовѣрились нѣкоторые очевидцы: такъ, въ 1818 году, при объѣздѣ епархіи екатеринославскимъ архіепископомъ Іовомъ Потемкинымъ, въ проѣздъ его изъ г. Алешекъ въ Херсонь, архіепископъ, по родству, пожелалъ убѣдиться въ справедливости носившагося слуха; по этому, ночью, 4-го іюля, въ присутствіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, поднявъ церковный полъ, проломалъ сводъ склепа, и вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ нахожденіи тѣла въ гробу. Говорятъ, что родственникъ вынулъ изъ склепа какой-то сосудъ и помѣстилъ въ свою карету. Догадываются, что въ сосудѣ находились внутренности покойнаго послѣ бальзамированія. Одни сказывали, что сосудъ отправленъ былъ въ сельцо Чижево, Смоленскаго уѣзда, родину свѣтлѣйшаго, другіе—Кіевской губерніи, въ Бѣлую церковь. Преданіе гласитъ, что, захвативъ изъ склепа сосудъ, іерархъ взялъ и портретъ императрицы Екатерины II, осыпанный брилліантами, лежавшій въ гробѣ.

9-го сентября 1859 года, по случаю внутреннихъ починокъ церкви св. Екатерины въ Херсонской крѣпости, пять лицъ спустилось чрезъ проломину въ склепъ, могилу кн. Потемкина, и, вынувъ изъ развалившагося гроба, засыпаннаго землею, черепъ и нѣкоторыя кости покойнаго, вложили ихъ въ особый ящикъ съ задвижкой и оставили въ склепѣ; около того-же времени, какъ разсказываютъ—изъ склепа взяты всѣ до послѣдней пуговицы, куски золотаго позумента, даже сняты полуистлѣвшія туфли съ костей ногъ кн. Таврическаго.

Вокругъ той же крѣпостной церкви, гдѣ погребенъ кн. Потемкинъ, похоронены тѣла нѣкоторыхъ лицъ, положившихъ жизнь свою за отечество и перевезенныхъ туда по приказанію самаго князя Таврическаго. Такъ, здѣсь покоится прахъ: строителя крѣпости и города Херсони инженеръ полков. Корсакова, см. № 4); убитаго въ 1789 г. при осадѣ Килійской крѣпости генерала артиллеріи барона И. И. Меллеръ-Закомельскаго) см. на пл. № 3); умершаго въ 1791 г. въ Галацѣ принца Александра Виртембергъ-Штудгардтскаго (брата императрицы Маріи Өеодоровны, см. на планѣ № 6); бывшаго господаря молдавскаго Эманупла Россета (см. на пл. № 5); генер. Максимовича; генер. Князя Сергѣя Аврамовича Волконскаго; убитаго при штурмѣ Очакова въ 1788 г. бригадира Горича-Бисевскаго; войска Донскаго полковника Мартыновича и др.

Помѣщаемъ планъ упоминаемой церкви съ чертежа, приложеннаго къ IX-му тому записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, съ находящимися около нея могилами (см. стр. 265).

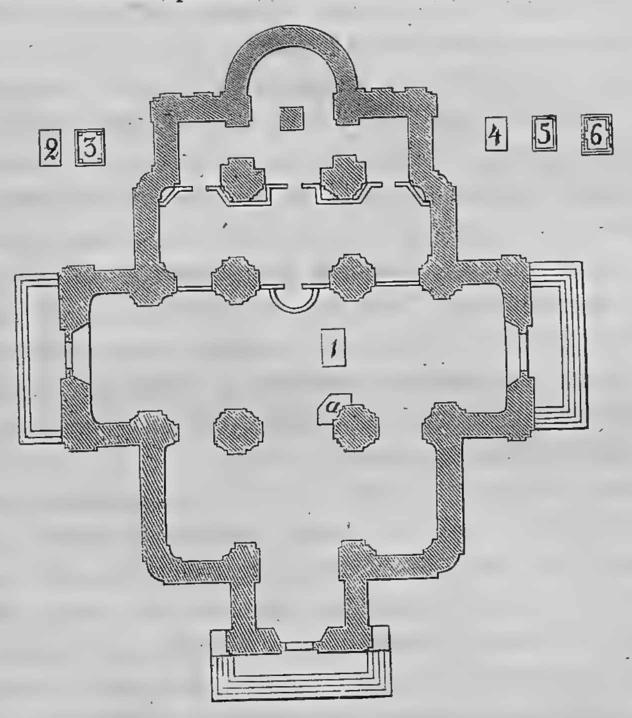
Памятники эти, частію отъ времени, частію отъ порчи жившими прежде въ крѣпости кантонистами, пришли совсѣмъ въ полуразрушенное состояніе.

Императорское Одесское общество исторіи и древностей, обязанное по уставу заботиться о сохраненіи на югѣ Россіи отечественныхъ памятниковъ древности, желая сохранить эти надгробія отъ дальнѣйшаго разрушенія и не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ для этого средствъ, ходатайствовало у военнаго министра поддержать ихъ въ должномъ видѣ на средства военнаго вѣдомства. Благодаря просвѣщенному содѣйствію Дмитрія Алексѣевича Милютина и начальника инженеровъ Одесскаго военнаго округа, въ вѣденіи коего состоитъ Херсонская крѣпость со всѣми въ ней зданіями, дѣлу этому данъ былъ дальнѣйшій ходъ и рѣшено было привести въ надлежащій видъ, какъ самые памятники,—строго придерживаясь первоначальнаго ихъ вида и дополнивъ недостающіе въ нихъ надписи,—такъ и надъ прахомъ фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго сдѣлать мраморную плиту съ его гербомъ и приличною надписью, окруживъ мѣсто его погребенія рѣшоткою.

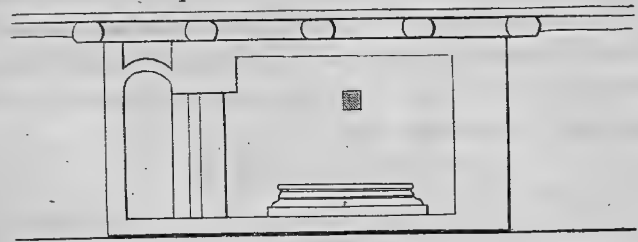
27-го августа 1874 г., коммисія изъ нѣсколькихъ лицъ, при участіи уполномоченнаго отъ Одесскаго общества исторіи и древностей

Н. Н. Мурзакевича, приступила къ изслѣдованію мѣста погребенія кн. Потемкина для предстоящей работы, въ особенности относительно положенія надгробной плиты; такъ какъ необходимо было удостовѣриться въ прочности свода надъ склепомъ, то для этого подняли нѣсколько досокъ въ деревянномъ полу церкви, въ мѣстѣ, указываемомъ старожилами.

Планъ церкви св. Екатерины въ Херсонѣ.

Разрѣзъ могилы кн. Потемкина.

На планѣ: а) — стулъ Екатерины II; № 1-й — могила кн. Потемкина.

По вскрытіи пола въ церкви, обнаружился сводъ склепа, который оказался проломаннымъ въ двухъ мѣстахъ, изъ коихъ одно

было заложено на глухо каменьями, а другое просто досками; по снятіи послѣднихъ открылся самый склепъ, частію засыпанный землею.

Въ склепѣ найденъ деревянный церковный ящикъ небольшой величины; въ немъ лежалъ цѣльный съ нижнею челюстью черепъ, съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа были видны клочки темнорусыхъ волосъ, тутъ же лежало нѣсколько другихъ человѣческихъ костей.

Тутъ же въ склепѣ, въ разрыхленной землѣ, были найдены части истлѣвшаго деревяннаго (изъ ясени) гроба и куски свинцоваго, разрушеннаго, очевидно, не временемъ, а человѣческими руками; также остальныя кости съ истлѣвшими частями роскошнаго одѣянія, на которомъ открыты три шитыя канителью звѣзды первой степени, именно: Георгія Побѣдоносца, св. Владиміра и Андрея Первозваннаго. Тутъ-же лежалъ небольшой желѣзный ломъ, куски золотаго позумента, которымъ былъ обитъ гробъ покойнаго, куски истлѣвшаго бархата и нѣсколько серебряныхъ гробовыхъ скобъ и такихъ же подножій; на ножныхъ костяхъ замѣтны были слѣды шелковыхъ чулокъ.

Коммисія положила: собрать всѣ кости покойнаго фельдмаршала и положить ихъ въ особый свинцовый ящикъ, который и поставить тутъ же въ склепѣ; отверстія въ сводѣ задѣлать и уложить на оный мраморную надгробную доску, обнеся ее приличною чугунною рѣшеткою, а позументъ, скобы, подставки и звѣзды уложить въ особый ящикъ, который и оставить въ ризницѣ крѣпостнаго собора на память о покойномъ.

И такъ, продырявленный черепъ съ прядью темнорусыхъ волосъ, да нѣсколько костей — вотъ единственные нынѣ останки великолѣпнаго князя Таврическаго, но заслуги его и «рвеніе ко славѣ и величію отечества»—по выраженію Екатерины II—пребудутъ навсегда незабвенными.

Памятникъ князю Потемкину.

1836 г.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ покоятся останки князя Таврическаго, въ Херсонѣ, на повсемѣстный въ Россіи сборъ воздвигнутъ ему, въ 1836 г., памятникъ. Величественная статуя изображаетъ фельдмаршала въ кавалергардской формѣ екатерининскаго времени, съ гербомъ и надписями русскою и латинскою; статуя вылита и надписи отчеканены мастеромъ В. Якимовымъ по проекту академика И. П. Мартоса, но при этомъ не воспроизведены аттрибуты Марса и Нептуна — эмблемы: войска и флота. Рисунокъ, прилагаемый при этой книгѣ «Русской Старины», сообщенный намъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, воспроизводитъ проектъ Мартоса вполнѣ. Памятникъ поставленъ въ плохомъ городскомъ садикѣ Херсона.

Надписи на памятникѣ гласятъ слѣдующее:

I. Князю Потемкину-Таврическому Новороссійскій край.

II. Памятникъ сей воздвигнутъ въ царствованіе государя императора Николая Перваго при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, при херсонскомъ гражданскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Ганскау, въ 1836 г.

III. Regnante Nicolao primo omnium Rossiarum imperatore Autocratore, Michaelo comite Worontsow supremo Novae Russiae atque Bessarabiae gubernatore, Jacobo Hanskau gubernatore Chersonensis provinziae principi Gregorio Potemkin Tavriczeskiy Nova Russia grata hoc monumentum anno MDCCCXXXVI erexit.

IV. Гербъ свѣтлѣйшаго князя.

Въ 1873 году херсонское земство на подписную сумму повѣсило въ церкви, въ память князя Таврическаго, небольшую овальную мраморную доску.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Основаніе Харьковскаго университета.

1802—1804.

IV [1]).

По пріѣздѣ въ Харьковъ, Каразинъ приступилъ немедленно, со всею свойственною ему пылкостію, къ исполненію даннаго ему гр. Потоцкимъ порученія. Прежде всего онъ освѣдомился, что́ сдѣлано дворянами и гражданами относительно коммисіи, которая должна была завѣдывать дѣлами по устройству университета, коммисіи, которую онъ признавалъ необходимою еще тогда, когда уговаривалъ всѣхъ къ пожертвованіямъ, и о которой и въ протоколахъ 1-го сентября 1802 года, и въ „предначертаніи" университета, и, наконецъ, въ письмѣ Потоцкаго къ нему, и въ сообщеніяхъ къ губернскому предводителю и къ городскому головѣ упоминалось. Къ крайнему своему удивленію и прискорбію онъ узналъ, что къ составленію коммисіи и не думали приступать, потому что жертвователи отозвались, что пока деньги не собраны, имъ дѣлать нечего, и что, впрочемъ, они Каразину въ дѣйствіяхъ его совершенно довѣряютъ; а къ сбору денегъ не было приступлено потому, что никакого къ тому распоряженія не было сдѣлано со стороны губернскаго предводителя и городскаго начальства. А между тѣмъ четыре профессора договорены и одинъ изъ нихъ уже на пути въ Харьковъ! Отчаяніе чуть не овладѣло Каразинымъ на первыхъ же порахъ его дѣйствій, но онъ скоро преодолѣлъ себя и потребовалъ, на основаніи распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338; томъ XIII, стр. 61—80; томъ XIV, стр. 185—200.

сдачи въ свое вѣденіе генералъ-губернаторскаго дома для приведенія его въ надлежащій видъ, хотя бы то собственными своими средствами. Но и тутъ встрѣтилъ тьму препятствій: во 1-хъ, въ министерской бумагѣ не сказано было „форменно сдать", а только просто „сдать", и во 2-хъ, не знали, куда дѣвать приказъ общественнаго призрѣнія, губернскую чертежную и аукціонную камеру, которые помѣщались въ этомъ домѣ. Губернаторъ Артаковъ, жившій также въ немъ, хотя и изъявилъ, по усиленнымъ просьбамъ Каразина, согласіе перейти въ другое помѣщеніе, нанятое на счетъ жертвованныхъ суммъ, но суммъ этихъ еще не было на лицо, къ тому же, улицы харьковскія были тогда непроѣздимы отъ весенней грязи, такъ, по крайней мѣрѣ, губернаторъ писалъ въ рапортѣ къ Кочубею отъ 20-го марта. Пришлось по неволѣ ждать. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, наконецъ, домъ былъ очищенъ и сданъ, но все-таки не „форменно", Каразину, который и приступилъ тотчасъ же къ внутренней его передѣлкѣ, приспособляя все, по возможности, къ потребностямъ университетскимъ. Надѣялся Каразинъ, что жертвованныя деньги скоро поступятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ 69,910 руб., которые лежали готовыми въ Петербургѣ, слѣдовавшіе слободско-украинскому дворянству за поставку къ арміи фуръ и лошадей въ 1789 году; но и ихъ не присылали, несмотря на послѣдовавшій, еще передъ отъѣздомъ Каразина изъ Петербурга, отзывъ министра финансовъ, что на выдачу ихъ препятствій не имѣется; сборъ же другихъ жертвованныхъ суммъ отложенъ былъ до особаго съѣзда дворянъ въ Харьковъ по случаю послѣдовавшаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ вопроса: на какіе именно сроки думаютъ они распредѣлить свои взносы? Такимъ образомъ Каразину пришлось тратить собственныя свои деньги, а за неимѣніемъ ихъ дѣлать долги: мастеровымъ необходимо было платить безотлагательно. Сверхъ того, надобно было думать и объ учебныхъ пособіяхъ для университета: о библіотекѣ, лабораторіи, разныхъ кабинетахъ (физическомъ, зоологическомъ, минералогическомъ и пр.), а также о типографіи, которую онъ считалъ необходимою для распространенія въ краѣ, отдаленномъ отъ центровъ просвѣщенія, полезныхъ иностранныхъ книгъ, о переводѣ которыхъ на русской языкъ онъ заблаговременно озаботился, употребивъ на плату переводчикамъ не одну тысячу рублей изъ своего кармана, какъ это видно изъ имѣющихся у меня документовъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ присылки денегъ изъ Петербурга, или взноса отъ жертвователей; но Петербургъ молчалъ, а дворяне не собирались для рѣшенія срока взносовъ, хотя нѣкоторые и давали, по усиленнымъ его просьбамъ, кой-что въ счетъ будущихъ благъ. Пришлось закладывать въ харьковскій приказъ общественнаго

призрѣнія отцовское наслѣдство, часть котораго и безъ того была уже заложена въ банкѣ при раздѣлѣ наслѣдниковъ. Но, наконецъ, всѣ его средства истощились, и онъ отправился въ Петербургъ, поручивъ одному доброму своему пріятелю, кол. сов. Шишкину, доканчивать передѣлку домовъ, уступленныхъ для временнаго помѣщенія университета, и озаботившись пріисканіемъ мѣста, гдѣ бы можно было устроить его навсегда. Мѣсто это нашелъ онъ за Сумской заставой: пространство въ 318 тысячъ квадратныхъ саженей готовы были ему уступить за 6 тысячъ рублей (что въ послѣдствіи и было исполнено съ нѣкоторою еще сбавкою съ этой ничтожной цѣны) [1]). Это—то самое мѣсто, гдѣ теперь университетскій садъ, институтъ для дѣвицъ и ветеринарное училище; мѣсто возвышенное, сухое, живописное. Тутъ онъ предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ серединѣ садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ, три церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами крытыми галлереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Я видѣлъ копію съ него въ кручанской библіотекѣ Василія Назаровича до ея пожара въ 1839 году.

Пусть припомнятъ читатели „предначертаніе" университета, помѣщенное мною въ „Русской Старины" (изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 66 и друг.), это предначертаніе н ѣ с к о л ь к и х ъ высшихъ училищъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, и тогда легко представить себѣ грандіозность плана. Скажутъ, можетъ быть, что предначертаніе была фантазія, что на его выполненіе потребовались бы громадныя суммы. Но вѣдь онъ и увѣренъ былъ, что не сотни тысячъ рублей (какъ оказалось при нежданныхъ его несчастіяхъ), а милліоны будутъ собраны на университетъ, и это такъ и было бы, еслибъ дали ему свободу дѣйствовать, еслибъ не явились тормозители тамъ, откуда онъ ожидалъ помощи.

---

[1]) Въ настоящее время прилегающая къ университетскому саду земля цѣнится, или, правильнѣе сказать, цѣнилась въ то время, когда я забиралъ справки объ этомъ, въ 1862 году, отъ 75 к. до 1 руб. квад. сажень; значитъ, Каразинъ пріобрѣлъ университету однимъ этимъ мѣстомъ капиталъ въ 250 тысячъ рублей по крайней мѣрѣ. Не худо было бы подумать объ этомъ тѣмъ лицамъ, которыя ужасаются г р о м а д н ы м ъ издержкамъ, сдѣланнымъ имъ на покупку рѣдкой аделунговской коллекціи эстамповъ за 5 тысячъ рублей и на выписку изъ Петербурга 32-хъ семействъ мастеровыхъ за 12 тысячъ рублей, о чемъ будетъ сказано ниже. **Авт.**

По возвращеніи въ Петербургъ, въ іюнѣ 1803 года, и по вступленіи въ отправленіе своей должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, началъ онъ прежде всего хлопотать о деньгахъ для Харьковскаго университета. Оказалось, что переписка о дворянскихъ 69,910 рубляхъ еще продолжалась. Сумма же, назначенная вообще на потребности въ 1803 году учебныхъ округовъ, около полумилліона, изъ которыхъ на харьковскій приходилось 125 т. руб., не была еще отпущена изъ министерства финансовъ. Наконецъ, удалось ему довести графа Кочубея до сдѣланія доклада императору объ упомянутыхъ дворянскихъ деньгахъ и 30-го іюня 1803 г. было высочайше повелѣно выдать ихъ; но когда сообщили объ этомъ министру финансовъ, то отъ него послѣдовало увѣдомленіе, что также по высочайшему повелѣнію опредѣлено отложить выдачу ихъ до будущаго года! Между тѣмъ Каразинъ получилъ отъ графа Потоцкаго, изъ Вѣны, письмо, которое я считаю нужнымъ привести здѣсь вполнѣ: такъ оно любопытно по своему содержанію. Писано оно по-французски. У меня находится оно въ копіи, на верху которой надпись руки Василія Назаровича: „Подлинникъ отданъ при письмѣ моемъ государю въ Каменно-островскомъ дворцѣ, чрезъ камердинера Александра Гаврилова, августа 16-го, поутру".

(Переводъ): „На два вашихъ письма буду отвѣчать разомъ, дорогой мой г. Каразинъ. Прежде всего примите душевную мою благодарность за всѣ выраженія вашей дружбы: я слишкомъ много васъ уважаю, чтобъ не умѣть цѣнить ея вполнѣ и слишкомъ увѣренъ въ вашей искренности, чтобъ сомнѣваться въ вашихъ словахъ. Надѣюсь, что и вы также не усомнитесь въ моей къ вамъ сердечной привязанности. Извѣстіе о неудавшейся вашей женитьбѣ тронуло меня до глубины души какъ потому, что это васъ сильно огорчило, такъ и по чувству сожалѣнія, что, можетъ быть, я былъ невольной причиной неудачи, подавъ первый вамъ поводъ къ разладу съ опаснымъ и до безконечности мстительнымъ человѣкомъ. Дай Богъ, чтобъ я былъ когда-нибудь въ состояніи загладить хотя нѣсколько эту мою вину. Относительно же того, что вы мнѣ пишете о нетерпѣніи, съ какимъ ждутъ меня харьковцы, то я вижу въ этомъ, признаюсь вамъ, больше всегдашнюю вашу ко мнѣ доброту, чѣмъ мои какія-нибудь заслуги передъ ними; несомнѣнно только то, что съ моей стороны я питаю къ нимъ чувства полнаго желанія добра. Счастливымъ счелъ бы я себя, еслибъ мнѣ удалось быть дѣйствительно полезнымъ для всего округа, высочайше мнѣ ввѣреннаго; и обстоятельства могли бы, казалось, благопріятствовать этому во время моего путешествія по Германіи и далѣе: можно было бы легко пріискать здѣсь дѣльныхъ профессоровъ; но,

къ сожалѣнію, всѣ средства къ исполненію этого у меня отняты: мнѣ не высылаютъ денегъ, о которыхъ я такъ настоятельно просилъ предъ отъѣздомъ, а безъ нихъ ничего не подѣлаешь, никто изъ порядочныхъ людей не согласится оставить свое мѣсто и пуститься въ дальній путь, не имѣя въ карманѣ, по крайней мѣрѣ, третнаго жалованья и сотни четыре, или пять рублей на дорогу, что составитъ болѣе 1,000 руб. на человѣка, а я рѣшительно не могу тратить теперь такихъ суммъ изъ собственнаго своего кармана. Признаюсь вамъ, что я не мало уже компрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ. Мнѣ кажется, что и достоинство самаго правительства нашего терпитъ отъ этого не мало: всѣ газеты протрубили о нашихъ новыхъ учрежденіяхъ на пользу просвѣщенія, всѣ ждутъ, что Россія потребуетъ изъ-за границы множество нужныхъ ей людей, безъ которыхъ въ началѣ нельзя ей обойтись, — и между тѣмъ мы совершенно бездѣйствуемъ!... Согласитесь, дорогой мой другъ, что при такомъ положеніи вещей мнѣ не къ чему торопиться ѣхать въ Харьковъ: что въ самомъ дѣлѣ стану я тамъ дѣлать съ четырьмя только, находящимися уже тамъ, профессорами и не имѣя возможности привезти отсюда ни одного больше? Не насмѣшка-ли надъ нашимъ университетомъ было бы мое тамъ пребываніе безъ всякаго дѣла? Кромѣ того, семейныя мои дѣла нашелъ я здѣсь въ такомъ разстроенномъ положеніи послѣ смерти моего отца, что мнѣ необходимо просить продолженія отпуска, чтобъ привести ихъ сколько-нибудь въ порядокъ, и я надѣюсь его получить отъ добраго нашего государя, тѣмъ больше, что присутствіе мое въ Россіи въ настоящее время совершенно безполезно. Что же касается вопросовъ вашихъ о полученныхъ нами для университета домахъ и планахъ новыхъ построекъ, то опять таки безъ денегъ нельзя ни къ чему приступать; а также безполезенъ былъ бы и вызовъ изъ разныхъ семинарій воспитанниковъ, пока университетъ только еще на бумагѣ. О г. Баузе скажу еще разъ, что я очень готовъ принять его, если только онъ самъ рѣшается. Пусть г. Новосильцевъ, которому я довѣрилъ все относящееся до Харьковскаго университета, распорядится въ этомъ случаѣ какъ признаетъ удобнѣйшимъ. Я пишу къ нему съ нынѣшнею же почтою, о деньгахъ особенно; съ будущею же — напишу къ министру и къ товарищу его. Васъ же покорнѣйше прошу хлопотать сколько возможно. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы вновь докажемъ справедливость пріобрѣтенной уже нами молвы, что мы работаемъ только ради газетныхъ похвалъ!... Харьковцевъ же увѣрьте, пожалуйста, что я не виноватъ въ плохомъ ходѣ нашего дѣла, и что чѣмъ больше они, по добротѣ своей, на меня

надѣятся, тѣмъ прискорбнѣе для меня не быть въ состояніи оправдывать эти надежды и заставлять ихъ думать, что я объ нихъ незабочусь. Скоро я отправляюсь во Львовъ, куда и адресуйте мнѣ письма. Хотя удобное время и упущено уже, но все-таки если поторопятся выслать мнѣ 7 или 8 тысячъ рублей посредствомъ векселя на контору Фриса, то я успѣю еще, можетъ быть, пріобрѣсть 6 или 7 профессоровъ. Простите, дорогой г. Каразинъ. Будьте всегда моимъ другомъ, какъ не перестанетъ никогда быть вашимъ С. Потоцкій".

Видя изъ этого письма такое некрасивое положеніе харьковскаго дѣла, Каразинъ рѣшился обратиться опять къ „другу души своей", какъ называлъ онъ, съ полнѣйшею искренностью, императора Александра Павловича.

Привожу этотъ документъ вполнѣ: онъ ярко рисуетъ состояніе высшаго управленія народнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи въ началѣ текущаго столѣтія:

„Всемилостивѣйшій государь! Многія обстоятельства заставляютъ меня думать, что я день со дня становлюсь далѣе отъ вашего сердца. Вотъ причина, для чего я давно уже ничего къ вамъ не смѣю писать. Я боюсь быть скучнымъ, или, что хуже, смѣшнымъ въ глазахъ особы, которую, независимо отъ власти ея, обожаю всесовершенно. Богъ знаетъ, найду-ли я случай или средства оправдать себя предъ вами, и позволите-ли вы мнѣ это? По крайней мѣрѣ я чувствую, что нѣкогда должно сдѣлать послѣдній опытъ объясниться съ другомъ души моей. Между тѣмъ простите мнѣ, государь, сіе письмо: я его пишу по обязанности службы, и въ противномъ случаѣ вы сами будете обвинять меня за молчаніе.

„Часть, по которой вамъ угодно было употребить меня, идетъ самымъ несчастнымъ образомъ. До сихъ поръ я заключалъ себя въ строжайшихъ предѣлахъ безмолвія: претерпѣвая тысячи непріятностей отъ своего министра, я боялся, не личныя-ли однѣ неудовольствія представляютъ мнѣ все прочее въ превратномъ видѣ. Бывши удаленъ отъ мѣста, которое вы мнѣ въ указѣ 8-го сентября очевидно назначить изволили, бывъ гласно обиженъ и со стороны чести, и со стороны жалованья моего и моихъ подчиненныхъ, униженіемъ противъ министерской канцеляріи, которой позволили присвоить исключительно имя департамента, и трактовать меня какъ подчиненнаго, бывши пренебреженъ даже до того, что именно запретили сообщать мнѣ всѣ бумаги, поступающія въ сей мнимый департаментъ, не взирая, что я и для истиннаго назначенъ вами отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ вашемъ, и что къ основанію его малыми моими силами содѣйствовалъ. Бывши ежедневно смѣшиваемъ въ отправленіи должности

и уничижаемъ всѣми образы, я въ продолженіе десяти мѣсяцевъ заключалъ въ себѣ самомъ эти жалобы, предоставлялъ истинѣ дойти до васъ обыкновеннымъ путемъ; и, безъ сомнѣнія, годы еще молчалъ бы безъ особливаго случая, который меня теперь рѣшаетъ.

„Я видѣлъ во всѣхъ частяхъ министерскаго попеченія безпечность, и тяжелый, съ правилами ни мало несоображенный ходъ; но въ разсужденіи Харьковскаго университета сверхъ того открытое недоброжелательство. Не взирая на всѣ мои усилія, послѣ отъѣзда графа Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу сего заведенія. По подписаніи предварительныхъ правилъ и штатовъ, пожаловали вы полмилліона на издержки нынѣшняго года въ четырехъ округахъ народнаго просвѣщенія: повѣрите-ли, всемилостивѣйшій государь, что понынѣ сія сумма совсѣмъ нетронута, и что государственный казначей хотѣлъ уже просить у министра позволеніе сдѣлать изъ нея предварительно другое употребленіе! Удивился я нашедши, что до наступленія іюня мѣсяца ничего еще не было отправлено гр. Потоцкому на высылку иностранныхъ профессоровъ и путевыя ихъ издержки. Упросилъ Николая Николаевича (Новосильцева), получившаго отъ графа полную довѣренность занимать его мѣсто, сдѣлать представленіе объ ассигнованіи сорока тысячъ на всѣ издержки по университету, въ томъ числѣ въ Вѣну двадцати тысячъ. Министръ во всемъ рѣшительно отказалъ; онъ забылся въ семъ случаѣ даже до того, что мнѣніе объ устроеніи университетовъ называлъ вздоромъ, поелику-де гимназіи еще неустроены. Я спросилъ его, что-жъ онъ прикажетъ дѣлать съ положеннымъ уже началомъ Харьковскаго, съ четырьмя, напримѣръ, профессорами, высочайше конфирмованными, которые уѣхали и живутъ безъ дѣла въ Харьковѣ. Чрезъ нѣсколько дней потомъ сталъ онъ увѣрять, будто гр. Потоцкій предъ своимъ отъѣздомъ обѣщалъ писать къ нему, если будетъ имѣть нужду въ деньгахъ. Имѣя въ глазахъ реестръ предположеннымъ издержкамъ, подписанный графомъ для исполненія по оному въ его отсутствіе, я терзался внутренно, но принужденъ былъ принять спокойный видъ, поелику отвѣтъ министровъ успокоивалъ, казалось, Николая Николаевича. При томъ же текущія издержки на первый случай замѣнились суммою, присланною заимообразно изъ Харькова, изъ числа приношенія дворянъ, которое все вообще оба попечителя назначили на построеніе университета по мѣрѣ какъ оно вступать будетъ. Другимъ представленіемъ министру, сдѣланнымъ уже 11-го іюля (1803 г.), испрашивали хотя 20,000 руб. на издержки по харьковскому округу, который дотолѣ отнюдь ничѣмъ не пользовался, имѣя право, по расчисленію, на 125,000 изъ пожалованной суммы. „Сперва отказано также рѣшительно, какъ и на прежнее представле-

ніе, съ оговоркой, что въ конфирмованномъ штатѣ ничего не постановлено о починкѣ строеній (о которой въ семъ представленіи, между прочимъ, упомянуто было). Но напослѣдокъ, заключая изъ выговоренныхъ мною въ первое движеніе словъ, что я предприму какой-нибудь отчаянный поступокъ, согласились на 18,000, росписавъ, однако, ихъ употребленіе; такъ что, напримѣръ, на заведеніе вновь физическаго кабинета назначены только положенные по штату на ежегодное (и то слишкомъ ограниченное) его поддержаніе пятьсотъ рублей, за которую сумму невозможно купить и одного порядочнаго инструмента. Н. Н. рѣшился не требовать сей суммы по ея маловажности. Такимъ образомъ, поелику и все прочее шло тѣми же путями и столько же успѣшно, сія часть совершенно остановилась. Изъ прилагаемаго письма, выражающаго стыдъ нашъ, отъ коего россійскій сенаторъ спасся выѣздомъ изъ Вѣны, можете, ваше величество, судить, какъ основательны всѣ оговорки на сдѣланныя представленія. Сіе письмо, возмутивъ меня выше всего, что сказать можно, заставило предпринять сей скрытый шагъ къ собственному лицу вашему. И начавъ уже говорить о семъ предметѣ народнаго просвѣщенія, которымъ, конечно, дорожитъ ваше сердце, изъ котораго не одну лишь молву хотѣли вы создать, беру дерзновеніе представить слѣдующее съ тою безпредѣльною искренностію, которую вы мнѣ,—по крайней мѣрѣ прежде,—милостиво позволяли.

„1) Проходитъ годъ времени съ учрежденія министеріи народнаго просвѣщенія и еще не проведены начальныя черты общаго плана. Кромѣ предварительныхъ правилъ, написанныхъ извѣстнымъ вамъ образомъ, вышелъ одинъ только уставъ одного университета, и то по дѣятельности и особливому значенію попечителя его. Дерптскимъ, котораго проектъ слѣдовало только просмотрѣть, занимались мы доселѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

„2) До сихъ поръ департаментъ не знаетъ о точномъ числѣ и состояніи училищъ въ губерніяхъ, ни о способахъ, которыми въ нихъ должно дѣйствовать, равно какъ и многія губерніи не знаютъ о томъ отношеніи, въ которомъ училища ихъ находятся къ департаменту. Понынѣ еще во многихъ губерніяхъ предполагаютъ существованіе прежней коммисіи о народныхъ училищахъ на прежнемъ ея основаніи, что доказывается надписью и содержаніемъ присылаемыхъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія бумагъ и продолженія прежняго порядка въ дѣлахъ училищъ.

„3) До сихъ поръ отъ членовъ правленія закрыта сумма, вообще правленію принадлежащая, равно и тѣ суммы, которыя частному рас-

поряженію попечителей или непосредственно высочайше предоставлены, или должны бы находиться въ ихъ вѣденіи по губерніямъ.

„4) Въ казанскій округъ, заключающій въ себѣ четырнадцать губерній и болѣе восьми милліоновъ такого народу, который наиболѣе требуетъ вниманія правительства съ сей стороны, опредѣленъ попечителемъ человѣкъ, занимавшій нѣкогда мѣсто въ учености, но мелочной въ своихъ правилахъ, престарѣлый и безъ дѣятельности, который и одного училища, ввѣреннаго ему прежде, то есть здѣшней академической гимназіи, не былъ въ состояніи призрѣть, а разстроилъ ее до основанія. Я Богомъ упрашивалъ въ то время, чтобъ не умножали у насъ Свистуновыхъ, не отягощали бы болѣе хода машины, и безъ того довольно уже тяжелой, чтобъ представили вамъ кого-нибудь изъ людей, подобныхъ петербургскому или виленскому попечителямъ (и таковые, конечно, могли бы быть въ виду), а семидесяти-пяти-лѣтняго вице-президента академіи, по предположенію прежняго нашего комитета, можно бы легко удовлетворить пенсіею.

„5) Въ производствѣ дѣлъ до того нѣтъ порядка и правилъ, что правленіе иногда совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается у попечителей, иногда же попечители относятся къ министру; сей посылаетъ въ правленіе, а правленіе отсылаетъ къ попечителямъ, которые нерѣдко представляютъ опять министру одно и тоже дѣло, утолстившееся только на круговомъ пути своемъ отъ безполезныхъ таковыхъ отношеній, предложеній и представленій. Стыжусь приложить образецъ сему, который теперь у меня предъ глазами. Опредѣленія и подтвержденія важнѣйшихъ чиновниковъ въ округахъ дѣлаются совсѣмъ различными образами, судя потому, въ какой степени представляющій попечитель уважаетъ министра. (Н. Н. Новосильцевъ недавно доведенъ былъ до необходимости настоять, чтобъ постановили что-нибудь о семъ предметѣ. Но министръ нечувствительно отклонилъ о семъ разсужденіе и дѣло начинаетъ забываться).

„6) Въ самыхъ засѣданіяхъ до такой степени нѣтъ порядка, что правленіе, имѣя домъ, не имѣетъ собственнаго мѣста: собираются у министра въ гостиной комнатѣ за ломбернымъ его столомъ, и въ его присутствіи читаютъ его же предложенія, на нихъ отвѣтствуютъ и собственныя разсужденія дѣлаютъ, поминутно прерываемыя его сбивчивыми и темными фразами. Такъ, что онъ въ одно время бываетъ и предлагатель, и исполнитель, и членъ, и предсѣдатель, и министръ. Сего недовольно: часто онъ, забывшись, собственные свои приговоры принимаетъ за мнѣнія членовъ, оспариваетъ ихъ, или беретъ къ себѣ въ кабинетъ исправлять; а послѣ нѣсколькихъ дней читаютъ въ собраніи туже бумагу и опять исправляютъ какъ бы новость, кото-

рая прежде никогда не была предметомъ разсужденій; и сей порядокъ — увы! нерѣдко возобновлялся два и три раза сряду надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

„7) Вмѣсто одной канцеляріи департамента, которая должна бы сводить все обработываемое попечителями по частямъ ихъ, удерживать всегда систематическій ходъ, и для сего быть подъ однимъ управленіемъ, теперь, по недовѣдомымъ причинамъ, существуетъ, кромѣ особыхъ письмоводствъ попечителей, три канцеляріи, не имѣющія между собою ни связи, ни сношенія: 1) канцелярія министра, присвоившая себѣ названіе департамента, подъ начальствомъ надворнаго совѣтника Мартынова, которая, кромѣ малаго числа заграничныхъ отвѣтовъ (не сношеній!), пишетъ предложенія попечителямъ, подтверждающія или останавливающія ихъ дѣйствія и ежегодно стоитъ около 22,000 рублей изъ государственныхъ суммъ; 2) канцелярія правленія, которая подъ моимъ вѣдѣніемъ, обработываетъ общія дѣла округовъ, и выходящія для нихъ и вообще по сей части учрежденія, и стоитъ ежегодно близъ 13,000 (такъ какъ чиновники ея получаютъ жалованье почти въ половину противу первыхъ) изъ доходовъ щукинскаго дома; напослѣдокъ, 3) контора подъ управленіемъ статскаго совѣтника Ростовцева, которая записываетъ сборъ упомянутыхъ доходовъ, и стоитъ на счетъ ихъ ежегодно болѣе 5,000 рублей. И вотъ въ короткихъ словахъ настоящее положеніе нашего департамента, государь! департамента, который надѣлалъ столько шуму въ чужихъ краяхъ, учрежденіе котораго составляло особенный предметъ вашихъ попеченій; а главное управленіе одно каждый годъ будетъ стоить болѣе ста тысячъ рублей государственной вашей сокровищницѣ. Сличите, государь, смѣлое мое представленіе съ тѣмъ, что узнать можете отъ князя Адама Адамовича (Чарторижскаго), Николая Николаевича (Новосильцева), господина Клингера и даже Михаила Никитича (Муравьева). Они и сами все видѣли и слышали мои безпрестанныя о семъ жалобы. Но, благотворитель мой, вы, конечно, не захотите поссорить меня съ ними сообщеніемъ сего письма, особливо съ княземъ Адамъ Адамовичемъ, котораго я душевно почитаю; и если вы на меня не гнѣваетесь, если хотите меня успокоить въ моемъ положеніи, то удостойте одною строкою вашего отвѣта, что вы его получили.

„Еще нѣсколько словъ дерзаю здѣсь прибавить, всемилостивѣйшій государь: скромнѣйшее и ближайшее средство къ оживленію сей части, умирающей, по предсказанію публики, въ самомъ ея началѣ, подобно и коммисіи о законахъ, и къ произведенію на самомъ дѣлѣ вашихъ намѣреній, кажется, есть то, чтобъ вы изволили повелѣть дѣятельнѣйшимъ тремъ членамъ правленія, въ особомъ засѣданіи, обрабо-

тать планъ общаго наказа департаменту и его письмоводства и поднести оный непосредственно на высочайшее утвержденіе, о чемъ и было уже говорено съ упомянутыми членами[1])".

Черновая этого письма хранится у меня. На верху надпись: „Августа 16-го 1803 г. под. въ Каменно-островскомъ дворцѣ чрезъ камердинера Гаврилова, и того-жъ часа отвѣтъ получилъ чрезъ оберъ-гофмаршала". Въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ—не знаю; но вѣроятно, въ записочкѣ, что письмо прочтено и что отвѣтъ будетъ, потому что есть у меня списокъ съ другаго его письма, отъ 12-го сентября, изъ котораго видно, что до тѣхъ поръ онъ еще оставался въ ожиданіи болѣе удовлетворительнаго отвѣта. Вотъ оно, хотя и не относится къ харьковскому дѣлу, но служитъ къ бо̀льшей обрисовкѣ характера Каразина.

„Я не безпокою ваше величество напоминаніемъ о послѣднемъ письмѣ моемъ и о разрѣшеніи жребія департамента просвѣщенія. Кромѣ того, что васъ, по возвращеніи[2]), безъ сомнѣнія, встрѣтило множество дѣлъ, я долженъ желать, чтобъ вы нѣсколько дней рѣшительное ваше слово отложить изволили: вы симъ изволите давать мнѣ время представить вамъ еще нѣкоторыя мысли по сему важному предмету, что я неукоснительно и исполню. Приложенное здѣсь письмо изъ Грузіи, которое почелъ я достойнымъ прочтенія вашего, получилъ я отъ одного изъ тѣхъ корреспондентовъ моихъ въ обширной Россіи, которыхъ я старался пріобрѣсть въ намѣреніи быть вамъ сколько-нибудь болѣе полезнымъ, нежели по обыкновенной службѣ: кажется, и упоминалъ я о нихъ нѣкогда въ моихъ письмахъ, хотя не успѣлъ еще представить статистическаго результата сихъ сношеній. Государь! я умоляю васъ вызвать сего вѣрноподданнаго, достойнаго лучшей участи, изъ гибельнаго онаго края. Онъ, какъ сами изволите видѣть, можетъ быть употребленъ съ пользою внутри государства. Опредѣленіе на вакансію совѣтника въ слободско-украинскомъ губернскомъ правленіи почелъ бы я милостію..."

Не знаю, кто былъ тотъ грузинскій его корреспондентъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, и былъ-ли онъ опредѣленъ въ харьковское губернское правленіе совѣтникомъ; но знаю, что и губернаторъ харьковскій, Ив. Ив. Бахтинъ, былъ назначенъ по ходатайству Каразина: я имѣю черновое его объ этомъ письмо къ государю. Познакомившись съ этимъ достойнымъ человѣкомъ во время службы своей въ государственномъ казначействѣ, онъ осмѣлился указать на

---

[1]) Послѣдняя фраза: «о чемъ... членами» зачеркнута.

[2]) Должно быть, изъ Каменно-островской резиденціи. Авт.

него императору, когда слухи шли о перемѣнѣ Артакова, и имѣлъ утѣшеніе видѣть желаніе свое исполненнымъ. Помню разсказъ его объ этомъ: узнавъ, что указъ уже подписанъ, но еще не объявленъ, онъ досталъ копію съ него и напросился къ Ивану Ивановичу на обѣдъ. Тотъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о новомъ своемъ назначеніи. Къ концу обѣда Каразинъ предлагаетъ ему выпить рюмочку шипучаго за здоровье харьковскаго губернатора и при этомъ встаетъ, идетъ въ переднюю, гдѣ была поставлена имъ, за дверьми, бутылка клико, проситъ рюмокъ, откупориваетъ и наливаетъ. Иванъ Ивановичъ не понимаетъ, что все это значитъ. Василій Назаровичъ настаиваетъ на томъ, чтобъ прежде всего взята была рюмка въ руки, что онъ-де знаетъ, что губернаторъ хорошій человѣкъ и стоитъ того, чтобъ ему пожелать здоровья. Иванъ Ивановичъ, улыбаясь, беретъ рюмку. Тогда Каразинъ провозглашаетъ тостъ „за здоровье новаго харьковскаго губернатора, Ивана Ивановича Бахтина", и при этомъ вынимаетъ изъ кармана указъ и читаетъ. Можно себѣ представить изумленіе и радость Бахтина! Они остались по жизнь друзьями. И это былъ единственный изъ харьковскихъ губернаторовъ, который удостоенъ былъ, послѣ окончанія своей карьеры, продолжавшейся 13 лѣтъ, единодушной, существенной признательности жителей: они, съ высочайшаго разрѣшенія, поднесли ему сумму денегъ, достаточную для уплаты всѣхъ сдѣланныхъ имъ во время его губернаторства долговъ, простиравшихся до 40 т. рублей. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, долго красовавшейся въ залѣ харьковскаго дворянскаго собранія; а бюстъ его я помню еще въ Кручикѣ стоявшимъ на живописномъ, окруженномъ тѣнистыми деревьями, мѣстѣ, противъ жилища Каразина. Графъ Потоцкій, въ рапортѣ своемъ къ Заводовскому отъ 19-го апрѣля 1804 года, такъ отозвался о Бахтинѣ: „за обязанность поставляю засвидѣтельствовать о благорасположеніи къ университету и истинномъ усердіи къ общей пользѣ въ семъ краѣ господина здѣшняго гражданскаго губернатора, котораго попеченіямъ первоначальные успѣхи университета во многомъ приписать должно будетъ"[1].

Воспитанникъ Харьковскаго университета 1820-хъ годовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) И. И. Бахтинъ († 1818 г.), отецъ покойнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина, былъ въ свое время довольно талантливый литераторъ, стихотворецъ и человѣкъ большаго ума и образованія. См. біографическую о немъ замѣтку въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 451—454. **Ред.**

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ОЛЕНИНЪ.

1763—1843.

Долголѣтняя и многосторонняя дѣятельность Алексѣя Николаевича Оленина на поприщѣ государственной службы, его заслуги родному слову, художествамъ и наукѣ, еще ждутъ должной и безпристрастной оцѣнки. Разнорѣчивые толки о его личности составляютъ камень преткновенія для будущаго біографа; пріязненные или враждебные отзывы о немъ до того односторонни, что изъ нихъ трудно выработать вѣрную характеристику этого государственнаго дѣятеля царствованія Александра I. Не дѣлая никакого окончательнаго вывода изъ фактическихъ данныхъ, приводимъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ, которому донынѣ еще не удѣлено мѣста даже ни въ одномъ изъ нашихъ справочныхъ энциклопедическихъ словарей — явленіе въ высшей степени странное, не дѣлающее чести составителямъ этихъ словарей.

А. Н. Оленинъ родился въ 1763 году. Образованіе получилъ за границею, именно въ Страсбургскомъ университетѣ и въ Дрезденскомъ артиллерійскомъ училищѣ. По окончаніи курса военныхъ наукъ, поступилъ въ русскую государственную службу; въ офицерскомъ чинѣ участвовалъ въ шведской кампаніи 1789—90 годовъ и въ усмиреніи польскихъ конфедератовъ 1792 года. Во время войны со шведами онъ обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства возведеніемъ укрѣпленій въ Финляндіи. Военную свою карьеру А. Н. Оленинъ продолжалъ и въ царствованіе Александра I. Только въ 1807 или 1808 г. перешелъ онъ въ службу гражданскую, сохранивъ мундиръ милиціоннаго оберъ-офицера, съ которымъ не разставался до первыхъ лѣтъ царствованія Николая I. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, имѣя высшія степени орденовъ, А. Н. Оленинъ носилъ ихъ звѣзды на мундирѣ оберъ-офицера милиціи 1806 года. Эта странность въ одеждѣ, при чрезвычайно маломъ ростѣ Оленина, придавала его наружности тотъ

видъ оригинальности, которая, бросаясь въ глаза, врѣзывалась въ память каждаго, кто хотя однажды его видѣлъ.

Въ 1811 году А. Н. Оленинъ, въ званіи государственнаго секретаря, былъ назначенъ первымъ директоромъ Императорской публичной библіотеки, а съ 1817 года былъ президентомъ императорской академіи художествъ. Эти обѣ должности сблизили европейски образованнаго Оленина съ двумя сферами—литературною и художественною, и въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ Оленинъ былъ ихъ средоточіемъ, а домъ его—мѣстомъ собраній литераторовъ и художниковъ. Одаренный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ и умѣніемъ угадывать талантъ въ самомъ его зародышѣ, Алексѣй Николаевичъ былъ истиннымъ меценатомъ, другомъ и покровителемъ отечественныхъ писателей и художниковъ александровскаго вѣка. При этомъ замѣчательно то, что не они заискивали покровительства Оленина: онъ самъ искалъ ихъ пріязни, гордился ею и дѣлалъ все, что только было въ его силахъ, чтобы дать имъ ходъ и очистить ихъ путь къ извѣстности отъ всякихъ препонъ и тормазовъ. Нѣтъ біографіи отечественнаго писателя, отъ Державина до Пушкина, въ которой не было бы страницы, посвященной памяти Оленина; не было художника и артиста, котораго Оленинъ обошелъ бы своимъ вниманіемъ, или не принялъ радушно въ своей гостиной, въ которую стекались представители отечественной словесности и изящныхъ искусствъ. Друзьями Оленина были: Г. Р. Державинъ, И. И. Дмитріевъ, Н. И. Гнѣдичъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Озеровъ, В. А. Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, П. А. Плетневъ, А. И. Тургеневъ, С. С. Уваровъ, Д. Н. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, кн. А. А. Шаховской и многіе другіе. Поэтъ-слѣпецъ И. И. Козловъ нашелъ въ А. Н. Оленинѣ добраго себѣ покровителя; что же касается до И. А. Крылова, то Оленину онъ былъ обязанъ и упроченіемъ своей авторской славы и тѣмъ родственнымъ пріютомъ, который престарѣлый, одинокій баснописецъ, нашъ холостой „дѣдушка", всегда находилъ въ доброй и радушной семьѣ своего просвѣщеннаго друга. Тотъ же Оленинъ былъ покровителемъ К. Н. Батюшкова и молодаго А. С. Пушкина, за котораго былъ ходатаемъ во время постигшей его опалы и его удаленія въ южную Россію.... Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности И. А. Крылова (2-го февраля 1838 года) было совершено по почину его друга, А. Н. Оленина, принимавшаго въ устройствѣ этого торжества самое дѣятельное участіе. Высокое положеніе на государственной службѣ не отдалило его ни отъ литературы, ни отъ художествъ, а давало ему лишь возможность еще болѣе содѣйствовать и литераторамъ, и художникамъ.

Вотъ что говоритъ о немъ гр. Ѳ. П. Толстой въ своихъ запискахъ („Русская Старина" изд. 1873 г., томъ VII, стр. 133): „Я былъ весьма хорошо принятъ въ домѣ Оленина, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ, человѣка весьма образованнаго, чрезвычайно начитаннаго и большаго любителя наукъ, художествъ и искусствъ. Въ назначенные дни недѣли у него собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося своими дарованіями, умомъ и познаніями. Подобные дома могутъ считаться хорошими школами для молодыхъ людей, ищущихъ просвѣщенія. Въ это время мнѣнія Оленина въ столицѣ пользовались неоспоримымъ авторитетомъ". Къ этому свидѣтельству необходимо добавить, что тотъ же А. Н. Оленинъ способствовалъ развитію въ графѣ Ѳ. П. Толстомъ того изящнаго вкуса къ классическимъ образцамъ живописи и ваянія, которымъ проникнуты произведенія этого знаменитаго художника. Какъ рисовальщикъ, несомнѣнно даровитый, А. Н. Оленинъ былъ предтечею гр. Ѳ. П. Толстаго: многіе изъ его рисунковъ къ стихотвореніямъ Державина запечатлѣны строгимъ и съ тѣмъ вмѣстѣ изящнымъ характеромъ, свойственнымъ классическимъ антикамъ.

Оленинъ былъ другомъ художниковъ трехъ поколѣній. Домъ его посѣщали: Боровиковскій, Венеціановъ, Варнекъ, Гальбергъ, Галактіоновъ, Демутъ-Малиновскій, Егоровъ, Зауервейдъ, Іорданъ, Кипренскій, Лосенко, Мартосъ, Орловскій, Пименовъ, Резановъ, Теребеневъ, Щедринъ—словомъ, всѣ наши знаменитости по части живописи, зодчества и ваянія. Изъ нихъ многіе слѣдовали совѣтамъ Оленина — тонкаго знатока изящнаго. Прибавимъ къ этому, что А. Н. Оленинъ, кромѣ изученія изящныхъ художествъ, весьма дѣятельно занимался археологіею вообще, а отечественною въ особенности. Вообще въ исторіи русской литературы, изящныхъ искусствъ, отечественной исторіи и археологіи въ царствованія Александра I и Николая имя Оленина должно занять весьма видное и по достоинству заслуженное мѣсто.

Онъ скончался въ 1843 году, въ преклонной старости, переживъ многихъ изъ своихъ друзей, дѣятелей временъ минувшихъ, на рубежѣ новыхъ временъ, когда словесность и художества у насъ въ Россіи вступали въ новую эру, чуждую преданіямъ классицизма.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ еще ждетъ своего біографа. Къ счастію для отечественной исторіи, просвѣщенная дочь Алексѣя Николаевича, Варвара Алексѣевна Оленина (вдова Г. Н. Оленина), свято чтя память незабвеннаго своего родителя, сохранила множество матеріаловъ для его біографіи и для изученія его ученой, литературной и художественной дѣятельности. Матеріалы эти, переданные Варварой Алексѣевной ея зятю, Н. И. Стояновскому, приведены имъ въ

строгій систематическій порядокъ и подвергнуты весьма обстоятельной научной обработкѣ.

Помѣщаемая ниже переписка А. Н. Оленина съ гр. Аракчеевымъ весьма характеристична, какъ по отношенію къ Оленину — смѣло, твердо, съ большимъ достоинствомъ отстаивавшаго свои убѣжденія и самостоятельность ввѣренной ему академіи художествъ предъ могущественнымъ и злымъ временщикомъ, такъ въ особенности по отношенію къ самому Аракчееву: въ письмахъ владѣльца села Грузина къ Оленину внимательный читатель встрѣтитъ нѣсколько чертъ, отлично обрисовывающихъ Аракчеева; интересно, между прочимъ, какъ разнится тонъ писемъ этого человѣка на верху силы и власти съ письмами, какія онъ посылалъ во время опалы.... Между тѣмъ А. Н. Оленинъ все тотъ же, чуждый ласкательства и приниженія, но одинаково любезный и обязательный....

Долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать признательность Н. И. Стояновскому за его интересное сообщеніе.

Ред.

I.

ПЕРЕПИСКА СЪ ГРАФОМЪ АРАКЧЕЕВЫМЪ.

1817—1833.

Москва. 16-го декабря 1817 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ, приношу вашему прев-ству мою благодарность за письмо ваше отъ 8-го декабря и за присылку эстампа, который, по дружбѣ вашей, я получилъ и который выгравированъ очень аккуратно. Касательно занятій вашихъ, я объ оныхъ знаю болѣе всѣхъ другихъ и цѣню вашу дѣятельность, а по множеству дѣлъ, конечно, вамъ нѣтъ времени гулять по гостямъ.

Теперь обращаюсь до присланной вами офиціальной бумаги отъ академіи художествъ, по коей я долженъ своего человѣка Семенова взять изъ оной, что я нынѣ же и приказалъ Льву Григорьевичу Невѣровскому явиться къ вашему прев-ству и просить вашего объ ономъ приказанія, прося только, дабы онъ, Семеновъ, снабженъ былъ формальнымъ аттестатомъ отъ академіи въ его знаніяхъ и дабы позволено ему было взять съ собою его рисунки, и, кажется, несправедливо будетъ, если госпожа академія не объяснитъ въ данномъ ему аттестатѣ, что онъ заслужилъ полученіе медали, которая ему назначена

была настоящимъ актомъ. Наконецъ, по дружбѣ вашей ко мнѣ, я долженъ былъ на васъ посѣтовать, что вы сдѣлали такое постановленіе, по коему воспретили отдавать помѣщикамъ людей. Это, кажется, напрасно; почему господамъ не имѣть права отдавать выучить и сдѣлать настоящимъ человѣкомъ изъ своихъ людей, но приневолить меня никто не можетъ сдѣлать его вольнымъ; я сдѣлаю его по его мнѣ заслугѣ, а не по приказанію. Но буди ваша воля, вы, философы нынѣшняго вѣка, лутче знаете насъ, псалтырниковъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и дружбою пребуду вашего прев—ства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

Помѣта А. Н. Оленина: «21-го декабря 1817 г.»

Оленинъ—гр. Аракчееву [1]).

31-го декабря 1817 г.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ. Я долго замедлилъ отвѣчать вашему сія-ву на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 16-го декабря, заупрямившись писать мое письмо собственною моею рукою, несмотря на боль, которую я въ ней чувствую, уповательно отъ простуды. Наконецъ, доведя до самаго нельзя, рѣшился я просить помощи у чужой руки, и нынѣ поспѣшаю уже донести, что помянутое почтеннѣйшее письмо вашего сія-ва, отъ 16-го декабря, я имѣлъ честь получить 21-го числа сего мѣсяца отъ Льва Григорьевича Невѣровскаго. Благосклонныя въ семъ письмѣ выраженія вашего сія-ва обо мнѣ и откровенное объясненіе мыслей вашихъ, по особому ко мнѣ благоволенію, побуждаютъ меня со всею искренностію изложить передъ вашимъ сія-вомъ причины, заставившія императорскую академію художествъ приняться за старый свой порядокъ.

Новое главное начальство министерства просвѣщенія, вникнувъ въ разстроенное положеніе сего знаменитаго и полезнаго заведенія, усмотрѣло многія вкравшіяся слабостью, временемъ и обстоятельствами (смѣю прямо сказать) злоупотребленія.

Судьбѣ угодно было назначить меня къ исправленію оныхъ. Я говорю судьбѣ, ибо мѣсто президента императорской академіи художествъ я получилъ, когда о немъ ни думалъ, ни гадалъ. Многіе тому не вѣрятъ, но я въ томъ могу присягнуть, а впрочемъ, всякій воленъ думать, что ему угодно.

И такъ, новое главное начальство министерства просвѣщенія по-

---

[1]) Подлинникъ руки А. Н. Оленина переписанъ и затѣмъ вновь имъ исправленъ. Съ этой послѣдней рукописи напечатанъ здѣсь этотъ документъ.

Н. С.

ставило мнѣ на видъ, между многими послабленіями, и допущеніе принимать, на ряду съ вольными казенными воспитанниками и учениками императорской академіи художествъ помѣщичьихъ людей крѣпостнаго состоянія въ противность 1-й статьѣ 1-го разряда 1-й главы академическаго устава и высочайше утвержденной привиллегіи. Сія статья начинается слѣдующими словами:

„Первому пріему состоять изъ 60-ти мальчиковъ, какого-бъ званія ни были, исключая одних ъ крѣпостных ъ, не имѣющих ъ от ъ господ ъ своих ъ увольненій".

Отступленіе отъ сего кореннаго правила произошло отъ стѣсненныхъ обстоятельствъ императорской академіи художествъ.

Бывшее начальство оной, видя паденіе цѣны на бумажныя наши деньги и непомѣрное возвышеніе оной на всѣ припасы, товары и художественныя пособія, не рѣшилось однако-жъ уменьшить число учащихся; но, усмотрѣвъ, что нѣкоторые изъ гг. профессоровъ имѣютъ у себя на квартирахъ учениковъ изъ крѣпостныхъ людей (въ числѣ коихъ былъ и тотъ, который нынѣ столь удачно гравировалъ старинное знамя, вашему сія-ву принадлежащее) и что профессора получаютъ за то отъ помѣщиковъ изрядный себѣ доходъ, вздумало тѣмъ же средствомъ помогать разстроеннымъ финансамъ императорской академіи художествъ, и отложа само-собою коренныя правила, верховною властью для сего заведенія установленныя, стало уже принимать въ училище академіи и въ самую академію крѣпостныхъ людей, подъ видомъ пансіонеровъ.

При вступленіи моемъ въ званіе президента императорской академіи художествъ, бо̀льшая часть, или, лучше сказать, всѣ гг. академики, совѣтники оной и профессора, между прочимъ, и старшій изъ нихъ, знаменитый нашъ художникъ и вашему сія-ву столь знакомый, при всѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь касалась до сего нововведенія, единогласно возставали противъ онаго, исключая только г-на конференцъ-секретаря, который находилъ сію мѣру полезною. Всѣ прочіе члены академическаго совѣта приписывали ей видимое истребленіе нравственности между казенными учениками и укорененіе между ими многихъ гнусныхъ пороковъ. Вотъ какія были неоднократныя замѣчанія гг. профессоровъ, которыя И. П. Мартосъ, конечно, вашему сія-ву подтвердитъ, если захочетъ быть искреннымъ.

Сверхъ того, дошедшее до меня роптаніе отборнѣйшихъ поведеніемъ своимъ вольныхъ учениковъ, какъ казенныхъ, такъ и пансіонеровъ, о смѣшеніи ихъ съ крѣпостными людьми, принадлежащими къ холопскому званію, столь уничижительному нетокмо у насъ, но и во всѣхъ земляхъ свѣта, побудило меня разсмотрѣть сіе дѣло са-

мымъ прилежнымъ образомъ и сообразить, безъ всякаго пристрастія, выгоду или вредъ, отъ онаго проистекающіе для пользы общей, для пользы академіи, для пользы помѣщиковъ, и какимъ образомъ можно соединить пользу общую и пользу академіи съ пользою помѣщиковъ, не разстраивая установленнаго издавна порядка.

Изъ сего соображенія произошли слѣдующія заключенія:

1) Истиннымъ, обществу полезнымъ художникомъ, безъ добраго поведенія, благороднаго любочестія и нѣкоторой возвышенности духа, быть никакъ не можно. Сообщеніе же, а кольми паче сожительство съ порочными людьми, особливо въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, совершенно подавляютъ всѣ способности къ художествамъ. По несчастію, гнусные самые пороки вообще принадлежатъ холопскому или рабскому состоянію, въ которомъ они получаются, такъ сказать, въ наслѣдство, а потому тѣсное сообщеніе сего рода людей и равенство оныхъ въ воспитаніи съ юношами свободнаго состоянія, болѣе приноситъ общаго вреда, нежели пользы.

2) За симъ уже нѣтъ нужды распространяться въ доказательствахъ, что сіе смѣшеніе состояній между воспитанниками императорской академіи художествъ для нея весьма вредно.

3) Но полезно-ли оно для помѣщиковъ? Полезно на первый взглядъ, но въ существѣ своемъ не менѣе для выгодъ ихъ вредно, какъ и для академіи. Если-бъ помѣщики получали изъ оной исправныхъ только мастеровыхъ, какъ-то: хорошихъ маляровъ, искусныхъ рѣзчиковъ, опытныхъ строителей или каменьщичьихъ старостъ, то, конечно, весьма бы выгодно было почти даромъ получать знающаго свое дѣло мастероваго, а подъ худую стать и работника. Но въ академіи воспитываются художники, въ которыхъ, по существу ихъ званій, должно непремѣнно, для истинной пользы и возвышенія искусства, возвышать и мысли, и чувствованія, образовать ихъ умъ и сердце, говорить имъ безпрестанно о свободѣ мыслей, о свободѣ въ выборѣ предметовъ ученія, о свободныхъ художествахъ, ибо они такъ изъ-покони вѣка называются всѣми просвѣщенными народами.

Такимъ образомъ крѣпостной человѣкъ, нѣсколько лѣтъ сряду пріучившійся, по наставленіямъ учителей своихъ и товарищей, къ слову „свобода“ и къ понятіямъ о личной свободѣ, о необходимости оной для свободныхъ художествъ, о правахъ художника, объ открытой ему дорогѣ къ полученію посредствомъ успѣха въ оныхъ чиновъ и личнаго даже дворянства, возвращается, наконецъ, въ домъ къ своему помѣщику въ крѣпостное состояніе, и тутъ нетокмо въ совершенномъ отчаяніи и въ жестокой самой къ нему ненависти, но съ ненавидѣніемъ даже и того дарованія, посредствомъ коего онъ мыслилъ

выдти изъ несноснаго для него крѣпостнаго состоянія. Тутъ, по общей привычкѣ русскаго народа, онъ начинаетъ съ горя пить и кончаетъ свое поприще достиженіемъ, вмѣсто лавроваго вѣнка, присвоеннаго издревле художествамъ, такъ называемою у насъ красною шапкою, а отъ чего? отъ того только, что этотъ бѣдный человѣкъ выведенъ съ той стези, на которую онъ судьбою былъ поставленъ. И что-жъ, наконецъ, происходитъ изъ всѣхъ на него употребленныхъ издержекъ, времени и попеченій? Что онъ, по просту сказать, дѣлается негоденъ ни Богу, ни государю, ни помѣщику, ни самому себѣ.

4) Размышляя такимъ образомъ о невыгодѣ общаго воспитанія крѣпостныхъ людей съ людьми свободнаго состоянія, я обратилъ вниманіе мое на способы соединить выгоды помѣщиковъ съ пользою общею и съ пользою академіи, и, по прилежномъ соображеніи, нашелъ, что если-бъ академія не отступала отъ своего устава и держалась прежняго порядка, то есть, если-бъ она сама принимала въ училище свое однихъ только вольнаго состоянія людей, а профессорамъ позволяла бы держать у себя крѣпостныхъ безъ тѣснаго ихъ по сожительству сообщенія съ казенными воспитанниками, то польза всѣхъ была бы тѣмъ сохранена: польза общая—распространеніемъ въ народѣ большой массы познаній; польза академіи — меньшимъ допущеніемъ несвойственныхъ художествамъ пороковъ; польза помѣщиковъ — пріобрѣтеніемъ искусныхъ, если не художниковъ, по крайней мѣрѣ, отличныхъ мастеровыхъ; польза профессоровъ—полученіемъ прибавки къ доходамъ ихъ, которые они у насъ въ Россіи съ большимъ трудомъ получаютъ, и, наконецъ, польза самихъ крѣпостныхъ людей, которые, по сему порядку не будучи выводимы изъ ихъ состоянія слишкомъ для нихъ возвышеннымъ воспитаніемъ, терпѣливо и безъ вреднаго для общаго мнѣнія ропота, сносятъ ту низкую участь, въ которую они судьбою поставлены.

Вотъ какія были мои заключенія по предмету изъявленныхъ мнѣ единогласно замѣчаній гг. членовъ академическаго совѣта о недопущеніи крѣпостныхъ людей въ училище академіи наравнѣ съ дѣтьми людей свободнаго состоянія, и вотъ что меня побудило сдѣлать надлежащее по оному представленіе высшему начальству.

Если ваше сія-во удостоите вникнуть въ сіи обстоятельства, то, конечно, увидите, что я къ тому былъ побужденъ не такъ какъ философы нынѣшняго времени, какимъ вы меня, вѣрно шутя, изволите называть, но поступилъ въ семъ случаѣ какъ человѣкъ, также первоначально учившійся по букварю, часовнику и псалтирю, ибо мнѣ уже 54-й годъ отъ роду. (Тутъ слѣдуютъ нѣсколько строкъ, помаранныхъ

такъ, что разобрать ихъ нельзя)[1]). Слѣдственно человѣкъ, по моему мнѣнію, крѣпостной и долженъ имѣть ту степень воспитанія и познаній, которая сообразна съ его состояніемъ, тогда онъ будетъ полезенъ, въ противномъ же случаѣ—вреденъ для помѣщика, для сотоварищей и, слѣдственно, для общества.

Имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и проч.

Гр. Аракчеевъ—Оленину.

Москва. 31-го декабря 1817 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. При самомъ моемъ отъѣздѣ изъ Москвы доставили ваше пре-во ко мнѣ дѣло изъ государственнаго совѣта, Давыдовой съ Муравьевымъ, которое я и передалъ для доклада, по принадлежности, статсъ-секретарю Марченко со всѣми приложеніями. Но, найдя въ ономъ дѣлѣ письмо ваше, милостивый государь, по сему дѣлу, которое меня, признаюсь вамъ, крайне удивило, ибо не мое дѣло судить качества людей, а особенно еще почтенныхъ, каковымъ я всегда привыкъ считать и ваше пре-во. Послѣ онаго я долго размышлялъ отдать ли сіе письмо г. Марченкѣ или возвратить вашему пре-ву, и, наконецъ, по моимъ заключеніямъ, нашелъ я, что лучше возвратить вамъ оное. Если симъ нѣсколько васъ и огорчу, но не сдѣлаю того, чтобы его кто-либо другой читалъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего пре-ва покорный слуга гр. Аракчеевъ.

18-го ноября 1819 г.

(Собственноручно). Покорно благодарю вашего пре-ва, Алексѣя Николаевича, что вы снисходите немощамъ дряхлыхъ людей. Время на присылку моего голоса прошло по случаю моей болѣзни, и я соглашаюсь во всемъ со всѣми господами членами, чѣмъ самымъ и доношу вашему пре-ву съ истиннымъ почитаніемъ.

15-го (14-го?) декабря.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Вчерась, отдавая вашему пре-ву дѣла государственнаго совѣта, забылъ еще вамъ объявить волю государя императора, то, извиняясь

[1]) Выписываемъ эти строки изъ черноваго подлинника: «И сверхъ того, какъ человѣкъ, воспитанный у родителей, вовсе неизвѣстныхъ о либеральной системѣ или о правилахъ филантропіи, и которые мнѣ потому и натолковали съ самыхъ молодыхъ лѣтъ старинную русскую пословицу: «всякій сверчокъ знай свой шестокъ».

вамъ въ ономъ, прошу сдѣлать мнѣ одолженіе, прислать ко мнѣ кого вамъ угодно, дабы я могъ оное изъявить на словахъ; я же сегодня цѣлое утро буду дома до перваго часа.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть на всегда вашего пре-ва покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Примѣчаніе. Исполнено мною лично. Отъ графа А. А. я прямо поѣхалъ къ графу Д. А. Гурьеву и съ нимъ объяснился по дѣлу о дополнительныхъ статьяхъ къ уставу о продажѣ вина, и статьи сіи получилъ, исправленныя того же вечера (14 декабря) отъ его сія-ва. А. Оленинъ.

17-го марта, пятница. (Около 1823 г.).

(Собственноручно). Не имѣю ни времени, ни позволенія оное докладывать, а можете ваше пре-во при иныхъ докладахъ дѣлать все что угодно, ибо мы имѣемъ не государя, а отца, который ото всѣхъ выслушиваетъ; а потому и прошу, какъ на сей разъ, такъ и впредь извинить.

Дурно пишу, ибо ѣду сейчасъ въ Царское Село.

17-го декабря.

(Собственноручно). Я никогда не приказывалъ безпокоить вашего прев-ства, Алексѣй Николаевичъ, а видно сіе вышло недоразумѣніе, а спросить только о дѣлахъ, тѣхъ самыхъ, о которыхъ вы мнѣ сами говорили, и отъ вашего прев-ства зависѣть будетъ оныя дѣла на нынѣшней недѣлѣ предложить въ департаментѣ или оставить до будущаго года; о чемъ и буду ожидать вашего извѣщенія, а о назначеніи времени я ни слова не говорилъ, да и надобности въ томъ нѣтъ васъ безпокоить.

(Бумага 1822 г.)

20-го февраля 1824 года Аракчеевъ подарилъ А. Н. Оленину брошюру: «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву». Брошюра эта перепечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г.

17-го апрѣля, субота. (1824 г.)

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ, Вчерась забылъ я съ вашимъ пре-вомъ говорить о прилагаемыхъ у сего бумагахъ, а равномѣрно и о дѣлѣ по архіеревскому московскому подворью, то просилъ бы васъ, милостивый государь, со мною увидѣться сего числа пополудни въ 7 часовъ, чѣмъ одолжите пребывающаго съ почтеніемъ покорнаго слугу, гр. Аракчеевъ.

Помѣта А. Н. Оленина: «19 апрѣля 1824 года».

Царское Село.—16-го іюня 1824 г.

Милостивый государь мой, Алексѣй Николаевичъ. Помня обѣщаніе вашего пре-ва посѣтить меня въ Грузинѣ и давъ вамъ слово заблаговременно васъ увѣдомить о времени, когда я могу васъ принять, я имѣю честь извѣстить васъ, милостивый государь мой, что смотръ государемъ императоромъ военныхъ поселеній окончится 2-го будущаго іюля, а 4-го я располагаю уже возвратиться въ Грузино. По сему и доставите вы мнѣ удовольствіе, если пожалуете ко мнѣ въ Грузино 5-го іюля къ ночи, тѣмъ болѣе, что 6-го іюля у меня деревенскій праздникъ. Мнѣ пріятно будетъ также, если и Ѳедоръ Петровичъ Львовъ пріѣдетъ съ вами вмѣстѣ, какъ онъ того желалъ.

Имѣю честь и пр. „графъ Аракчеевъ“.

Грузино.—14-го сентября 1829 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Служа вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ, я думалъ, что ваше пре-во замѣтили мою откровенность, которая во мнѣ и подъ старость осталась въ томъ же видѣ.

Я признаюсь вамъ, милостивый государь, что пріятель мой, П. В. Ильинъ, смѣло поступилъ, адресовавшись къ вамъ отъ имени моего. Я не смѣлъ бы онаго сдѣлать, воображая различное наше съ вами нынѣшнее положеніе: вы заняты службою, а я больной старикъ, въ деревнѣ живущій, отъ котораго просьбы государственными людьми принимаются сухо и безъ вниманія. Но письмо вашего пре-ва меня удивило, что вы, милостивый государь, столь добры, что обратили все ваше вниманіе къ моей просьбѣ, за что спѣшу принесть вамъ, милостивому государю, мою искренную благодарность, и увѣряю вашего пре-ва, что сверхъ оной и праведная душа благосклоннаго Александра упроситъ у Господа Бога его благословеніе на васъ и на все ваше семейство! Ваше письмо я принимаю въ полной цѣнѣ вашего къ себѣ дружества и всѣ ваши въ немъ помѣщенныя замѣчанія уважаю и передаю г. Гольбергу, съ коимъ на сихъ дняхъ заключаю законное условіе о сооруженіи памятника общему нашему государю и благодѣтелю. Прошу васъ, милостиваго государя, сдѣлать мнѣ милость продолжать ваше къ сей работѣ вниманіе и оказывать Гольбергу нужное пособіе, что я все передамъ потомству особою на монументѣ надписью.

Нынѣ же я препоручилъ П. В. Ильину приступить къ договору и съ г. Якимовымъ объ отливкѣ онаго памятника; а потомъ займусь и приготовленіемъ фундамента и чугуннаго пьедестала.

Повторяя мою благодарность и продолжая мое удивленіе христіан-

скому доброму вашего пре-ва ко мнѣ расположенію, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашего пре-ва, милостиваго государя, покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Грузино.—14-го апрѣля 1832 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Иванъ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ увѣдомилъ меня, что ваше высокопре-во спрашивали у него обо мнѣ, старикѣ, то я и поставляю долгомъ моимъ благодарить васъ, милостиваго государя.

Равномѣрно благодарю васъ и за увольненіе г. Гольберга, коему я показывалъ мои деревни, и ему оныя понравились такъ, что расположенъ лѣтомъ опять пріѣхать ко мнѣ отдохнуть.

Поздравляя вашего высокопре-ва съ наступившими праздниками, желаю вамъ провести оные въ добромъ здоровьѣ, что̀ для насъ, стариковъ, всего дороже.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч., графъ Аракчеевъ.

Честь имѣю возвратить остававшуюся у меня записку в-го высокопре-ва.

Грузино.—19-го ноября 1833 года.

Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. По милости Господа Бога совершилъ я открытіе памятника въ селѣ Грузинѣ въ Бозѣ почивающему императору, благодѣтелю моему Александру Благословенному, въ день печальный сердцу моему, 19-го ноября сего года. Но какъ ваше пре-во дѣлали мнѣ въ ономъ ваше содѣйствіе, то я счелъ, что вамъ, милостивому государю, будетъ пріятно имѣть памятную вещь вашего въ ономъ участія, то и препровождаю при семъ крестъ и рисунокъ для вашего превосходительства. Съ почтеніемъ честь имѣю быть и пр., графъ Аракчеевъ.

М. г. А. Н. Оленину.

II.

ССЫЛКА А. Ѳ. ЛАБЗИНА.

Къ числу весьма распространенныхъ анекдотовъ изъ временъ Александра I принадлежитъ разсказъ объ отвѣтѣ Лабзина, конференцъ-секретаря академіи художествъ, на предложеніе президента академіи А. Н. Оленина избрать въ почетные ея члены Аракчеева. При этомъ какъ отвѣтъ Лабзина, такъ и послѣдовавшая затѣмъ высылка его изъ Петербурга — передается со всевозможными разнорѣ-

чіями, сходными лишь въ томъ, что Оленина дѣлаютъ главнымъ виновникомъ грозы, грянувшей надъ конференцъ-секретаремъ.

Вотъ, что, напримѣръ, разсказываетъ знаменитый строитель храма Христа Спасителя, академикъ Витбергъ.

„Президентъ академіи художествъ Оленинъ предложилъ въ одномъ общемъ собраніи академіи о баллотированіи въ почетные любители-члены академіи: Аракчеева, Гурьева и Кочубея. На вопросъ конференцъ-секретаря, что отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ они могутъ быть полезны академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по положенію только такіе баллотируется въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенною любовію къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ, что эти лица близкіе государю.

— „А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья кучеръ, да и сидитъ къ его величеству спиною...“

„Президентъ Оленинъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ черезъ Аракчеева до государя сіе, давно искавши случая избавиться Лабзина, который былъ слишкомъ уменъ и твердъ.

„Лабзинъ умеръ, удаленный въ Симбирскъ, ибо духъ его, привыкнувшій къ дѣятельности, не могъ перенесть тягости ссылки: онъ впалъ въ чахотку и перешелъ въ другую жизнь въ самомъ короткомъ времени“. (Воспоминанія А. Л. Витберга, записанныя съ его словъ въ Вяткѣ А. И. Герценомъ и напечатанныя въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г., томъ V).

Такимъ образомъ не только по устнымъ позднѣйшимъ разсказамъ, но и по свидѣтельству знаменитаго художника, академика Витберга, человѣка весьма близкаго къ Лабзину,—Оленинъ является въ этомъ дѣлѣ доносчикомъ, почти прямымъ виновникомъ преждевременной кончины издателя „Сіонскаго Вѣстника“.

Документы, ниже печатаемые съ подлинниковъ, сообщенныхъ Н. И. Стояновскимъ, снимаютъ съ А. Н. Оленина малѣйшую тѣнь нареканія по отношенію къ судьбѣ, постигшей Лабзина, и неопровержимо доказываютъ, что онъ не только не былъ доносчикомъ на своего конференцъ-секретаря, но еще всячески старался смягчить его проступокъ и, рискуя своимъ собственнымъ положеніемъ—смѣло протянулъ опальному руку помощи. **Ред.**

19-го сентября.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Дошли до меня слухи о неприличномъ поведеніи г-на Лабзина въ собраніи, бывшемъ въ академіи художествъ. Я считаю обязанностью своею просить вашего пре-ва увѣдомить меня, что подало

поводъ къ таковымъ слухамъ и что произошло со стороны г-на Лабзина? Вамъ самимъ извѣстно, сколь благопристойность необходима вездѣ и что правительство не можетъ не обратить вниманія на подобныя дѣйствія; а посему ожидая подробнаго увѣдомленія о всемъ, честь имѣю быть съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашего пре-ва всепокорнѣйшій слуга гр. Милорадовичъ.

Помѣта: «24-го ноября 1833 г.».

Оленинъ—гр. Милорадовичу.

Мыза Пріютино [1]).—21-го сентября 1822 г.

Милостивый государь, графъ Михаилъ Андреевичъ. Я цѣлыми сутками замедлилъ отвѣтомъ моимъ на почтенное письмо вашего сія—ва, которое вы ко мнѣ и у меня въ домѣ изволили писать въ званіи с.-петербургскаго военнаго господина генералъ-губернатора. Причина медленности моего отзыва состоитъ единственно въ томъ, что вчерашній день назначенъ былъ женою моею къ помолвкѣ на дачѣ ея, Пріютино, старшей нашей дочери, что вчера съ благословеніемъ Божіимъ исполнилось [2]). Теперь, отдохнувъ отъ сей,—и радостной и тяжкой для родителей,—церемоніи, я поспѣшаю донести вамъ письменно, милостивый государь, по требованію вашему, то, что ваше сія-во изустно уже отъ меня слышали.

Дошедшіе до васъ слухи о словахъ, произнесенныхъ г-мъ вице-президентомъ императорской академіи художествъ, д. ст. сов. А. Ѳ. Лабзинымъ, въ совѣтѣ сей академіи, бывшемъ вечеромъ, въ середу, 13-го числа сего сентября мѣсяца, о которыхъ ваше сія-во меня спрашивали въ прошлый понедѣльникъ, въ русскомъ театрѣ, а потомъ сами изволили пожаловать ко мнѣ во вторникъ (19-го сентября) и въ подробности мнѣ объясняли вами слышанное по сему предмету—справедливы. Къ моему несчастію, дѣло происходило точно такъ, какъ оно вашему сія-ву пересказано было неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ, котораго имя вы не разсудили мнѣ сообщить. И такъ, справедливо то, что когда я объявилъ совѣту о надлежащемъ выборѣ трехъ почетныхъ любителей, на каковыя мѣста въ привиллегіи, сей академіи данной, предписано помѣщать изъ знатнѣйшихъ особъ, и когда я выборъ сей предоставилъ общему согласію гг. членовъ академическаго совѣта, отказавшись самъ отъ сего выбора, то г. вице-

---

[1]) За пороховыми заводами, по дорогѣ въ Рябово. На этой мызѣ часто гостили у А. Н. Оленина его друзья—Гнѣдичъ, И. А. Крыловъ и другіе.

[2]) Варвара Алексѣевна Оленина вышла въ замужество за Григорья Никаноровича Оленина.

президентъ Лабзинъ, не соглашаясь долго на утвержденіе предназначенныхъ совѣтомъ трехъ новыхъ особъ, а именно: графа Гурьева, графа Аракчеева, и особенно упорствуя въ выборѣ графа Кочубея, заключилъ свой споръ тѣмъ, что если совѣтъ полагаетъ выбрать сихъ трехъ новыхъ членовъ по той причинѣ, что они имѣютъ доступъ къ высочайшей особѣ, то онъ, г. Лабзинъ, съ своей стороны предлагаетъ въ почетные любители также близкую государю императору особу, а именно государева кучера Илью.

Вотъ что вашему сія-ву извѣстно было помимо меня, и такъ какъ слышанное вами было совершенно справедливо и говорено г. Лабзинымъ громко, въ присутствіи болѣе 20-ти гг. художниковъ, то я по совѣсти принужденнымъ нашелся подтвердить вамъ, по требованію вашему, истину вамъ сказаннаго, прибавя къ тому только, что какъ сіи слова были произнесены г-мъ Лабзинымъ въ присутственной комнатѣ, при собраніи вышепомянутыхъ гг. чиновниковъ или художниковъ, моимъ, такъ сказать, товарищемъ по службѣ въ академіи, то я, избѣгая непріятныхъ съ нимъ объясненій и уважая тяжкую его болѣзнь, разсудилъ этому дѣлу дать оборотъ не столь серьезный, сказавъ г-ну Лабзину, что я не премину извѣстить новоизбранныхъ гг. членовъ въ почетные любители о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Ѳедоровичъ, предложеніемъ къ совмѣстному съ ними выбору кучера Ильи. Сей неожиданный отвѣтъ мой произвелъ въ собраніи невольный общій смѣхъ, который привелъ г-на Лабзина въ нѣкоторое негодованіе, ибо онъ съ сердцемъ отвѣчалъ мнѣ: „Извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь“. Но, къ счастію, симъ послѣднимъ порывомъ непріятное сіе явленіе кончилось.

Объяснивъ вамъ, милостивый государь, подробно, по требованію вашему, какъ господину военному генералъ-губернатору, какъ это дѣло было, затѣмъ имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и таковою же преданностію, вашего сія-ва покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ.

Императоръ Александръ I—кн. А. Н. Голицыну.

Въ г. Веронѣ.—20-го октября 1822 г.

Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ). Усмотрѣлъ я изъ донесенія с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора и отношенія къ нему президента академіи художествъ Оленина наглый поступокъ, учиненный въ полномъ собраніи вице-президентомъ оной д. ст. сов. Лабзинымъ. Подобная дерзость терпима быть не можетъ. Я повелѣлъ указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, отставить его вовсе отъ службы, а с.-петербургскому военному генералъ-губер-

натору выслать его изъ столицы въ деревни, съ запрещеніемъ выѣзда изъ оныхъ безъ особеннаго моего на то повелѣнія.

Равнымъ образомъ съ крайнимъ удивленіемъ замѣтилъ изъ самаго отзыва президента Оленина, шуточное возраженіе, имъ сдѣланное Лабзину, въ опроверженіе его дерзости, тогда какъ слѣдовало властью, ему присвоенною, укротить неприличное поведеніе Лабзина; вслѣдствіе чего повелѣваю вамъ, призвавъ г. президента академіи художествъ, сдѣлать ему строжайшій выговоръ, какъ за таковой отвѣтъ, такъ и за то, что не умѣлъ въ семъ случаѣ исполнить должнаго, оставя столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству. Пребываемъ вамъ навсегда благосклоннымъ Александръ.

Помѣта: «Получено 6-го ноября 1822 г.».

Оленинъ—А. Г. Ухтомскому [1]).

1822 года, ноября 12 дня.

Узнавъ вчера отъ васъ, что А. Ѳ. Лабзинъ, при крайнемъ его несчастіи, находится въ крайней будто бѣдности, я рѣшился ему помочь по долгу христіанскому, по-силѣ, по-мочи, несмотря на великое огорченіе, которое онъ мнѣ нанесъ необдуманнымъ своимъ поступкомъ, и на многія другія огорченія. Богъ съ нимъ! Онъ теперь несчастливъ и другаго я въ немъ не вижу. И такъ, вотъ росписка моя въ жалованьи моемъ на 300 р.; ибо денегъ у меня теперь нѣтъ. Возьмите сію сумму посредствомъ сей росписки у Д. И. Воробьева и отдайте А. Ѳ. Лабзину; но съ тѣмъ, чтобъ какъ онъ, такъ и его близкіе, отнюдь бы не знали, отъ кого сіи деньги присланы. Скажите, что вы ихъ нашли для него, а отдастъ ихъ когда захочетъ. Я надѣюсь на вашу честность и увѣренъ, что вы меня не огласите. Прошу мою записку тотчасъ истребить.

Ухтомскій—Оленину.

1822 г. ноября 12-го дня.

Ваше пре-во, милостивый государь. Выслушавъ наставленіе отъ васъ по случаю совершившагося несчастія надъ г. Лабзинымъ, какъ отъ любезнаго отца, начальника и благодѣтеля моего, съ сердечнымъ умиленіемъ пріемлю оное. Вы совершенно отъ погибели меня сохраняете, и сохранюсь, доколѣ руководимъ буду вами. Да благословитъ васъ Богъ за сіе, изливъ милости свои на васъ и на чадъ вашихъ. Вотъ чувства мои и благодарность, каковую я въ другомъ видѣ выразить не могу вашему пре-ву. Получивъ же отъ васъ право на испол-

---

[1]) Служилъ при академіи художествъ.

неніе благотворнаго вашего дѣянія, вслѣдствіе предписанія вашего, я исполнилъ оное по волѣ вашей, доставивъ ту сумму извѣстному вамъ несчастливцу, который скоро и отправится въ предназначенное ему мѣсто. Повозка уже готова, и укладываются.

Симъ извѣщая, имѣю честь быть вашего пре-ва, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Андрей Ухтомскій.

Кн. Волконскій—Оленину.

Верона, 27-го ноября (7 декабря) 1822 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Письмо вашего пре-ва, отъ 10-го ноября, съ приложенною запискою о смерти д. т. с. Попова получилъ и немедля представилъ Е. И. В-ву. Вмѣстѣ съ тѣмъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія и объясненіе ваше на счетъ сдѣланнаго вами отвѣта г. Лабзину, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы не причинить болѣе вреда его здоровью. На сіе скажу вамъ откровенно, что ежели бы Лабзинъ сей поступокъ оказалъ наединѣ съ вами, тогда бы можно было оный оставить безъ вниманія; но въ полномъ собраніи таковой поступокъ никакъ не можетъ быть извинителенъ, а еще менѣе въ присутствіи самого начальника, которому сего терпѣть никакъ не слѣдовало, а какъ вы говорите, должно бы было приказать записать въ журналъ и донести начальству. По службѣ, вы сами довольно знаете, никакихъ подобныхъ уваженій быть не можетъ, и младшій предъ старшимъ ни въ какомъ случаѣ забываться не долженъ и старшему спускать ничего не должно, ежели младшій забывается. Вотъ мое мнѣніе, не прогнѣвайтесь, говорю съ вами по дружески, откровенно. Послѣдствія доказываютъ вамъ, что государь на васъ не гнѣвается, что усмотрите изъ письма моего, вскорѣ писаннаго къ Елисаветѣ Марковнѣ [1]), на просьбу, ею присланную. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего пре-ва покорнѣйшій слуга кн. Петръ Волконскій.

Сообщ. **Н. И. Стояновскій.**

---

[1]) Супруга А. Н. Оленина, рожденная Полторацкая.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

III [1]).

Неизданныя письма Гоголя [2]).

1843—1846.

2-го марта 1843 г. — Римъ.

На прошлой недѣлѣ отправилъ я къ тебѣ письмо, которое, я думаю, ты уже получилъ, иначе мнѣ было бы слишкомъ жаль, потому что оно мнѣ стоило большаго труда [3]). О, какъ трудно мнѣ изъяснять что-либо относящееся ко мнѣ. Много есть безмолвныхъ вопросовъ, которые ждутъ отвѣтовъ, и не въ силахъ отвѣчать. Какъ тягостно во время внутренней работы удовлетворять отвѣтами проходящихъ, хотя бы близкихъ душѣ. Представь архитектора, строющаго зданіе, которое все загромождено и заставлено у него лѣсомъ; чего стоитъ ему снимать лѣса и показывать неоконченную работу, какъ-будто бы кирпичъ въ чернѣ, и первое пришедшее въ голову слово, въ силахъ(-ли) разсказать о фасадѣ, который еще въ головѣ архитектора. А между тѣмъ уже утрачена часть времени, и страннымъ охлажденіемъ объята голова строителя. Скажу тебѣ, что иногда мнѣ очень были тяжелы без-

---

[1]) См. «Русскую Старину, изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 99—130. Помѣщаемыя здѣсь письма писаны С. П. Шевыреву.

[2]) Письма, вошедшія въ предъидущую книгу, уже были отпечатаны, когда Б. С. Шевыревымъ доставлены были и подлинники напечатанныхъ прежде у г. Кулиша, но напечатанныхъ съ пропусками. Тѣми изъ нихъ, которыя относятся ко времени не ранѣе 1843 г., я воспользуюсь въ настоящей книгѣ для возстановленія пропущенныхъ мѣстъ. Въ письмахъ же до 1843 г. пропуски оказались несущественными, кромѣ одного, который напечатанъ будетъ въ самомъ концѣ, въ видѣ дополненія.

[3]) Это, очевидно, то большое письмо отъ 28-го февраля, которое напечатано въ предъидущей книгѣ «Русской Старины»—въ концѣ статьи. **О. М.**

молвные и гласные упреки въ скрытности, которая вся происходила отъ безсилія силъ моихъ объяснить многое... но я молчалъ. За то, какую глубокую радость слышала душа моя, когда, мимо словъ моихъ, мимо меня самого, узнавали меня глубиною чувствъ своихъ... Не могу и не въ силахъ я тебѣ изъяснить этого чувства, скажу только, что за нимъ всегда слѣдовала молитва,—молитва, полная глубокихъ благодарностей Богу, молитва вся изо слезъ. И виновникомъ ихъ не разъ былъ ты. И не столько самое проразумѣніе твое силъ моихъ, какъ художника, которыя ты взвѣсилъ эстетическимъ чутьемъ своимъ, какъ совпаденіе душою, предслышаніе и предчувствіе того, что слышитъ душа моя... Выше такого чувства я не знаю, его произвелъ ты; слѣды этого вездѣ слышны во 2-й статьѣ твоего разбора „М. Д.", который я уже прочелъ нѣсколько разъ. Но еще сильнѣе это чувство было возбуждено чтеніемъ твоей статьи объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному. Ты, безъ сомнѣнія, и не подозрѣваешь, что въ этой статьѣ твоей есть много, много того, къ чему стремятся мои мысли, но когда выдетъ продолженіе „М. Д.", тогда ты узнаешь истину и значеніе словъ этихъ, и ты увидишь, какъ мы сошлись, никогда не говоря и не разсуждая другъ съ другомъ. Встрѣча въ чистомъ началѣ есть выше всѣхъ встрѣчъ на землѣ; дружба, почувствованная тамъ, вѣчна и если-бъ мы, вмѣсто стремленій стороннихъ, стремленій даже другъ къ другу, всѣ стремились къ Богу, мы бы всѣ встрѣтились другъ съ другомъ, души наши, какъ души младенцевъ, стали бы намъ открыты и ясны во всемъ другъ другу, всѣ исчезли бы недоразумѣнія, ибо недоразумѣнія отъ человѣка, и только одной помощью Бога узнать мы можемъ истину. Вотъ, что я хотѣлъ сказать тебѣ и для чего пишу письмо это. Прощай! не забывай меня; пиши хоть даже только два слова, хоть самыхъ торопливыхъ и ежедневныхъ слова, но непремѣнно пиши. Это мнѣ очень нужно, меня никакъ не слѣдуетъ забывать во все это время. Еще хочу тебя попросить объ одномъ. Родственникъ мой Данилевскій, котораго ты отчасти знаешь, будетъ въ Москву, положеніе его требуетъ участія. По смерти матери своей онъ остался безъ куска хлѣба, по раздѣлу ему досталась такая малость, которая даже не достала на заплату долговъ,—нельзя-ли какъ-нибудь общими силами помочь ему, помѣстить его къ князю Дмитрію Владиміровичу (Голицыну) на какое-нибудь мѣсто съ жалованьемъ. У него есть способности, которыя не употреблены вовсе въ дѣло; кромѣ того, что у него прекрасная душа и сердце, онъ уменъ. Въ школѣ у него показывались искры таланта, но при вступленіи въ свѣтъ и на поприщѣ службы преслѣдовали его до сихъ поръ неудачи, и донынѣ не попалъ на дорогу. Въ свободное время онъ даже могъ бы поработать и для

„Москвитянина". Языковъ теперь только принялся за перо, а потому ничего не посылаетъ, но какъ только будетъ что-нибудь готово—сейчасъ вышлетъ. Твой Гоголь.

Въ изданіи г. Кулиша, въ самомъ началѣ 6-го тома, помѣщено письмо отъ 18-го марта, также изъ Рима, къ С. Т. Аксакову, заключающее въ себѣ напоминаніе о томъ, что было высказано уже въ вышепомѣщенномъ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 28-го февраля: «не забудьте, повторяетъ Гоголь Аксакову, моей глубокой, сильной просьбы, которую я съ мольбой изъ нѣдръ души моей вамъ тремъ [1]) повергаю: возьмите на три года попеченіе о дѣлахъ моихъ» (7). Послѣ напечатаннаго вслѣдъ затѣмъ у г. Кулиша незначительнаго письма къ В. А. Жуковскому отъ 28-го марта, слѣдуетъ, по времени, помѣщаемое здѣсь къ С. П. Шевыреву. Заключающееся въ немъ требованіе самой смѣлой откровенности встрѣчается, какъ извѣстно, и во многихъ, давно уже напечатанныхъ письмахъ Гоголя, самолюбіе котораго, надо думать, вознаграждалось при этомъ мыслію о томъ, что такое требованіе откровенности есть что-то исключительное, оказывающееся по силамъ только немногимъ.

7-го апрѣля 1843 г. — Римъ.

Сейчасъ получилъ я отъ Прокоповича 550 франковъ. Онъ не высылалъ ихъ мнѣ, ожидая накопленія и пополненія денегъ, потому что часть изъ нихъ уже употребилъ на нѣкоторыя необходимости по изданію мелкихъ сочиненій, какъ-то: на печатаніе и разсылки (sic) всякихъ объявленій. Изъ отчета его видно, что дѣла всѣ въ порядкѣ, и потому совершенно не могу постигнуть, въ чемъ особенно заключается дурное распоряженіе, о которомъ мнѣ намекали изъ Москвы еще даже прежде твоего письма. Какъ жаль, что до сихъ поръ никто не можетъ понять, что мнѣ нужно мѣтить не въ бровь, а прямо въ глазъ [2]). До сихъ поръ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не догадается, что есть на Руси человѣкъ, которому можно все говорить, не опасаясь, ни въ какомъ случаѣ, никакими словами, нанести неудовольствіе, которому можно говорить даже просто такимъ образомъ: послушай, ты подлецъ и подлецъ вотъ въ томъ-то и въ томъ-то, и въ такомъ-то твоемъ поступкѣ. Изъ положенія дѣлъ касательно (?) изданія мелкихъ сочиненій, я вижу ясно, что въ первый годъ оно только что окупитъ издержки печатанія; впрочемъ, я такъ и предполагалъ. Оно никакъ не могло имѣть расходу даже въ половину противъ „М. Д.", уже потому, что книга не вовсе новость, что книга въ четырехъ томахъ, и что, несмотря на всю дешевизну свою относительно издержекъ печатанія, она требуетъ вынуть изъ кармана 25 рублей. Полученные мною теперь 550 франковъ слѣдуетъ вычесть изъ слѣдуемыхъ мнѣ денегъ, все равно какъ и всѣ

---

[1]) Третій, какъ видно изъ того письма, М. П. Погодинъ.

[2]) Разрядка принадлежитъ мнѣ. О. М.

прочія деньги, которыя бы откуда я ни получилъ, идутъ въ число необходимыхъ мнѣ шести тысячъ рублей въ годъ; а я всякій разъ буду давать объ этомъ извѣстіе немедленно. Прокоповичъ меня также извѣщаетъ, что ты сдѣлалъ ему замѣчаніе на то, что не высланы экземпляры нѣкоторымъ людямъ, близкимъ душѣ моей. Но въ этомъ я виноватъ, я не сдѣлалъ совершенно никакихъ распоряженій, и онъ уже самъ, догадываясь съ кѣмъ я могъ быть въ сношеніяхъ близкихъ въ Москвѣ, почелъ приличнымъ послать. Что до меня, я, признаюсь, не думалъ, чтобъ такъ дорожили такимъ моимъ пустымъ подаркомъ, на которомъ я даже не могу сдѣлать надписи собственною рукою. Но если это такъ, то, ради Бога, поблагодари всѣхъ за это пріятное душѣ моей неудовольствіе ихъ и раздай всѣмъ по экземпляру, кому ни найдешь приличнымъ. (Я бы много прибавилъ къ тому душевныхъ словъ, но мы живемъ въ томъ вѣкѣ, когда болѣе вѣрятъ мелочамъ и примѣчаютъ скорѣе наружное несоблюденіе мелкихъ приличій, чѣмъ глубину чувствъ и души человѣка [1]). Я написалъ Прокоповичу, чтобы онъ по всякому твоему востребованію высылалъ экземпляры въ большомъ или маломъ числѣ, какъ понадобится. Старайся проникнуть сколько-нибудь въ загадку толковъ и слуховъ о дурномъ распоряженіи относительно изданія моихъ сочиненій; я думаю, что, можетъ быть, даже это больше ничего, какъ сплетни и кое-какіе съ намѣреніемъ распускаемые слухи; вѣдь и это также можетъ случиться, согласись съ этимъ. Сколько есть мелочей, которыя темнятъ предъ нами безпрерывно предметъ даже и тогда, если мы вблизи отъ него. А между Петербургомъ и Москвою разстояніе велико; сколько выдумокъ, напримѣръ, произошло при мнѣ въ Москвѣ на счетъ „М. Д.", когда онѣ были въ Петербургѣ. Прокоповичъ человѣкъ новый, а книгопродавцы, съ которыми я не хотѣлъ войти ни въ какія сношенія, натурально должны были напасть на него. Мнѣ однако же очень прискорбно, если я былъ причиною того, что доставилъ ему въ чемъ-либо дурную репутацію. Тѣмъ болѣе, что я насильно его втянулъ въ это дѣло, умоляя именемъ дружбы взяться за него и имѣя внутренно тайный умыслъ чѣмъ-нибудь пробудить этого человѣка, исполненнаго большихъ дарованій, отъ непостижимаго усыпленія, въ которое онъ погрузился. Но это прекрасная, благородная душа, которую я уже испыталъ не разъ съ дѣтскаго возраста почти. А все-таки на грѣхъ мастера нѣтъ, онъ можетъ случиться со всякимъ и потому во всякомъ случаѣ мы должны указывать смѣло другъ другу наши заблужденія и наводить любовно на прямую дорогу, а потому, ради Бога, говори и пиши мнѣ все. Я получилъ на дняхъ

[1]) Слова эти находятся въ оригиналѣ въ выноскѣ, съ боку листа.

письмо отъ маменьки; дѣла ея изворотили(сь) и пошли обыкновеннымъ порядкомъ, проценты и подати взнесены. Я здоровъ и довольно бодръ, но усталъ сильно духомъ; заботы и безпокойства обо всемъ и объ обезпеченіи моемъ на эти три года удалили меня отъ моихъ внутреннихъ занятій, и полгода похищено у меня времени, слишкомъ важнаго для меня. Но такъ угодно Богу и, можетъ быть, уже въ этомъ заключено какое-нибудь новое, еще неузнанное мною благо. Прощай, люби меня, несмотря на всѣ мои недостатки, и, ради Бога, не забывай меня письмами, хотя изъ двухъ строчекъ. Послѣ когда-нибудь узнаешь, какъ глубоко важны и значительны бываютъ для меня двѣ строчки. Обнимаю тебя силою той сильной любви, которая даетъ мнѣ средства быть выше моихъ безчисленныхъ недостатковъ. Передай это маленькое письмецо Аксакову. Обнимаю всѣхъ, кто сколько-нибудь любитъ меня. На это письмо отвѣтъ ты можешь уже адресовать въ Гастейнъ, poste restante.

Далѣе у г. Кулиша нѣсколько неважныхъ писемъ, за ними же идетъ слѣдующее, до сихъ поръ не бывшее въ печати,—къ С. П. Шевыреву.

17-го мая. — Гастейнъ.

Письмо твое получилъ я передъ самымъ отъѣздомъ изъ Рима. Благодарю за все: за журьбу, за дружбу, словомъ, за все. За недѣлю передъ твоимъ письмомъ получилъ я отъ Прокоповича еще тысячу рублей. Стало быть, теперь я уже получилъ за первый годъ 5,000 руб., остается получить безъ малаго тысячу. Начало я считаю съ 1-го октября прошлаго года, то есть съ того дня, къ которому я назначилъ еще въ прошломъ году первую высылку. Отнынѣ сроки будутъ къ 1-му октября и 1-му мая новаго стиля каждаго года. О дѣлахъ моихъ въ настоящемъ видѣ и о продѣлкахъ съ типографіей я узналъ только изъ послѣдняго письма Прокоповича. Онъ до этихъ поръ скрывалъ, не хотя меня, какъ видно, огорчить и стараясь раздѣлаться самъ. Онъ пишетъ, что давно бы заплатилъ свои деньги, но его таскали по судамъ и не выдавали долго банковыхъ билетовъ, доставшихся ему по смерти брата. Я писалъ ему высылать экземпляры по первому твоему востребованію, въ какомъ количествѣ будетъ вами за благо опредѣле(н)но. Всѣ совершенно переводить экземпляры въ Москву мнѣ кажется лишнимъ, потому что потомъ нужно будетъ вновь ихъ пересылать петербургскимъ книгопродавцамъ, что введетъ въ издержки. Если только всѣ экземпляры сполна получены изъ типографіи и находятся въ рукахъ Прокоповича, то они уже безопасны. За два мѣсяца до срока, въ который мнѣ нужно высылать деньги, Прокоповичъ дастъ тебѣ отчетъ въ продажѣ и о томъ, сколько у него накопилось въ наличности денегъ, дабы видѣть, изъ московскихъ-ли доходовъ или прямо изъ

Петербурга произвести мнѣ высылку. Впрочемъ, если окажется необходимымъ всѣ экземпляры перевести въ Москву, то все это будетъ сдѣлано Прокоповичемъ, онъ весь въ вашемъ распоряженіи. Ему назначено только отъ меня уплатить старый долгъ Жуковскому —четыре тысячи—и новый Данилевскому—три тысячи, которыя онъ такъ великодушно предложилъ моей матери, хотя онѣ у него, можетъ быть, послѣднія. По уплатѣ ихъ, остальныя деньги поступаютъ къ вамъ въ ваше распоряженіе. Я остановился на нѣсколько дней въ Гастейнѣ отдохнуть отъ дороги и погостить у Языкова. Послѣ этого отправляюсь въ Дюссельдорфъ, гдѣ пробуду, можетъ быть, долго. Во всякомъ случаѣ [1]) письма адресуйте въ Дюссельдорфъ, хотя бы меня тамъ и не было, на имя Жуковскаго. Теперь къ тебѣ частная просьба, исполненіемъ которой ты меня много обяжешь. Прежде всего пришли мнѣ статью твою о воспитаніи, она вѣрно напечатана отдѣльно, мнѣ нужно ее имѣть всегда при себѣ, а я прочелъ всего разъ въ журналѣ. Потомъ пришли мнѣ твою новую статью: Перечень русской словесности за прошлый годъ, напечатанную въ „Москвитянинѣ“, и будь такъ добръ, вели всякую статью свою тиснуть на особомъ листикѣ, какая ни явится гдѣ-либо, въ „Москвитянинѣ“ или въ „Министерскомъ журналѣ“, клянусь, это мнѣ очень нужно, вѣрь этому слову и исполни мою просьбу. Переслать теперь очень удобно: началась весна, изъ Москвы выѣзжаетъ, вѣроятно, много за границу. Вѣроятно, на Рейнѣ побываетъ всякой, стало быть, не много труда стоитъ заѣхать въ Дюссельдорфъ и передать все это Жуковскому. Языковъ ничего не написалъ въ Римѣ, но состояніемъ его здоровья я доволенъ, а главное, что лучше всего, въ душѣ его, кажется, готовится переломъ и, вѣроятно, скоро другіе звуки издастъ его лира. Посылаю изъ старыхъ его стиховъ, которые, кажется, нигдѣ не были напечатаны, по крайней мѣрѣ онъ увѣряетъ, что никому не давалъ ихъ. Прощай! Обнимаю васъ всѣхъ. Твой Гоголь.

За симъ слѣдуютъ у г. Кулиша письма на стр. 12 — 24 тома VI. Въ нихъ онъ напоминаетъ друзьямъ о высылкѣ денегъ въ срокъ. Тоже повторяется въ слѣдующихъ, не напечатанныхъ письмахъ къ Шевыреву.

1-го сентября 1843 г.—Дюссельдорфъ.

Вышли, пожалуста, остальную тысячу за прошлый годъ, и если есть деньги, то впередъ за текущій сколько-нибудь, ибо 1-го октября срокъ. Адресуй: въ Дюссельдорфъ, на имя Жуковскаго. Я получилъ разныя критики изъ петербургскихъ журналовъ „М. Д.“, замѣчательнѣе всѣхъ въ „Современникѣ“; отзывъ Полеваго въ своемъ родѣ отчасти замѣчателенъ; Сенковскаго, къ сожалѣнію, не имѣю, и до сихъ поръ не

[1]) Зачеркнуто слово: «всѣ».

могъ достать, какъ ни старался. А вообще, я нахожу, что нѣтъ средины между благосклонностью и неблагосклонностью; Бѣлинскій смѣшонъ [1]). А всего лучше замѣчаніе о „Римѣ“; онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій. Я бы былъ виноватъ, если бы даже римскому князю внушилъ такой взглядъ, какой имѣю я на Парижъ, потому что и я хотя могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Я принадлежу къ живущей и современной націи, а онъ—къ отжившей. Идея романа вовсе не была дурна, она состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но все можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣніе производитъ строющійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность. Жажду я очень читать твои статьи; я уже двѣ посылки съ книгами получилъ изъ Москвы, а твоихъ статей нѣтъ. Къ Сергѣю Тимофѣевичу я писалъ, чтобы онъ прислалъ весь „Москвитянинъ“ за текущій годъ; заглавіе статей меня очень завлекло, онѣ всѣ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ мнѣ хочется знать; присоедини туда свою статью о воспитаніи.. Не позабывай, пожалуста, Языкова и бывай у него, ввечеру вѣрно у тебя найдется нѣсколько минутъ свободныхъ. Затѣмъ, обнимаю тебя. Прощай. Твой Гоголь.

Передай письмо Языкову.

6-го октября.—Дюссельдорфъ.

Вексель на 1,000 рублей я получилъ вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ твоимъ о завладѣніи моимъ добромъ и предстоящей тяжбѣ. Конечно, все это не хорошо, но обвинять кого-либо безплодно и поздно. Разумѣется, первоначальная причина всему—я. Совѣтъ мой поступить вотъ какъ: 1) прежде всего поблагодарить Бога, потому что это, точно, непріятность, особливо, если я приму въ соображеніе то, что не скоро буду въ возможности напечатать что-либо новое. Отъ непріятностей, наносимыхъ вещественными утратами, всегда становится легче и свѣтлѣй душѣ. А за пріобрѣтеніе душевнаго облегченія и свѣтлости можно заплатить—это должно быть тебѣ извѣстно. Книги мы покупаемъ и не жалѣемъ за нихъ денегъ, потому что ихъ требуетъ душа и они идутъ ей во внутреннюю пользу, которой не можетъ видѣть никто изъ постороннихъ; потомъ 2) пришли мнѣ самый короткій отчетъ въ томъ, кому розданы и заплачены, и въ какомъ именно количествѣ,

[1]) Т. е. смѣшонъ тотъ, кто первый въ истинномъ свѣтѣ выяснилъ нашему обществу литературное значеніе Гоголя! О. М.

деньги, вырученныя за „Мертвыя Души“, также, сколько получено экземпляровъ отъ Прокоповича. Отъ Прокоповича я потребую рѣшительное объясненіе во всемъ ходѣ этихъ его дѣлъ, которыхъ я до сихъ поръ не разберу; я дожидаю только отъ него отвѣта на запросъ мой, зачѣмъ не выслана тебѣ тысяча экземпляровъ. Увѣдомленіемъ объ этомъ не замедли, потому что мнѣ нужно теперь видѣть ясно положеніе дѣлъ моихъ. 3) Приступи ко второму изданію „М. Д.“, поправокъ не нужно, кромѣ развѣ въ языкѣ и слогѣ, что ты можешь сдѣлать лучше моего. Если же я теперь къ чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на мѣстѣ и займетъ это не мало времени. Поправки могутъ быть произведены только тогда, когда я буду умнѣй. 4) Сдѣлай примѣрную смѣту, снесясь съ надобностями книгопродавцевъ: сколько я могу получить въ годъ доходу отъ втораго изданія, чтобы я могъ съ своей стороны подумать о томъ, какъ достать недостающія мнѣ деньги. 5) Для первой высылки деньги нужно будетъ взять у Языкова, который взялъ съ меня слово обратиться при первой надобности къ нему; но этимъ еще повремени до слѣдующаго письма. Съ своей стороны, я употреблю все, чтобы ограничиться и съежиться болѣе; къ Плетневу я написалъ письмо, прося о приложеніи прилежнаго участія къ моему дѣлу. И такъ, покамѣсть я вотъ что могу посовѣтовать на первый случай, а вмѣстѣ съ тѣмъ могу также дать тебѣ совѣтъ на счетъ тебя самого. Твое письмо безпокойно, ты принимаешь слишкомъ къ сердцу это дѣло. Во-первыхъ, это денежная утрата. А когда утрачивается эта мерзость, всегда нужно прежде всего втайнѣ обрадоваться тому, а потомъ, разумѣется, подумать о томъ, какъ пріобрѣсти ее, потому что безъ этой дряни нельзя жить, благодаря насъ самихъ, которые выдумали ее съ помощію чорта. Обрадуясь, станешь въ тотъ же часъ покойнѣе, а въ покойномъ состояніи скорѣе придумаешь, какъ пособить дѣлу. Ты говоришь, что тебѣ тягостно доводить до свѣдѣнія моего эти извѣстія о житейскихъ моихъ дѣлахъ. Но когда я просилъ васъ о принятіи на себя всѣхъ такихъ дѣлъ, я не потому просилъ, чтобы боялся хлопотъ, съ ними сопряженныхъ, но потому просилъ, что съ этими дѣлами непостижимой какой-то властью связались душевныя многія дѣла и трогали такія чувствительныя струны, отъ которыхъ потрясался весь составъ. Вотъ почему были и ненавистны они мнѣ и, прося васъ ихъ принять на себя, я думалъ, что, оторвавши отъ себя самый предметъ, я оторву отъ себя и всѣ щекотливыя соприкосновенія съ этимъ мерзкимъ предметомъ. Но я обманулся, несмотря на то, что душа моя нѣсколько отдохнула отъ вашего участія; они гнались за мною слѣдомъ, эти дѣла, и не давали мнѣ покоя. Прося взять мои семейственныя дѣла, я позабылъ о томъ, что это лежитъ

на мнѣ и что, кромѣ меня, никто не могъ подать имъ [1]) той душевной помощи, которая имъ нужнѣе была всякой другой. И потому не получилъ успокоенія; мысли о нихъ меня преслѣдовали, и въ тоже время я чувствовалъ свое безсиліе. Полгода писалъ и обдумывалъ я письмо къ моей матери и сестрамъ. Трудно мнѣ сочиненіе этого письма, трудно помышлять объ устроеніи души другаго, когда собственная душа неустроена. Трудно написать такое письмо, которое бы требовало безстрастія и совершенной власти надъ сам(им)ъ собою. Но только съ этимъ письмомъ мнѣ показалось, что облегчилась нѣсколько отъ дѣлъ душа. Даже то несвязное и неудовлетворительное письмо, которымъ я просилъ васъ или, лучше, молилъ о принятіи дѣлъ моихъ, гдѣ всего не болѣе какъ двѣ-три душевныя причины могъ привесть, и это письмо даже мнѣ стоило времени и обдумыванія. Много мнѣ нужно было воздержанія для того, чтобы не сказать какого-нибудь такого слова, которое бы потребовало вновь объясненія на нѣсколько (sic) страницахъ, или навело бы новыя недоразумѣнія на мой счетъ. Какъ трудно говорить тогда, когда слышишь внутренно, что не готовъ еще для того, чтобы говорить. А между тѣмъ еще два-три объясненія лежатъ на мнѣ, хотя другаго рода, но они не даютъ мнѣ покоя. Вотъ отъ какихъ дѣлъ хотѣлъ я убѣжать. И такъ, не думай, мой добрый другъ, или, лучше, другъ души моей, чтобы ты могъ смутить меня извѣстіемъ о какихъ-либо утратахъ и потеряхъ вещественныхъ: о нихъ я могу совершенно говорить также равнодушно, какъ говоритъ обыкновенно человѣкъ о дѣлахъ посторонняго ему человѣка. И такъ, говори обо всемъ, но если доброй душѣ твоей захочется смягчить чѣмъ-нибудь непріятность, то сдѣлай такъ, чтобъ письмо твое было подлиннѣе, и если не хватитъ о чемъ писать, вырви страницу изъ какой-нибудь новой статьи своей и вложи ее въ письмо. Твои статьи, о чемъ бы ты ни писалъ теперь, мнѣ дороги, потому что онѣ проникнуты тѣмъ, чѣмъ бы я хотѣлъ, чтобы у насъ все было проникнуто въ Россіи. Потребность чтенія теперь слишкомъ сильна въ душѣ моей. Это всегда случается со мною во время антрактовъ; когда я пишу, тогда уже ничего не читаю и не могу читать, и потому этимъ временемъ я стараюсь воспользоваться и захватить побольше всего, что нужно. Иногда мнѣ бываетъ такъ нужна какая-нибудь книга, которую именно требуетъ душа, и которая, къ сожалѣнію, часто русская, что если бы какой-нибудь плутъ узналъ мою нужду и представилъ ее въ туже минуту, онъ бы могъ взять у меня въ обмѣнъ половину экземпляровъ моихъ сочиненій, а, можетъ быть, и самого Жернакова [2])

[1]) Т. е., вѣроятно, роднымъ Гоголя—матери и сестрамъ.
[2]) Книгопродавецъ.

въ придачу. Обнимаю тебя, благодарю за все и особенно за письма. Прощай. Жуковскій тебѣ кланяется.

Въ изданіи г. Кулиша помѣщенъ рядъ писемъ, относящихся къ послѣднимъ тремъ мѣсяцамъ 1843 г. и первымъ двумъ 1844 г. (VI, 24—54). По нимъ можно слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ у Гоголя того мистическаго пошиба, котораго самъ онъ однако же не хотѣлъ признавать въ себѣ: «моя природа совсѣмъ не мистическая» писалъ онъ попозже (16-го мая 1844 г.) С. Т. Аксакову [1]). Въ письмѣ къ матери отъ 1-го октября 1843 г., онъ упоминаетъ о какомъ-то прежнемъ письмѣ, вызвавшемъ цѣлый рядъ оправданій со стороны его родныхъ [2]). Гоголь увѣряетъ, что они его невѣрно поняли, проситъ ихъ на время позабыть объ этомъ письмѣ. «Но за то дайте мнѣ всѣ слово,—продолжаетъ онъ— во все продолженіе первой недѣли великаго поста (мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы говѣли на первой недѣли) читать мое письмо, перечитывая всякой день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить» (27). Въ письмѣ къ Плетневу отъ 6-го октября видны опять заботы объ экономическихъ дѣлахъ: «денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за «М. Д.» пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ вид по тупо» (28—29). «Что можно сдѣлать—сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе... Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому [3])» (29). Въ

---

[1]) Кулишъ, VI, 73.

[2]) Это, вѣроятно, то, стоившее Гоголю полугодовыхъ обдумываній, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 6-го октября. Не говорилось-ли въ этомъ письмѣ о необходимости сокращенія расходовъ матери и сестеръ Гоголя и не это-ли и вызвало съ ихъ стороны оправданія?

[3]) У г. Кулиша тутъ опять пропуски, но ясно, что дѣло идетъ о вспомоществованіи отъ высочайшихъ особъ, которымъ Гоголь уже неоднократно пользовался черезъ Жуковскаго. Рядъ писемъ къ нему Гоголя, помѣщенныхъ въ «Р. Арх.» 1871 г. (тетр. 4-я и 5-я) представляетъ различныя варьяціи на эту тему. Такъ еще въ 1836 г., говоря: «клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ» и презрительно спрашивая затѣмъ: «что такое все написанное мною до сихъ поръ?», Гоголь заключаетъ благодарностью за хлопоты Жуковскаго доставить ему отъ императрицы на дорогу, т. е. на дорогу въ Римъ, про который онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ къ Жуковскому говоритъ: «я родился въ немъ» (т. е. родился духомъ—до своего рожденья на землѣ, какъ онъ это выяснилъ въ письмѣ къ г-жѣ Б—ной). Въ этомъ же самомъ письмѣ (30-го окт. 1837 г.) онъ извѣщаетъ Жуковскаго: «я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ государемъ вспоможеніе» (5,000 руб.). Но уже 6-го апрѣля 1839 г. онъ опять жалуется: «поди я въ актеры, я былъ бы обезпеченъ... но я писатель, и потому долженъ умереть съ голоду... Я думалъ, думалъ, и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю». «Если бы мнѣ,—продолжаетъ Гоголь—такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся

письмѣ къ Языкову отъ 4-го ноября Гоголь пишетъ по поводу неослабѣвавшихъ недуговъ Языкова: «на болѣзнь нужно смотрѣть, какъ на сраженіе; сражаться съ нею, мнѣ кажется, слѣдуетъ такимъ же образомъ, какъ святые отшельники говорятъ о сраженіи съ дьяволомъ... Какъ бы то ни было, вѣдь были такіе же люди, которые страдали отъ жестокихъ болѣзней, но потомъ дошли до такого состоянія, что уже чувствовали въ то время радость, непостижимую ни для кого. Конечно, эти люди были святые; но вѣдь они не вдругъ же сдѣлались святыми: въ началѣ они были грѣшнѣе насъ» (34—35). Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 2-го декабря Гоголь упоминаетъ о продолженіи «М. Д.». «Я продолжаю работать, т. е. набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе «Мертвыхъ Душъ». Трудъ и терпѣніе, и даже приневоливаніе себя награждаютъ меня много. Такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа, и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного въ наукѣ созданія, становишься въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія...» (38). Въ дальнѣйшихъ письмахъ уже не говорится о «М. Д.», а въ письмѣ къ Шевыреву отъ 2-го февраля 1844 г., дается друзьямъ совѣтъ купить, въ видѣ подарка отъ Гоголя, во французской книжной лавкѣ «Подражаніе Христу» и прочитывать каждый день по главѣ или даже полу-главѣ, предаваясь затѣмъ размышленіямъ о прочитанномъ (47). Въ письмѣ этомъ послѣ словъ: «Богъ вѣрно направитъ его (т. е. этотъ подарокъ) вамъ въ пользу» въ изданіи г. Кулиша большой пропускъ (стр. 44), который теперь пополняется на основаніи подлинника:

Вы оба поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину. Меня безпокоитъ его нынѣшнее волненіе и душевное безпокойство. Оно, видимо, происходитъ отъ множества заботъ, среди которыхъ онъ никакъ не умѣетъ себя умѣрить. Нѣтъ-ли средствъ затащить въ литературную дѣятельность Хомякова и заставить его дѣйствовать хотя полемически въ „Москвитянинѣ"? Удивительно, что „Москвитянинъ" не вывелъ ни одного новаго таланта на поприще, не возбудилъ никого изъ лѣнивыхъ къ дѣятельности и опирается только на тѣхъ, которые бы дѣйствовали и безъ него. Въ Погодинѣ есть что-то

здѣсь при нашей церкви... («Неужели меня не могутъ приклеить или записать въ какую-нибудь должность?» говоритъ онъ въ другомъ письмѣ). Найдите случай... указать государю на мои повѣсти: «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Тарасъ Бульба». Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ.. Если-бъ ихъ прочелъ государь!..» Осенью того же 1839 г., собираясь въ Петербургъ, по случаю выпуска своихъ сестеръ изъ института, Гоголь пишетъ Жуковскому: «Можетъ быть, какимъ-нибудь образомъ, государыня, на счетъ которой онѣ воспитывались, что-нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей». При этомъ онъ увѣряетъ, будто бы на экипировку сестеръ, на уплату за уроки музыки во все время ихъ пребыванія въ институтѣ и пр. и пр., нужно около 5,000 руб.! Надо думать, что постоянное попрошайничество Гоголя должно было, наконецъ, утомить дающую руку; во всякомъ случаѣ оно не могло утвердить въ высшихъ сферахъ выгоднаго мнѣнія о русскихъ писателяхъ. О. М.

такое, что наводитъ уныніе на молодежь[1]). Онъ никакъ не умѣетъ бодрить и куражить, а это необходимо для молодости. Поощреніе слишкомъ важная вещь для русскаго человѣка. Можно и распекать, и бранить, и при всемъ томъ тебя будутъ молодые люди любить, если брань и распеканье основаны сколько-нибудь на познаніи ихъ природы; но требовать, чтобы всякій человѣкъ былъ именно Погодинъ, а не другой кто—съ этимъ ровно ничего нельзя сдѣлать, и всѣ даже прекрасныя правила и благія намѣренія будутъ брошены на вѣтеръ. Онъ не вѣдаетъ также различнаго значенія сотрудниковъ, т. е., что одинъ созданъ для ежедневной работы, другой для того, чтобы въ мѣсяцъ или два дать одну статью, третій—и того рѣже. Онъ безъ всякаго состраданія готовъ засадить за малую работу того, кто созданъ для работы покрупнѣе, и въ случаѣ отказа будетъ попрекать его эгоизмомъ, говорить, что его пріятели не чувствуютъ, какъ онъ выбивается изъ силъ и ни одинъ не хочетъ помочь ему. Словомъ, онъ отыщетъ случай создавать самъ себѣ огорченія. А между тѣмъ нужно при всемъ томъ сколько-нибудь подтолкнуть Москву на помощь „Москвитянину". Она рѣшительно ничуть не шевелится книжно-литературнымъ образомъ. „Москвитянина" приличнѣе бы слѣдовало назвать провинціаломъ, потому что большею частію изъ провинцій, извнутри Россіи, присылаются статьи.

Затѣмъ должно быть помѣщено слѣдующее письмо къ Шевыреву.

12-го марта 1844 г.—Ницца.

Письмо и деньги получены въ исправности. Благодарю тебя за то и за другое. Все, что ни пишешь ты въ письмѣ, очень умно, и я не согласенъ съ тобою въ томъ, что о подобномъ предметѣ слѣдовало бы написать большое и обдуманное письмо. Обдуманныя письма долженъ я писать къ вамъ, потому что еще строюсь и создаюсь въ характерѣ, а вы уже создались. Вамъ въ двухъ, трехъ строкахъ, самыхъ небрежныхъ, можно писать ко мнѣ. Ты пишешь, что желалъ бы искренности болѣе между всѣми нами, но что искренность эта должна быть растворена боже-

[1]) Рѣшаясь напечатать этотъ, выпущенный г. Кулишемъ, отзывъ Гоголя о М. П. Погодинѣ, считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее. Несмотря на то, что Гоголь пользовался дружескими услугами г. Погодина и даже включилъ его въ число тѣхъ трехъ лицъ, которыхъ надѣлилъ на три года веденіемъ своихъ дѣлъ, въ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину проглядываетъ что-то не совсѣмъ дружелюбное. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что М. П. Погодинъ, какъ можно видѣть по письмамъ Гоголя, нерѣдко высказывалъ послѣднему горькія истины и, между прочимъ, упрекалъ его въ томъ, что онъ слишкомъ мало заботится о своей матери. Послѣдняго рода упреки всегда особенно задѣвали Гоголя за живое. О. М.

ственной любовью, безъ которой нельзя и достигнуть ее. Это такая истина, которую вѣрно чувствуетъ каждый изъ насъ въ глубинѣ души своей. И потому обращаю я это письмо ко всѣмъ вамъ троимъ[1]). Съ этихъ поръ соединимся между собой тѣснѣй, чѣмъ когда-либо прежде: уже самое несходство нашихъ характеровъ и свойствъ, самое то, что мы съ разныхъ сторонъ видимъ иногда однѣ и тѣже вещи, говоритъ, какъ можетъ (быть) полезно такое соединеніе и какъ мы можемъ пополнить другъ друга. И такъ, прежде всего возлюбимъ такъ другъ друга, чтобы не раздражаться никакимъ словомъ, какъ бы жестко ни было слово, считать его порожденнымъ силой одной любви, хотя бы и чувства наши, и разумъ говорили тому противное. Начать вы должны съ меня; между собою вамъ это невозможно сдѣлать вдругъ, характеры ваши получили уже постоянное и твердое выраженіе; вы должны быть снисходительны другъ къ другу и щадить щекотливыя струны другъ друга взаимно. Но между вами и мной другое дѣло; я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку и нападаю на самыя щекотливыя мѣста, какія только во мнѣ есть. Между нами должны быть простыя и жесткія слова, душа моя этого требуетъ. Словомъ, превратитесь въ отношеніи ко мнѣ всѣ въ Погодина и рубите прямо съ плеча, не разбирая правъ-ли я или виноватъ. Погодинъ оказалъ мнѣ великое благодѣяніе, и я теперь въ лицѣ насъ всѣхъ приношу ему душевную благодарность. Думая напасть во мнѣ на одно, онъ нечаянно напалъ на другое. Невинно, и не зная самъ того, онъ напалъ на цѣлое сцѣпленіе такихъ чувствительныхъ струнъ, отъ которыхъ цѣлые полтора года болѣла душа моя, но за то я окрѣпъ во многомъ томъ, въ чемъ иногда не бываютъ крѣпки многіе люди[2]). И такъ, пусть и мысль теперь не приходитъ о томъ, чтобы употреблять со мною какую-либо осторожность въ словахъ и выраженіяхъ. Прежде всего, исполните то, что я попрошу у васъ: ведите обо мнѣ коротенькую записку;—при всякомъ случаѣ, когда случится вспомнить обо мнѣ, отмѣтьте тутъ же, въ короткихъ словахъ, всякую пробѣжавшую мысль. Почти такимъ образомъ, въ видѣ дневника: день, мѣсяцъ и число. „Сегодня ты мнѣ представился вотъ въ какомъ видѣ"; —день, мѣсяцъ и число. „Сегодня я на тебя сердился вотъ за что";—день, мѣсяцъ и число. „Въ твоемъ характерѣ или поступкѣ вотъ что казалось мнѣ неизъяснимо";—день, мѣсяцъ и число. „О тебѣ пронесли здѣсь вотъ

---

[1]) Т. е., вѣроятно, опять, кромѣ Шевырева, къ С. Т. Аксакову и М. П. Погодину.

[2]) Чувство благодарности за это къ Погодину, однако же, не помѣшало Гоголю отзываться о немъ и впослѣдствіи не совсѣмъ дружелюбно (см. далѣе).

какіе слухи, я имъ не повѣрилъ, но нѣкоторое сомнѣніе закралось мнѣ въ душу";—день, мѣсяцъ и число. „У меня еще до сихъ поръ таится противу тебя въ душѣ неудовольствіе на то и на то" и проч.[1]) Когда наберется хоть полъ листа почтовой бумаги, отправьте мнѣ въ письмѣ вашемъ. Если вы мнѣ это сдѣлаете, то вы мнѣ окажете услугу, бо́льшую всѣхъ прежнихъ услугъ вашихъ; помогите мнѣ теперь, а я, какъ состроюсь и сдѣлаюсь умнѣй, помогу вамъ. Кромѣ того, вы этимъ заставите меня невольно быть откровеннѣй съ вами. Иногда я не говорю просто отъ того, что не знаю съ какого конца начать. Въ самомъ дѣлѣ, вы разсмотрите хорошенько мое положеніе: человѣку, который такъ долго велъ заключенную въ себѣ жизнь, очень естественно утратить способность и даже потребность сообщать себя другому. Конечно, можетъ, меня утѣшаетъ мысль, что и заключился въ себѣ я отъ того, чтобы лучше потомъ и яснѣй сообщить себя, и скрытнымъ сдѣлался для того, чтобы привести себя въ состояніе быть откровеннѣе и изъясниться понятнѣе; но тѣмъ не менѣе, многаго я не говорю вовсе не потому, чтобы не хотѣлъ сказать, но потому именно, что не знаю, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, начало, съ котораго я долженъ начать. Напримѣръ, въ самыхъ письмахъ вашихъ была иногда какая-то осторожность и загадочность; я догадывался изъ нихъ, что есть какіе-то слухи обо мнѣ, но какіе именно и въ чемъ именно—этого мнѣ никто не сказалъ. Такъ что я, какъ ни напрягалъ вниманіе, но въ иное никакъ не могъ проникнуть и потому отвѣчалъ вамъ иногда, можетъ быть, вовсе не впопадъ и не на такіе пункты, на которые слѣдовало. И потому рубите отнынѣ все на прямикъ и сообщайте обо мнѣ, какъ свои мысли, такъ и чужіе слухи, какъ бы ни унизительны для меня они были, простыми и жесткими словами; это будетъ полезно и для васъ: увидя, что я не сержусь и принимаю все, вы не будете сердиться и между собой ни за какое слово, несогласное съ вашимъ мнѣніемъ, оскорбительное или просто несправедливое. А, можетъ быть, зададите вопросъ: нельзя-ли и изъ самаго несправедливаго извлечь для себя справедливое? Затѣмъ, цѣлую васъ всѣхъ и говорю вамъ: Христосъ воскресе! потому что письмо, по расчету моему, придетъ къ вамъ, если не въ самый день праздника, то, вѣроятно, скоро послѣ того. Да воцарится съ этимъ словомъ и

---

[1]) Изъ всего этого видно, что не одинъ Погодинъ, но и два другихъ друга были далеки отъ того, что бы постоянно гладить по шерсткѣ. Странная просьба Гоголя, конечно, была вызвана тѣмъ, что пришлось ему замѣтить въ ихъ письмахъ. Жаль, что эти послѣднія держатся до сихъ поръ подъ спудомъ. Пора бы дать ихъ обществу и выяснить ими многое окончательно. О. М.

прямая Христова любовь между нами! Какъ ни различны мы характерами, свойствами и занятіями своими, но дорога или, лучше сказать, цѣль дороги у всѣхъ одна и та же. Чѣмъ ревностнѣе устремится всякой изъ насъ по пути своему, тѣмъ болѣе мы будемъ потомъ сближаться между собою. Идите къ собственной душѣ своей и душа вамъ разскажетъ все. Чѣмъ болѣе углубитесь вы въ свою душу, тѣмъ болѣе будете узнавать душу другаго, такъ что потомъ даже и словъ не потребуете, а прямо будете читать, какъ въ открытой книгѣ, все, что ни есть на душѣ. И какъ бы ни былъ скрытенъ человѣкъ, но ничего не въ силахъ будетъ тогда утаить предъ вами. Но къ чему говорить. Вы сами это знаете и, можетъ быть, лучше меня. Обнимаю васъ всѣхъ отъ всей души и крѣпко, и прошу передать потомъ объятіе это всѣмъ роднымъ вашимъ и всѣмъ близкимъ намъ людямъ и знакомымъ. Я ѣду говѣть и встрѣтить пасху въ Штутгардтъ, оттуда во Франкфуртъ къ Жуковскому, который отнынѣ переселяется туда на житье. Адресуйте во Франкфуртъ. Вашъ Н. Гоголь.

За письмомъ этимъ слѣдуютъ помѣщенныя у г. Кулиша, т. VI, стр. 54—127. Между ними выдается прежде всего письмо къ С. Т. Аксакову отъ 16-го мая 1844 г., поражающее сочетаніемъ мистицизма съ юморомъ. «Въ письмѣ вашемъ слышно—пишетъ Гоголь—что вы боитесь, чтобы я не сѣлъ на васъ верхомъ... все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно—чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья... Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ — точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится... А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана, а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что... Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ — невѣрующій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало просто, не глядя на него, выполнить буквально предписаніе» (это, замѣчаетъ г. Кулишъ, относится къ книгѣ, которую Гоголь подарилъ своему другу и совѣтовалъ читать — «Подражаніе Христу»). Далѣе Гоголь касается какого-то слуха, распущеннаго о немъ въ Москвѣ... Онъ находитъ, что съ С. Т Аксаковымъ объ этомъ тратить словъ не слѣдуетъ. «Вы—человѣкъ-небаба—говоритъ Гоголь.—Человѣкъ-небаба вѣритъ болѣе самому человѣку, чѣмъ слуху о человѣкѣ; а человѣкъ-баба вѣритъ болѣе слуху о человѣкѣ, чѣмъ самому человѣку» (стр. 71—74). Въ письмѣ къ матери, писанномъ въ іюнѣ 1844 г., Гоголю пришлось, повидимому, обратиться къ ней, какъ къ человѣку-бабѣ (хотя онъ тутъ и не употребляетъ этого выраженія). «Если бы вы твердо пребывали въ Богѣ—проповѣднически начинаетъ онъ—васъ бы слухи не смутили... вы не пошли бы доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку.... Знаю, что про меня есть всякіе слухи и что они противоположны даже сами себѣ... Изъ чего вы также заключили (продолжаетъ Гоголь, переходя къ другому, также, впрочемъ, больному мѣсту), что я непремѣнно черезъ годъ долженъ вновь напечатать какое-нибудь сочиненіе? Во-пер-

выхъ, я не почтовая лошадь. Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ разговаривать съ кѣмъ бы то ни было... Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка, чѣмъ литератора» (стр. 85 — 86). Письмо отъ 24-го октября къ N. F. (А. О. Смирновой) также касается какихъ-то обвиненій, взводимыхъ на Гоголя. «Вы говорите—пишетъ онъ—«спуститесь въ глубину души вашей и спросите, точно-ли вы русскій или хохликъ?» Но скажите: развѣ я святой? Развѣ я могу увидѣть всѣ свои мерзости... Меня подозрѣваютъ въ двуличности или какой-то маккіавелевской штукѣ... Всѣ точно боятся меня: никто не имѣетъ духу сказать мнѣ, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость...» (стр. 101). Напечатанное далѣе у г. Кулиша письмо къ С. П. Шевыреву отъ 14-го декабря 1844 г. (стр. 118—127) доставлено теперь также въ подлинникѣ въ «Русскую Старину»; по сличеніи подлинника съ печатнымъ выходитъ, что подъ буквами П. и L. L. надо подразумѣвать М. П. Погодина, подъ P. Q.—Плетнева, Q. P.—Прокоповича. Далѣе въ печатномъ, послѣ словъ о портретѣ Гоголя, подаренномъ М. П. Погодину назадъ тому нѣсколько лѣтъ, есть пропускъ, который теперь можетъ быть пополненъ слѣдующими словами:

„Я отдалъ этотъ портретъ Погодину, какъ другу, по усиленной его просьбѣ, думая, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, ему дорогъ, какъ другу, и никакъ не подозрѣвая, чтобы онъ опубликовалъ меня".

Изъ прежде напечатаннаго видно, что Гоголь не желалъ объяснять, что именно дѣлало для него непріятнымъ опубликованіе его портрета: «одни, сознается онъ, могутъ отнести (это) къ излишнему смиренію[1]), другіе—къ капризу, третьи—къ тому, что у чудака все безотчетно и во всякомъ дѣйствіи долженъ быть видѣнъ оригиналъ». Однако же, онъ не объясняетъ причины... Далѣе Гоголь въ томъ же письмѣ обращается, какъ онъ говоритъ, къ своимъ «прозаическимъ дѣламъ», въ которыхъ вышла у него «путаница» и вышла, какъ онъ сознается, по его винѣ. «Виноватый, говоритъ онъ, долженъ быть наказанъ, и лучше наказать самому себя, чѣмъ ожидать наказанья Божьяго. Я наказываю себя лишеніемъ денегъ, слѣдуемыхъ мнѣ за выручку собранія моихъ сочиненій. Всякой рубль и копѣйка этихъ денегъ куплены неудовольствіемъ, огорченіями и оскорбленіемъ многихъ; онѣ бы тяготѣли на душѣ моей, а потому должны быть употреблены на святое дѣло. Всѣ деньги, вырученныя за нихъ, отнынѣ принадлежатъ бѣднымъ, но достойнымъ студентамъ; достаться они должны имъ не даромъ, но за трудъ. Полное назначеніе и распоряженіе труда принадлежитъ тебѣ... Какъ бы ни показалось вамъ многое здѣсь страннымъ, вы должны помнить только, что воля друга должна быть священна, и на это мое требованіе, которое съ тѣмъ вмѣстѣ есть и моленіе, и желаніе, вы должны отвѣтить только однимъ словомъ «да». Тоже самое сдѣлано и въ Петербургѣ[2]). Тамъ почти всѣ экземпляры распроданы и деньги собраны; но я изъ нихъ не беру ничего, и онѣ всѣ обращаются на такое же дѣло, съ такимъ же условіемъ, и ввѣряются также двумъ: P. Q. и Q. P.» (т. е. Плетневу и Прокоповичу). Г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» (II, 23) говоритъ, что Гоголь писалъ объ этомъ пожертвованіи «одному изъ петербургскихъ друзей своихъ», но что «это письмо, покамѣсть, еще не отыскано». Оно оказывается находя-

[1]) Т. е. къ «смиренію—паче гордости».
[2]) Разрядка въ этомъ мѣстѣ принадлежитъ мнѣ. О. М.

щимся въ числѣ писемъ, сообщенныхъ «Рус. Стар.» Б. С. Шевыревымъ. Письмо это, очевидно, къ П. А. Плетневу [1]), который, вѣроятно, переслалъ его С. П. Шевыреву, вслѣдствіе чего оно и отыскалось въ бумагахъ послѣдняго. Вотъ оно:

Письмо твое я получилъ. Благодарю тебя за искренность, упреки и мнѣнія обо мнѣ; оправдываться не буду, это я уже сказалъ впередъ, да и невозможно [2]). Во-первыхъ потому, что если бы я и оправдался въ одномъ, то съ другихъ сторонъ вижу столько въ себѣ дряни и во многомъ другомъ, что мнѣ становится стыдно уже при одной мысли о томъ [3]). Во-вторыхъ потому, что для того слѣдовало бы подымать всю внутренно-душевную исторію, которую не впишешь и въ толстомъ томѣ, не только въ письмахъ. Въ третьихъ потому, что съ нѣкотораго времени погасло желаніе быть лучше въ глазахъ людей и даже въ глазахъ друга. Другъ также пристрастенъ, самое чувство дружбы уже умягчаетъ нашу душу и дѣлаетъ ее сострадательной; замѣтивъ нѣкоторыя хорошія качества въ своемъ другѣ и особенно расположеніе и любовь къ себѣ, мы невольно преклоняемся на его сторону. Богъ знаетъ, можетъ быть, ты, узнавши что-нибудь изъ внутренней моей исторіи, проникнулся бы состраданіемъ, и я не получилъ бы отъ тебя даже и этого письма, которое получилъ теперь. А мнѣ нужны такія письма, какъ твое. Но въ выраженіяхъ письма твоего послышался мнѣ скорбный голосъ, — голосъ какъ бы огорченнаго и обманутаго чувства [4]), и потому, чтобы сколько-нибудь утѣшить, я сдѣлаю только одни общія замѣчанія на нѣкоторые пункты твоего письма.

Другъ мой, сердце человѣческое есть бездна неисповѣдимая, здѣсь мы ошибаемся поминутно [5]). Еще мнѣ можно менѣе ошибиться въ заключеніяхъ о тебѣ, чѣмъ тебѣ о мнѣ. Душа твоя больше открыта, характеръ твой получилъ уже давно оконченную форму и остался навсегда тѣмъ же. Развѣ одинъ дрязгъ обычаевъ свѣта и пріобрѣтаемыя привычки могутъ нѣсколько закрыть и тебя, и твою душу, но это для людей близорукихъ, которые судятъ о человѣкѣ по нѣкоторымъ внѣшнимъ (чертамъ); въ глазахъ знатока души человѣческой ты одинъ и

---

1) Оно безъ даты и безъ адреса, такъ какъ пакета при немъ не имѣется.

2) Письмо это полно доказательствъ, что друзья Гоголя умѣли порицать его съ безусловною откровенностью. Въ немъ множество помарокъ и непоправленныхъ описокъ.

3) Прежде было и вычеркнуто: «такъ много дурнаго, что стыдъ взялъ бы и ты не можешь видѣть, что...»

4) Разрядка принадлежитъ мнѣ. **О. М.**

5) Вычеркнуто: «въ заключеніяхъ о природѣ другаго человѣка и еще болѣе тогда, когда думаешь, что его узнаешь».

тотъ. Онъ знаетъ, что на одинъ изъ душевныхъ воззваній встрепенется таже самая душа, которая кажется другимъ холодною и дремлющею. Но какъ судить о скрытномъ человѣкѣ, въ которомъ все внутри, котораго характеръ даже не образовался, но который въ душѣ своей еще воспитывается и котораго всякое движеніе производитъ только одно недоразумѣніе? Какъ заключить о такомъ человѣкѣ, основывая(сь) по какимъ-нибудь, ненарокомъ изъ него высунувшимся свойствамъ? Не будетъ-ли это значить тоже самое, что заключить о книгѣ по нѣсколькимъ выдернутымъ изъ нея фразамъ, и не по порядку, а изъ разныхъ мѣстъ ея? Конечно, и отдѣльно взятыя фразы могутъ подать нѣкоторую идею о книгѣ, но развѣ изъ нихъ узнаешь, что такое самая книга? Богъ знаетъ, иногда въ книгѣ[1]) они имѣютъ другой смыслъ, иногда даже противоположный прежнему.

Упреки твои въ славолюбіи могутъ быть справедливы, но не думаю, чтобъ оно было въ такой степени и чтобы я до того любилъ фиміамъ, какъ ты предполагаешь. Въ доказательство я могу привесть только то, (что и) въ то время, когда авторская слава меня шевелила гораздо болѣе чѣмъ теперь, я находился въ чаду только первые дни по выходѣ моей книги, но потомъ чрезъ нѣсколько времени я уже чувствовалъ почти отвращеніе къ моему собственному созданію и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей ихъ наготѣ. Я даже думаю, что ты составилъ обо мнѣ такое (мнѣніе) по незнанію души человѣческой, а на кое-какихъ моихъ наружныхъ поступкахъ[2]), непріятныхъ ухваткахъ и, наконецъ, неумѣстныхъ и напыщенныхъ мѣстахъ моихъ сочиненій, которыя вслѣдствіе безсилія изобразить (?) полноту своихъ мыслей, получили еще болѣе какое(-то) самоувѣренное выраженіе. Всѣ твои замѣчанія о моихъ литературныхъ достоинствахъ справедливы и отзываются знатокомъ, умѣющимъ вѣрно судить о литературныхъ — —[3]). Но увы! и въ нихъ я не встрѣтилъ ничего, чтобы было неизвѣстно мнѣ самому. И если бы я напечаталъ ту критику, которую я написалъ самъ на „Мертвыя души“ вскорѣ послѣ ихъ выхода, ты бы увидѣлъ, что я выразился еще строже и еще справедливѣе тебя. На каждый упрекъ твой я долженъ сдѣлать тебѣ тотъ же упрекъ, потому что онъ не достоинъ твоей же собственной — —[4]).

Другъ мой, не стыдно-ли тебѣ сказать мнѣ, что я промѣнялъ тебя на другаго. Скажу тебѣ на это одну чистую правду, хотя и знаю,

---

[1]) Прежде было и зачеркнуто: «помѣщенные въ самую книгу, они...»

[2]) Тутъ недостаетъ глагола основалъ, который былъ, но зачеркнутъ и замѣненъ другимъ—составилъ.

[3]) Не было никакой возможности разобрать.

[4]) Неразобрано.

что ее не примешь ты за правду; словамъ моимъ не вѣрятъ, какъ же мнѣ отважиться быть откровеннымъ, если бы я даже былъ и въ силахъ быть откровеннымъ. И такъ, знай же, вотъ тебѣ чистая правда, повѣришь-ли ты, или нѣтъ. Грѣхъ будетъ только тому, кто солгалъ. Не только я не промѣняю тебя на иного (?) другаго, но никакого человѣка не промѣняю на другаго человѣка. И кто разъ вошелъ въ мою душу, тотъ уже останется тамъ навсегда, какъ бы онъ ни поступилъ потомъ со мной, хотя бы оттолкнулъ меня вовсе. Изъ души моей я его не изгоню; слава Богу, связь эта становится, чѣмъ далѣе, сильнѣй и уже становится даже не въ моей власти изгнать его, хотя бы я и захотѣлъ того[1]). Но если слова мои эти не увѣрятъ тебя ни въ чемъ и ты сомнительно покачаешь головою, то для утѣшенія твоего приведу такое доказательство, въ которомъ ты и самъ можешь удостовѣриться. Въ Москвѣ всѣ, кромѣ, можетъ быть, одного Языкова (который потому только нѣсколько больше меня знаетъ, что столкнулся со мной въ горькія и трудныя минуты жизни, въ которыя, какъ извѣстно, узнается болѣе человѣкъ) всѣ такое обо мнѣ имѣютъ мнѣніе, какъ и ты, также упрекаютъ меня всѣ въ скрытности и недовѣрчивости, еще болѣе твоего увѣрены, что считаю ихъ ни во что и что тебя предпочитаю имъ. Въ оба раза (sic) я отталкивалъ отъ себя всѣхъ, избѣгалъ всякихъ изъясненій и боялся даже и вопросовъ о себѣ самомъ, чувствуя самъ, что я не въ силахъ ничего сказать. Всякая проба сказать что-нибудь была неудачна и я всякой разъ раскаявался даже въ томъ, что открывалъ ротъ, чувствуя, что моими не ясными и глупыми словами наводилъ только новое о себѣ не(до)разумѣніе. Другъ мой, когда человѣкъ отъ всѣхъ бѣжитъ, всѣхъ отъ себя отталкиваетъ, ищетъ уединенія и предаетъ себя добровольно на скитающуюся, или, какъ ты называешь, цыганскую жизнь, тогда нужно его на время оставить и не мѣшать ему. Урочное время пройдетъ, онъ самъ явится къ вамъ, когда же услышитъ въ себѣ человѣкъ внутренней позывъ, онъ тогда долженъ все оставить, оторваться [2]) отъ чего ему даже трудно и больно.

Ты былъ довольно проницателенъ, сказавши, что главная вина всѣхъ моихъ недостатковъ — мое невѣжество и невоспитаніе, ты это почувствовалъ; но ты былъ только несправедливъ, указывая мнѣ пути какъ избавиться отъ этого—дѣло, которое требуетъ слишкомъ большаго изученія природы того человѣка, которому дается инструкція. Ты

[1]) Напечатанное разрядкой было вычеркнуто, но я возстановляю эти слова, такъ какъ надписаннаго сверху нѣтъ никакой возможности разобрать. О. М.

[2]) Было и вычеркнуто—о т о в с е г о, сверху же приписано что-то неразборное.

вызываешь невѣжу на брань съ невѣжествомъ, требуешь, чтобы я теперь уже указывалъ другимъ путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывалъ на заблужденіе судей самозванцевъ, но, другъ мой, мнѣ можетъ всякой сказать: лекарю—вылечись прежде самъ. Я слишкомъ хорошо знаю, что я долженъ это выполнить. Въ тоже время знаю и то, (что) чистоты душевной и лучшаго устроенія себя и почти небесной красоты нравовъ[1]). Безъ того не защитишь ни самаго искусства, какъ и все святое (sic), которому оно служитъ подножіемъ. Цѣль, о которой говоришь ты, стоитъ неизмѣнно передъ мною. Она должна быть и у всѣхъ въ виду, но стремленія къ ней различны и дорога къ одному и тому же у всякаго[2]) своя. И если человѣкъ уже дошелъ до того, что можетъ видѣть самъ свои недостатки и пороки и видѣть свою природу, онъ одинъ только можетъ знать, какой дорогой ему возможнѣй идти. Для тѣхъ же самыхъ причинъ одному потребно непрерывное столкновеніе со свѣтомъ, другому потребна цыганская жизнь. И какъ сказать ему: ты дѣлаешь не такъ? Животное, когда заболѣетъ, ищетъ само себѣ траву и находитъ ее, и такое лекарство для него полезнѣе всѣхъ тѣхъ, какія предпишутъ ему самые умнѣйшіе врачи. Другъ, я правъ, что отдалился на время оттуда, гдѣ — — —[3]).

Ты видишь одно только безвременное (?) прикосновеніе мое къ свѣту — и какая произошла кутерьма; крутыя обстоятельства заставили меня прежде времени выдать нѣкоторыя сочиненія, на которыхъ я не имѣлъ времени даже взглянуть моими тогдашними глазами, не только теперешними, и въ какомъ яркомъ видѣ я показалъ всѣмъ и свое невѣжество и неряшество и своими же словами опозорилъ то, что хотѣлъ возвысить. Въ дѣлахъ моихъ прозаическихъ, въ отношеніяхъ дружественныхъ, связанныхъ со всѣмъ этимъ, произошли тоже цѣлыя облака недоразумѣній. Другъ, кто воспитываетъ еще себя, тому не слѣдуетъ и на время заглядывать въ свѣтъ... Дѣтей не пускаютъ въ гостиную, ихъ держатъ въ дѣтской. Покамѣсть я не выучусь прежде тому, безъ чего мнѣ и ступить нельзя въ свѣтѣ, и выносить даже все то, что не выносятъ другіе люди, безполезна будетъ и жизнь моя среди свѣта. Повѣрь, мнѣ не будетъ покоя; напротивъ, или меня оскорбятъ, или я кого-нибудь оскорблю; или ты не знаешь всѣхъ тѣхъ щекотливыхъ положеній, какія предстоятъ въ свѣтѣ писателямъ, сколько даже великихъ характеровъ оттого безвременно погибло. По

---

[1]) Надо прибавить: нужно. Слово это было, но зачеркнуто.

[2]) Вычеркнуто: «каждый идетъ своей дорогой».

[3]) Нельзя разобрать.

этой-то самой причинѣ я не могу теперь хорошо поступать и въ дружескихъ моихъ отношеніяхъ: я не въ силахъ еще быть другомъ, даже если бы и захотѣлъ. Чтобы быть кому-либо другомъ, нужно прежде сдѣлаться достойнымъ дружбы; а до того времени едва-ли не буду (болѣе) отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать къ себѣ. Смотри какъ вѣрно сказано въ „Imitation de Jésus Christ": Nous croyons quelquefois nous rendre agréables aux autres par une liaison que nous formons avec eux, et c'est alors que nous commençons à leur déplaire par le déréglement de moeurs qu'ils découvrent en nous.

Еще скажу слова два на счетъ недовѣрчивости моей къ людямъ. Меня всѣ обвиняютъ въ недовѣрчивости, но точно-ли это недовѣрчивость? Недовѣрчивость происходитъ отъ незнанія людей и сердца человѣческаго. Боится человѣкъ людей отъ того, что не знаетъ. Но неужъ-то во мнѣ замѣтны признаки совершеннаго незнанія людей и сердца? Но мои сочиненія, при всемъ несовершенствѣ, показываютъ, что въ авторѣ есть нѣкоторое познаніе природы человѣка, это не простая наглядность; ты самъ знаешь, что я во всей Россіи толкался немного съ людьми, и что всегда почти не вѣренъ въ томъ, гдѣ касался точныхъ описаній мѣстностей или нравовъ. Точно-ли (?) это недовѣрчивость? Ну что, если я такимъ же образомъ стану въ свою очередь упрекать другихъ въ недовѣрчивости: зачѣмъ нѣкоторыя качества, слова и поступки неясные и сомнительные отнесены были скорѣе въ худую, чѣмъ въ хорошую сторону; развѣ это довѣрчивость? Зачѣмъ, признавши меня за оригинала-чудака, требовали отъ меня такихъ же дѣйствій, какъ и отъ другихъ? Зачѣмъ, прежде чѣмъ вывесть о мнѣ заключеніе вообще по двумъ или тремъ поступкамъ, судящій не усумнился и не сказалъ въ себѣ такъ: я вижу въ этомъ человѣкѣ вотъ какіе признаки; въ другихъ эти признаки значатъ вотъ что; но этотъ человѣкъ не похожъ на другихъ, самая жизнь его другая, при томъ этотъ человѣкъ скрытенъ; Богъ вѣсть, иногда искусные врачи ошибались, основываясь на тѣхъ самыхъ признакахъ и принимали одну болѣзнь за другую. Зачѣмъ же, даже не предавшись сомнѣнію въ себѣ, заключили твердо быть такой-то низости, такому-то свойству и такому-то качеству. Конечно, я буду не правъ, если стану обвинять; дѣло было не совсѣмъ бы такъ, еслибъ я былъ правъ. Другъ, ну что еслибы предположить, чтобы (нашелся) одинъ такой страдалецъ, надъ которымъ обрушилась такая страшная (бѣда), что все, что ни сдѣлаетъ и ни скажетъ, принимается въ превратномъ значеніи, что всѣ, почти до одного, въ немъ усумнились и закружился предъ нимъ цѣлый вихорь недоразумѣній, и, положимъ, что онъ видитъ все, что происходитъ, и если бы вмѣсто меня попался другой съ душой, бо-

лѣе нѣжной, еще неокрѣпшей и неумѣющей переносить горя, и видѣлъ бы онъ все, что происходитъ въ сердцахъ друзей его и ближнихъ къ нему, и вся душа его изстрадала и изныла бы и чувствовала бы въ то время, что онъ не можетъ произнести и слова въ свое оправданіе, подобно находящемуся въ летаргіи [1]).

Еще скажу тебѣ въ заключеніе одно мнѣніе. Другъ, будемъ нѣсколько смиренны относительно заключеній о человѣкѣ, о какомъ бы то ни было характерѣ и о душѣ человѣка. Выскажемъ ему все, что ни есть въ немъ дурнаго, это будетъ ему нужно, но удержимся утвердить о немъ мнѣніе, пока не узнали излучинъ его души или пока не услышали его душевной исторіи. Мы всѣ вообще слишкомъ строги къ тому человѣку, въ которомъ намъ что-нибудь не понравилось, и, узнавши въ немъ два-три качества, не хотимъ и узнавать о(тъ) другихъ, что (?) теперь человѣку становится, чѣмъ далѣе, труднѣе среди своихъ собратій [2]).

Богъ знаетъ, что дѣлается въ глубинѣ человѣка; иногда положеніе можетъ быть такъ странно, что онъ похожъ на одержимаго летаргическимъ сномъ, который видитъ и слышитъ, что его всѣ, даже самые врачи, признали мертвымъ и готовятся его живаго зарывать въ землю; и, видя и услыша все это, не въ силахъ пошевельнуть ни однимъ составомъ своимъ [3]). Не оттого-ли такъ не знаемъ человѣка, что слишкомъ рано заключили, что будто его совершенно узнали. А потому и относительно меня самого ты вооружись терпѣніемъ. Брани меня, мнѣ будетъ пріятно всякое твое слово, даже если бы оно было гораздо пожестче тѣхъ, которыя въ письмѣ твоемъ. Но не предавайся напрасному раздумью и не досадуй на меня въ душѣ. Ты видишь, что многое здѣсь еще темно и неясно, предоставимъ же лучше времени, оно одно можетъ разрѣшить, уяснить. Если же тебѣ когда-нибудь сгрустнется обо мнѣ и будетъ казаться: я иду дорогой и заблудился и не той, которой мнѣ слѣдуетъ, то помолись лучше такъ въ душѣ своей: Боже, просвѣти его и научи тому, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначеніе, для котораго онъ созданъ, для котораго (тобою же) и далъ ты же орудія, способности и силы... Если-жъ онъ отшатнется [4]), то пожалѣй его бѣдную душу и снеси его до срока съ лица земли...

---

[1]) При всей неуклюжести фразы, какая художественность въ этомъ сравненіи!

[2]) Вся эта недодѣланная фраза слегка перечеркнута.

[3]) Надо думать, что Гоголь пріостановился, а потомъ, снова взявшись за письмо, позабылъ, что сравненіе съ летаргикомъ уже было употреблено имъ.

[4]) Вычеркнуто: «отъ своего назначенія, не будетъ внимать твоему (гласу), не дай ему заблудитися». О. М.

Повѣрь, что послѣ такой молитвы и тебѣ будетъ легче и мнѣ полезнѣе: молитва отъ глубины души ударяетъ прямо въ двери небесныя. Но довольно объ этомъ.

Поговоримъ теперь о прозаическомъ дѣлѣ по поводу моихъ сочиненій; я думалъ, что письмо твое разрѣшитъ мнѣ все, — не тутъ-то было, я остался въ тѣхъ же потемкахъ. Другъ мой, ты говоришь, что Прокоповичъ хочетъ, чтобы я въ особомъ дружескомъ письмѣ изъяснилъ ему, что мнѣ нужно знать отъ него. Но разсмотри ты самъ мое положеніе, я уже два письма писалъ къ нему, но ни одного отвѣта; я требовалъ отчета, что яснѣй этого! требовалъ цифръ, извѣстить меня, сколько экземпляровъ на лицо, сколько продано, сколько отправлено, сколько у меня есть денегъ, просилъ даже про послѣднихъ (sic) подробностей. Мнѣ это нужно было, безъ этого я былъ самъ связанъ и самъ не могъ поступить ясно и толково, а обстоятельства мои требовали внезапныхъ, быстрыхъ распоряженій. Неужели все это было принято за недовѣрчивость? Выведенный изъ терпѣнія молчаніемъ, я написалъ жесткое письмо, въ которомъ упрекнулъ въ безсострадательности къ положенію другаго; я ни чѣмъ не оправдываю своего поступка, я былъ виноватъ, но, другъ, человѣкъ слабъ, а обстоятельства бываютъ сильны, я былъ ими стиснутъ крѣпко. Съ одной стороны пишетъ мнѣ мать, что у ней хотятъ описать имѣніе, если она въ скорости не уплатитъ долговъ и процентовъ [1]); съ другой—я самъ не получаю денегъ, наконецъ, я боленъ и духомъ и тѣломъ. Въ письмѣ этомъ, какъ жестоко оно ни было, но въ немъ [2]),— —что я нахожусь въ сжатыхъ обстоятельствахъ. Прежде помоги, а потомъ выбрани. Если же я такъ сильно оскорбилъ, что даже мнѣ нельзя было и простить, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы все-таки написать мнѣ хотя такимъ (образомъ), ты меня такъ оскорбилъ, что я прерываю отнынѣ съ тобою всѣ сношенія. Дѣлами твоими не хочу заниматься, сдаю ихъ всѣ такому-то, относись къ такому-то. Словомъ, чтобы я зналъ, что предпринять. Какъ вмѣсто всего этого заплатить полуторагодовымъ молчаніемъ; я изъ журналовъ вижу, что въ Петербургѣ почти разошлись всѣ экземпляры. (Въ Москвѣ изъ тысячи не проданъ ни одинъ) [3]). А между тѣмъ въ это время терплю, нуждаюся и ничего не могу понять изъ этой странной исторіи. Другъ, ты го-

[1]) Вотъ одно изъ свидѣтельствъ самого Гоголя о томъ, что матеріальное положеніе его матери было очень незавидно, а потому друзья и имѣли полное основаніе требовать отъ него бо̀льшей заботливости о дѣлахъ матери.

[2]) Нельзя разобрать.

[3]) А въ зачеркнутомъ было: «я только слышу изъ постороннихъ источниковъ, что въ Москвѣ и Петербургѣ продаются экземпляры скоро и успѣшно». **О. М.**

воришь: Прокоповичъ больше правъ, чѣмъ я, я тому вѣрю, много обиженъ—это правда; я противъ этого и не спорю. Но ты говоришь: онъ меня любитъ. Другъ, любовь слишкомъ святая вещь, страшно и произносить это имя всуе. Всякой въ свѣтѣ разумѣетъ по своему любовь и всѣ мы далеки отъ ея истиннаго значенія; любовь умѣетъ переносить и оскорбленіе, любовь великодушна и собою же пристыжаетъ ее оскорбившаго. Согласись, по крайней мѣрѣ, что вслѣдствіе такихъ необъяснимыхъ для меня поступковъ, могъ бы и я также усумниться во многомъ. Но клянусь, я больше умѣю вѣрить душѣ человѣка, чѣмъ всѣмъ его поступкамъ, хотя меня всѣ упрекаютъ въ недовѣрчивости. Я слишкомъ хорошо знаю, что есть столько на свѣтѣ разныхъ постороннихъ вещей, слуховъ, сплетней и прочаго, которые всѣ до того опутываютъ непроницаемымъ туманомъ человѣка, что на разстояніи двухъ шаговъ не узнаютъ другъ друга, и что честный человѣкъ можетъ поступить такъ, что со стороны и даже не вдалекѣ стоящему человѣку покажется загадкой его дѣло. И такъ, вотъ тебѣ мое честное слово, что въ этомъ дѣлѣ недовѣріе я питалъ только къ одной аккуратности, а не къ чему-либо другому; по теперешнему твоему письму я еще болѣе увѣрился, что съ этимъ изъ теперешняго письма (sic) завязалось столько постороннихъ отношеній, что изъясненіямъ не будетъ (конца) до тѣхъ поръ, пока я не рѣшусь разомъ и вдругъ прекратить все это, и такимъ образомъ не развязать, а разрубить узелъ. Для этого есть одно средство, и потому превратимъ это дѣло разомъ изъ запутаннаго и глупаго въ благородное, умное и святое. Виноватъ во всемъ я, кромѣ всѣхъ прочихъ, виноватъ уже тѣмъ, что произвелъ всю эту путанницу, всѣхъ взбаломутилъ людей, которые безъ меня, можетъ быть, и не столкнулись бы между собой, поставилъ въ непріятныя отношенія. Виноватый долженъ быть наказанъ; я наказываю себя лишеніемъ всѣхъ денегъ, слѣдуемыхъ за экземпляры моихъ сочиненій. Лишенія этого хочетъ душа моя, потому что оно справедливо и законно, и безъ него мнѣ бы было тяжело. Всякой рубль и копѣйка этихъ (денегъ) купленъ неудовольствіями и оскорбленіями моихъ (друзей), и нѣтъ человѣка, котораго бы я не оскорбилъ; деньги эти тяжелѣли бы на моей совѣсти. И потому, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, отдаю [1]) въ пользу бѣдныхъ, но достойныхъ студентовъ; деньги эти должны имъ прійтись не даромъ, но за труды. Труды эти долженъ имъ задать ты, по собственному (выбору), что найдешь нужнымъ для всѣхъ насъ, перевести или сочинить (?). Будутъ-ли эти переводы полезны для

[1]) Вычеркнуто по ошибкѣ: «деньги».

всѣхъ, напечатать-ли отдѣльно или въ „Современникѣ", какъ и кому сколько дать, все это никто лучше тебя, никто другой не въ силахъ сдѣлать; а потому ты не можешь отказать даже и тогда, когда бы я просилъ тебя не во имя дружбы. Всѣ деньги до послѣдней копѣйки за экземпляры, проданные въ Петербургѣ, за вычетомъ, разумѣется, процентовъ [1]), должны поступать вмѣсто того, чтобъ ко мнѣ—къ тебѣ. Прокоповичъ поступитъ благородно, это я знаю, я въ немъ больше увѣренъ, и знаю, что душа его рождена быть прекрасной, и потому онъ приметъ это дѣло святое, отбросивъ и мысль о какихъ-нибудь личныхъ неудовольствіяхъ. Онъ будетъ аккуратнѣе во всемъ: отдастъ до послѣдней копѣйки, и всѣ деньги отдастъ тебѣ. Прокоповичъ (по)ревностно исполнитъ все, что найдетъ нужнымъ по этому дѣлу. Если онъ и послѣ этого еще будетъ питать ко мнѣ — — [2]), тогда будетъ просто грѣхъ на душѣ его; и если точно любитъ, то, чтобы какъ святыню принялъ эту просьбу. Все это дѣло должно остаться навсегда тайной для всѣхъ, кромѣ васъ двухъ. Всѣмъ говорите, что деньги за экземпляры посылаются мнѣ. Ни ты, ни онъ не должны сказать о немъ (о томъ?) никому, какъ бы они близки ни были къ вамъ, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Я также не долженъ знать ничего, кому, какъ и за что даются деньги; отчетъ въ этомъ принадлежитъ одному Богу. Въ Москвѣ сдѣлаю тоже самое съ тамъ находящейся тысячью экземпляровъ; только двое, Аксаковъ и Шевыревъ, которому отдано, введены тамъ въ это дѣло. Но — — [3]) ни они никогда не должны говорить объ этомъ дѣлѣ. Просьба эта должна быть исполнена во всей силѣ. Никакихъ на это представленій или возраженій; я жду только одного слова: да, — и ничего больше. Воля друга должна быть священна. Вотъ мой отвѣтъ. Я долженъ сдѣлать такъ, а (не) иначе, а доказательство(мъ) этому служитъ моя совѣсть. Мнѣ сдѣлалось вдругъ легко и съ души моей, кажется, свалилась вдругъ страшная тяжесть. И такъ, дѣло это рѣшено, сдано въ архивъ и о немъ никогда ни слова.

А ты, другъ, не вознегодуй на хлопоты, которыя тебѣ здѣсь предстоятъ; ты получишь много внутреннихъ наслажденій, возбуждая молодыхъ людей къ труду и къ занятіямъ; ты откроешь между ними много талантовъ. Если же откроешь, будь для нихъ тѣмъ же, чѣмъ ты былъ для меня, когда я выступилъ на поприще. Поощряй, ободряй и упрекай, но не досадуй, если замѣтишь въ нихъ что-нибудь

---

[1]) Вверху приписано что-то совсѣмъ неразборное.

[2]) Вычеркнуто: «скажи ему, чтобы онъ ради этого святаго дѣла простилъ меня во всемъ, чѣмъ я оскорбилъ».

[3]) Не разобрано.

похожее на неблагодарность; это часто бываетъ только одно своенравное движеніе юношеской гордости, покажи ему[1]) любовь свою и порази его новыми благодѣяніями и онъ будетъ твой на вѣки.

Благодарю тебя искренно и отъ всей души за твою готовность помочь мнѣ собственными твоими (средствами); я попрошу у тебя прямо и безъ всякихъ обиняковъ. Теперь же покамѣстъ мы устроились коекакъ на этотъ счетъ съ Жуковскимъ, еще до полученія твоего письма, о деньгахъ я теперь забочусь меньше, чѣмъ когда-либо. Самое трудное время жизненной дороги уже перемыкано[2]). Когда я думалъ о деньгахъ, у меня ихъ никогда не было, когда же не думалъ — они всегда ко мнѣ приходили. Но прощай! Обнимаю тебя крѣпко! Люби меня просто, на вѣру и на одно честное слово, а не потому, чтобы я былъ достоинъ любви, или чтобы мои поступки стоили любви, и повѣрь, ты будешь потомъ въ выигрышѣ. Твой Гоголь.

Ты можешь сказать, что они идутъ отъ одного богатаго человѣка, можно даже сказать государю о лицѣ, которое хочетъ остаться въ неизвѣстности.

За это письмо Гоголю больно досталось отъ N. F. (А. О. Смирновой), которая узнала о его содержаніи отъ самаго П. А. Плетнева. Письмо ея къ Гоголю напечатано въ «Запискахъ» г. Кулиша (II, 23—25). «На N. N. (конечно, Плетнева), говоритъ она тутъ, не пѣняйте за то, что онъ почувствовалъ нужду показать мнѣ ваше письмо———. Онъ не увѣренъ въ васъ, и притомъ ему кажется, что въ васъ нѣтъ простоты. N. N. нужно было со мною переговорить, чтобы рѣшить недоумѣніе на многія слова ваши». А. О. Смирнова не одобряла задуманнаго Гоголемъ пожертвованія потому, что онъ долженъ былъ прежде всего заботиться о своихъ близкихъ[3]). «У васъ,—писала она,—на рукахъ старая мать и сестры——— Знаете-ли, что St. François de Sales говоритъ: «nous nous amusons souvent à être tous anges, et nous oublions qu'il faut avant tout être bons hommes?» И такъ, будьте проще, удобопонятнѣе всѣмъ тѣмъ, которые ниже васъ на ступени духовной; не скрывайтесь и не закрывайтесь безпрестанно. Зачѣмъ вы тайно хотите помогать другимъ?.. Чтобы избѣгнуть упрека, что одни фарисеи раздаютъ на перекресткахъ... вы забываете: да свѣтятъ дѣла ваши добрыя предъ людьми во славу Божію? Кто знаетъ? можетъ быть, узнавъ, что вы своей лептой помогаете брату, и у другихъ явится охота помогать...» Далѣе, возвращаясь опять къ тому, что пожертвованіе Гоголя неблагоразумно, она продолжаетъ: «Когда Прокоповичъ отдастъ отчетъ и буде у него что-нибудь накопилось... вы... должны себя и своихъ близкихъ обезпечить прежде всего... Во-вторыхъ, вѣдь деньги только у васъ въ воображеніи: ихъ, можетъ быть, нѣтъ, да и не будетъ (и вы мнѣ напомнили Perrotte sur sa tête ayant un pot

[1]) Т. е., вѣроятно, юношѣ.

[2]) Слова: самое трудное время зачеркнуты, вѣроятно, по ошибкѣ. Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ строкахъ трудно разобрать, что въ самомъ дѣлѣ должно быть зачеркнуто, что остаться: смыслъ неуловимъ.

[3]) Она въ этомъ сходилась съ М. П. Погодинымъ. О. М.

à lait), а вы уже ими и пожертвовали, не сообразно ни съ какимъ порядочнымъ понятіемъ о милостынѣ и подаяніи». Изъ этого видно, что А. О. Смирнова не болѣе церемонилась съ Гоголемъ, чѣмъ П. А. Плетневъ, къ которому Гоголь обратился съ вышенапечатаннымъ письмомъ — содержанія, какъ видѣлъ читатель, полуоправдательнаго, полустарающагося великодушнымъ порывомъ пристыдить тѣхъ, передъ которыми пришлось оправдываться. Что касается г-жи Смирновой, то Гоголь отвѣчалъ ей, по свидѣтельству г. Кулиша, «цѣлою тетрадью», изъ которой издатель «Записокъ о Гоголѣ» «долженъ былъ, какъ онъ увѣряетъ, сдѣлать большія исключенія» («Зап.», II, 25). Вотъ что приводится тутъ въ отвѣтъ на главный обвинительный пунктъ г-жи Смирновой: «оставимъ эти деньги на то, на что онѣ опредѣлены. Эти деньги выстраданныя и святыя, и грѣшно ихъ употреблять на что-либо другое. Если бы добрая мать моя знала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ» [1]. Надо думать однако же, что Гоголь понялъ необходимость позаботиться и о своей матери. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ далѣе: «N. N. (вѣроятно Плетневъ) пусть пошлетъ двѣ тысячи моей матушкѣ; мы съ нимъ послѣ сочтемся. Всѣ объясненія со мной по этому дѣлу должны быть кончены. Вы также должны отступиться отъ этого дѣла; мнѣ непріятно, что вы въ него вмѣшались» («Зап.», II, 27—28). Г. Кулишъ говоритъ далѣе въ тѣхъ же «Запискахъ», что и изъ Москвы на письмо о пожертвованіи Гоголя отвѣчали, что желаніе его — по крайней мѣрѣ до времени — не можетъ быть исполнено. «Въ Москвѣ, однако-жъ,—прибавляетъ г. Кулишъ,—великодушное предпріятіе поэта осуществилось, и до сихъ поръ у одного его друга хранятся банковые билеты на 2,500 руб. сер., положенныхъ въ ростъ для помощи бѣднымъ талантливымъ студентамъ Московскаго университета» (33).

Около того же времени подана была в. к. Маріи Николаевнѣ «супругою церемоніймейстера Смирнова» докладная записка о Гоголѣ. Записка эта вызвала докладъ императору Николаю Павловичу гр. Уварова, слѣдствіемъ котораго было назначеніе Гоголю по 1,000 р. с. на три года. Докладъ этотъ и письмо, которымъ гр. Уваровъ извѣщалъ Гоголя о высочайшей милости, напечатаны были въ «Сѣверной Почтѣ» 1865 г. (№ 277) [2]. Что касается помѣщеннаго тутъ же отвѣтнаго письма Гоголя гр. Уварову, отъ 2-го мая 1845 г., то оно имѣется и въ изданіи у г. Кулиша (VI, 173—174). Но такъ какъ г. Кулишъ напечаталъ его, вѣроятно, по черновой Гоголя, редакція же «Сѣверной Почты» основывается на перебѣленномъ письмѣ, хранящемся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, то эта послѣдняя и представляетъ нѣкоторыя несущественныя отличія, объясняемыя, надо полагать, тѣмъ, что Гоголь, перебѣляя, выправилъ кое-что. «О благодарности государю,—пишетъ онъ тутъ,—ничего не говорю: она въ душѣ моей, выразить ее могу развѣ одной молитвой о немъ. Скажу вамъ только, что послѣ письма вашего мнѣ стало грустно. Грустно, во-первыхъ, потому, что все, доселѣ мною

---

[1]) Въ объясненіе пожертвованія Гоголя можетъ быть приведено не только то «отсутствіе простоты», на которое указывали ему друзья, но, можетъ быть, и искреннее желаніе добромъ, оказаннымъ студентамъ, нѣсколько загладить тѣ воспоминанія, которыя должны были остаться въ университетской средѣ отъ безславной поры его профессорства.

[2]) За сообщеніе этого листка «Сѣверной Почты» приношу мою благодарность П. А. Ефремову. О. М.

писанное, не стоитъ большаго вниманія: хоть въ основаніе его легла и добрая мысль, но выражено все такъ незрѣло, дурно, ничтожно и притомъ въ такой степени не такъ, какъ бы слѣдовало, что не даромъ большинство приписываетъ моимъ сочиненіямъ скорѣе дурной смыслъ, чѣмъ хорошій, и соотечественники мои извлекаютъ извлеченія изъ нихъ скорѣй не въ пользу душевную, чѣмъ въ пользу». (Такимъ образомъ тутъ уже ярко сказалось то авторское самоосужденіе, которое позже предстало очамъ изумленной публики въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями»). «Клянусь,—продолжаетъ Гоголь,—я и не помышлялъ даже просить чего либо теперь у государя; въ тишинѣ только я готовилъ трудъ, который, точно, былъ бы полезнѣе моимъ соотечественникамъ моихъ прежнихъ мараній... Меня утѣшала доселѣ мысль, что государь, которому истинно дорого душевное благо его подданныхъ, сказалъ бы, можетъ быть, современемъ о мнѣ такъ: «этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать мнѣ свою признательность».

Трудъ, на который возлагалъ надежды Гоголь, это, конечно, продолженіе «Мертвыхъ Душъ», соединявшееся у него, какъ извѣстно, съ широкими дидактическими затѣями. О томъ же трудѣ писалъ онъ отъ 25-го іюля того же 1845 года А. О. Смирновой, т. е. тому лицу, которое подавало записку о немъ в. к. Маріи Николаевнѣ. Начавъ съ увѣренія: «я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно «Мертвыхъ Душъ», Гоголь далѣе объясняется такимъ образомъ: «но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за каррикатуру насмѣшку надъ губерніями, также какъ были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ «Мертвыхъ Душъ». Это, покамѣстъ, еще тайна, которая должна будетъ вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей еще не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ... Была у меня, точно, гордость, но не моимъ настоящимъ, не тѣми свойствами, которыми владѣю я; гордость будущимъ шевелилась въ груди,—тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди—счастливымъ открытіемъ, которымъ угодно было, вслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу,—открытіемъ, что можно быть далеко лучше того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви... Но не кстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ». (Кулишъ, VI, 204—205).

На другой день послѣ этого письма, Гоголь писалъ С. П. Шевыреву о 2-мъ изданіи 1 т. «Мертвыхъ Душъ»: «Экземпляры разойдутся, это я знаю. Послѣ того голоса, который я подамъ отъ себя, передъ моимъ отправленіемъ на поклоненіе св. мѣстамъ, ихъ станутъ раскупать». За этимъ въ текстѣ г. Кулиша слѣдуетъ пропускъ, который и пополняется здѣсь на основаніи подлинника:

Посылать же на цензурованье къ цензору въ Петербургъ я не думаю, чтобы оказалась надобность, тѣмъ болѣе, что это фантастическое запрещеніе втораго изданія никогда не существовало; оно образовалось въ Москвѣ по старой охотѣ ея къ плетенью всякаго рода сплетней. Это можешь изъяснить цензору, если бы онъ оказался малоуменъ, а не то предстань къ Строганову и объясни ему. Если же по причинѣ какой-либо новой безтолковщины оказалось бы такъ, что нужно посылать въ Петербургъ, то пошли къ Никитенкѣ и въ тоже время письмо къ Плетневу, чтобы онъ его поторопилъ, потому что

Никитенко, при всей благосклонности и расположеніи ко мнѣ, нѣсколько лѣнивъ и можетъ замедлить присылкой.

Въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 20-го ноября (VI, 222—224) есть также пропуски. Первый не обозначенъ даже обычными двумя чертами.

Послѣ словъ: «Кирѣевскій боленъ также» — должно быть вставлено:

Ты говоришь: неужели нѣтъ молитвы, которая бы могла васъ спасти? и отвѣчаешь: она есть, но вы плохо призываете. Одинъ Богъ можетъ знать, кто какъ молится. Но....

На той же стр. послѣ словъ: «не нашимъ малымъ умомъ судить объ умѣ великомъ» — пропущено:

Меня смутило также извѣстіе твое о Константинѣ Аксаковѣ. Борода, зипунъ и проч.... Онъ просто дурачится, а между тѣмъ дурачество это неминуемо должно было случиться. Этотъ человѣкъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣ и другія въ немъ накоплялись, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ, достигнувъ 30-ти лѣтъ, не женился, то дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ. Для него даже лучше бы было, если бы онъ въ молодости своей..... [1]) Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяніяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ; такъ я думалъ съ самаго начала. Благодарю тебя за теперешнее извѣстіе о немъ. Я напишу къ нему: онъ отъ меня иногда выслушивалъ тѣ горькія истины, которыя отъ другихъ не хотѣлъ выслушивать. Можетъ быть, Богъ вразумитъ и меня дать совѣтъ ему, и его—извлечь изъ моего совѣта для себя полезное. Что же касается до диссертаціи его, то, еще не читая ее, совѣтовалъ ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатавъ изъ нея одни только отрывки, какъ отдѣльныя статьи [2]).

На стр. 223-й послѣ словъ: «отвѣтитъ мнѣ Аксаковъ» — пропущено:

Я еще не совсѣмъ освободился отъ моей болѣзни, а отвѣтъ твой сокрушилъ меня; а чтобы тебѣ сколько-нибудь было это понятно, скажу тебѣ только, что причиной самой болѣзни моей было отчасти душевное потрясеніе и сокрушеніе, въ которомъ сыгралъ также роль и бѣдный Погодинъ, которому судьба наноситъ неумышленно горчай-

---

[1]) На этотъ разъ и я принужденъ сдѣлать маленькой пропускъ. Вообще же отзывъ Гоголя о К. С. Аксаковѣ, служа къ характеристикѣ самого Гоголя, не налагаетъ ни малѣйшей тѣни на чистую личность покойнаго К. С. Аксакова — одного изъ тѣхъ рѣдкихъ характеровъ, для которыхъ не страшенъ никакой критическій ножъ. **О. М.**

[2]) Это, конечно, относится къ замѣчательной книгѣ К. Аксакова о Ломоносовѣ. Любопытно, что Гоголь распоряжается ею, какъ самъ говоритъ, не читавъ ея.

шія оскорбленія всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ или слишкомъ нѣжную и чувствительную душу, или которыхъ Богъ еще не укрѣпилъ достаточно для подобныхъ битвъ [1]). Но это да останется втайнѣ между нами; объ этомъ ни слова Аксакову и никогда — Погодину.

На стр. 224-й послѣ словъ: «и разумомъ и душой» — пропущено:

И самъ духъ божественный, изгоняющій все лишнее, неумѣстное, и пристрастное, въ немъ слышится. (Дѣло идетъ объ отрывкѣ изъ лекціи Шевырева, напечатанномъ въ „Москвитянинѣ").

Затѣмъ слѣдуетъ у г. Кулиша рядъ писемъ къ разнымъ лицамъ. 27-го января 1846 г. Гоголь писалъ г-жѣ Смирновой о посѣщеніи Рима императоромъ Николаемъ Павловичемъ: «Я не представлялся къ нему потому, что стало стыдно и совѣстно, не сдѣлавши почти ничего еще добраго и достойнаго благоволенія, напоминать о своемъ существованіи... (Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ)» (233). Мая 5-го Гоголь писалъ Языкову: «Письма мои къ тебѣ, особенно послѣднія—тѣ, гдѣ какія-нибудь мѣста, относящіяся къ литературному дѣлу, (сбереги). Я не оставляю намѣренія издать выбранныя мѣста изъ писемъ, а потому, можетъ быть, буду сообщать къ тебѣ отнынѣ почаще тѣ мысли, которыя нужно будетъ пустить въ общій обиходъ» (249). Съ этихъ поръ Гоголь постоянно возвращается къ своему странному замыслу. «Всѣ свои дѣла въ сторону, — пишетъ онъ 30-го іюля П. А. Плетневу, — и займись печатаніемъ этой книги, подъ названіемъ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ... Печатай два завода и готовь бумагу для втораго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга» (250). 5-го октября 1846 г. Гоголь писалъ о томъ же Шевыреву: «Въ это дѣло, кромѣ Плетнева и цензора, не введенъ никто, а поэтому и ты не сообщай о томъ никому, кромѣ развѣ Языкова, который имѣетъ одинъ объ этомъ свѣдѣніе... Изъ этой книги ты увидишь, что жизнь моя была дѣятельна даже и въ болѣзненномъ моемъ состояніи, хотя на другомъ поприщѣ, которое есть, впрочемъ, мое законное поприще, и что великъ Богъ въ своихъ милостяхъ» (266). 16-го октября, посылая Плетневу заключительную тетрадь своихъ «Выбранныхъ мѣстъ», Гоголь писалъ объ А. В. Никитенкѣ: «У него добрая душа и на него особенно слѣдуетъ насѣдать лично. Говори ему безпрерывно... что съ книгой не нужно мѣшкать, потому что мнѣ нужно прежде новаго года собрать деньги за ея распродажу, съ тѣмъ, чтобы пуститься въ дальнюю дорогу» (въ Іерусалимъ) (270). 20-го октября Гоголь писалъ Плетневу же слѣдующее: «По выходѣ книги, приготовь экземпляры и поднеси всему царскому дому до единаго. Ни отъ кого не бери подарковъ: скажи, что поднесеніе этой книги есть выраженіе того чувства, котораго я самъ не умѣю себѣ объяснить... Но если кто изъ нихъ предложитъ отъ себя деньги на вспомоществованіе многимъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчу идущихъ на поклоненіе къ св. мѣстамъ, то эти деньги бери смѣло» (272). 2-го ноября въ письмѣ къ тому же лицу, Гоголь разсуждаетъ уже о цѣнѣ за свою книгу: отъ 2 до 3 руб., смотря по числу

[1]) Видно, М. П. Погодинъ опять попалъ Гоголю не въ бровь, а въ глазъ.

печатныхъ страницъ. «Это не будетъ дорого, пишетъ онъ, соображая то, что ее будутъ покупать болѣе люди богатые и достаточные, а бѣдные получатъ даромъ отъ ихъ великодушныхъ раздачъ» (282). Всѣ эти самообольстительныя мечтанія Гоголя дѣйствительно напоминаютъ то лицо лафонтеновой басни, на которое не даромъ указывала ему А. О. Смирнова. 14-го ноября, извѣщая мать о томъ, что ей будутъ посланы 6 экземпляровъ душеспасительной «Переписки», изъ коихъ одинъ—для сестеръ, Гоголь писалъ: «У васъ будутъ выпрашивать подъ разными предлогами сестры лишній экземпляръ или для себя, или для пріятельницъ своихъ. Вы имъ не давайте: эта книга отнюдь не для забавы и не для вѣтряныхъ свѣтскихъ дѣвушекъ». Объявляя о своей окончательной рѣшимости ѣхать въ Іерусалимъ, Гоголь требуетъ молитвъ матери, и молитвъ именно въ Васильевкѣ: «Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправился на такое святое поклоненіе, разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-нибудь развлеченіямъ. Сестры мои, если имъ не посидится, могутъ однѣ ѣхать въ Полтаву».

Слѣдующія затѣмъ неизданныя до сихъ поръ письма Гоголя, откладываемыя до слѣдующей книги, отличаются уже меньшимъ объемомъ и относительно меньшею важностью, но, въ связи съ прежними, содѣйствуютъ выясненію столь важнаго въ психологическомъ отношеніи послѣдняго періода въ жизни Гоголя, начинающагося съ обнародованія «Избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Для окончательнаго объясненія этой злополучной книги и причинъ ея появленія, придется затронуть также «Авторскую Исповѣдь» и во многихъ отношеніяхъ важную для характеристики Гоголя повѣсть «Портретъ» въ ея обоихъ видахъ. Только послѣ всего этого можно будетъ сдѣлать общіе выводы изо всего, выставленнаго впередъ матеріала, причемъ должно будетъ выясниться, что именно въ такъ-называемомъ «переломѣ» Гоголя можетъ быть выяснено «средою», и что должно быть отнесено на счетъ его собственнаго характера. Литературная среда, въ которой вращался Гоголь, — вѣдь также по большей части уже умершая, и если держаться правила: de mortuis aut bene aut nihil, то я не думаю, чтобы справедливо было пользоваться имъ по отношенію только къ самому Гоголю... Съ другой стороны, если примѣнять это правило въ буквальномъ смыслѣ вообще къ историческимъ личностямъ, то исторія превратилась бы въ какую-то коллекцію панегириковъ, а это едва ли бы было пригодно.

Орестъ Миллеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1820—1871[1].

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

1840—1841.

20-го ноября 1840 г.

Я къ тебѣ не писалъ ужъ сколько вѣковъ, что даже совѣстно приниматься за перо. Каково-то тебѣ будетъ? Во-первыхъ mille remerciments за „пляску гигантовъ" [2]). Эта вещь переложена весьма удачно, но жаль одного,—не по моимъ пальцамъ. Для этихъ „гигантовъ" нужны и гигантскія руки. Впрочемъ, я могъ разобрать столько, чтобъ получить вѣрное понятіе объ этой высокой, величественной музыкѣ. Представляю себѣ, каково это должно быть въ большомъ оркестрѣ! Тутъ контръ-басы вѣрно играютъ не послѣднюю роль. Этотъ лоскуточекъ нотной бумаги пріятенъ мнѣ еще и потому, что доказываетъ полезное употребленіе твоихъ досуговъ. Quant à moi—Eheu me miserum! [3]) Я все жду вдохновенія (по твоему предсказанію), но оно не посѣщаетъ меня, сенатскаго чиновника!! Вѣрно всѣ твои мечты обо мнѣ не сбудутся. Я все еще въ смертельномъ сомнѣніи: scilicet [4]), требуетъ-ли мое душевное расположеніе постоянныхъ трудовъ (для которыхъ я не умѣю найти времени), или его и вовсе нѣтъ въ моей душѣ, этого расположенія? That is the question!—the great question! [5]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 587—602.

[2]) Такъ мы тогда называли скерцо III-й симфоніи Бехтовена, намъ еще очень мало извѣстной. **В. С.**

[3]) Что касается до меня—увы мнѣ бѣдному!

[4]) То-есть.

[5]) Тутъ вопросъ, великій вопросъ.

А между тѣмъ песокъ бѣжитъ! Иногда мнѣ приходитъ въ голову: съ чего ты взялъ, что я могу быть композиторомъ? Иногда какой-то внутренній голосъ преубѣдительно мнѣ нашептываетъ, что во мнѣ довольно силъ—быть всѣмъ, чѣмъ я пожелаю! Если бы мнѣ какое-нибудь благодѣтельное существо могло однимъ разомъ рѣшить эту задачу, о, какъ бы я ему былъ обязанъ! Иногда мнѣ опять кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ, никто въ мірѣ, кромѣ меня самого, не можетъ, и я изнываю въ тоскѣ! A bas les sombres idées! [1]). Съ тѣхъ поръ какъ я тебѣ писалъ о „Робертѣ", я слышалъ въ театрѣ еще одно великое музыкальное твореніе (къ несчастію, еще несравненно болѣе „Роберта" искаженное на нашей сценѣ)—именно „Вильгельма Телля" Россини, въ глупѣйшемъ маскарадномъ платьѣ „Карла Смѣлаго и Рудольфа Доннергугеля". Ахъ, другъ мой, я теперь совершенно помирился съ Россини, но именно за то, что онъ, въ этой оперѣ, совершенно постигъ современное направленіе драматической музыки. Въ этомъ произведеніи, итальянское сладкозвучіе слилось съ германо-французскимъ, мейерберовскимъ глубокомысліемъ. Ты можешь вообразить, что это должна быть за амальгама. Эта опера—осуществленіе „du pittoresque dans la musique" [2]). Всякая нота дышетъ Швейцаріею. Прежняго, обыкновеннаго Россини тутъ не слышно. Это совершенно новый авторъ. Что за хоры, другъ мой, что за morceaux d'ensemble! какъ это все свѣтло, натурально! Я совсѣмъ помѣшался на этой оперѣ. Теперь я имѣю самое полное изданіе этой оперы (партитура съ аккомпаниментомъ фортепьяно), и штудирую ее насквозь и насквозь,—также какъ прежде дѣлалъ съ „Робертомъ" и „Гугенотами".

Январь, 1841 г.

Il est temps de renouer notre correspondance [3]). Спѣшу сообщить тебѣ весьма важную вѣсть, которую ты, можетъ быть, отчасти и знаешь отъ Ж. [4]). J'ai fait un grand pas [5]), я выросъ въ музыкальномъ отношеніи почти на полъ-аршина—j'ai découvert un nouveau monde [6]): я слышалъ Росси! „Наконецъ-то,—Dieu soit béni", скажешь ты, „давно была пора прозрѣть слѣпорожденному!" Впрочемъ, Росси именно то, чего я ждалъ,—это чистый типъ женскаго, ангельскаго голоса. Ты

---

[1]) Прочь мрачныя мысли!

[2]) Живописности въ музыкѣ.

[3]) Пора возобновить нашу переписку.

[4]) Одинъ общій нашъ знакомый, мой товарищъ по училищу правовѣдѣнія, часто бывавшій (по праздникамъ) въ домѣ у Сѣровыхъ, и передававшій намъ, по принадлежности, наши обоюдныя письма. В. С.

[5]) Я сдѣлалъ великій шагъ.

[6]) Я открылъ новый міръ.

самъ слышалъ ее; слѣдовательно, подробностей никакихъ о ея пѣніи не нужно. Довольно того, что мнѣ кажется: врядъ-ли была когда нибудь, или будетъ подобная ей пѣвица, а что теперь нѣтъ на земномъ шарѣ ей равной, c'est trop connu [1]). При мнѣ пѣла она восхитительную арію Агаты изъ „Фрейшюца", и изумительныя варьяціи Роде (передѣланныя для нея со скрипичныхъ). Слушая Агатину арію, я столько перечувствовалъ, что и разсказать трудно, даже тебѣ! (а другой счелъ бы меня за помѣшаннаго). Самъ безсмертный Веберъ упалъ бы на колѣна предъ такой исполнительницей его созданія. C'est au dessus de toute comparaison [2])! Ты знаешь, soit dit entre nous [3]), что я небольшой охотникъ молиться, не видя въ томъ надобности, pour des raisons que je te dirai suo loco et suo tempore [4]), но когда она пѣла молитву Агаты, у меня стало на душѣ такъ грустно, и вмѣстѣ такъ свѣтло, что я самъ превратился въ молитву, и слезы брызнули изъ моихъ глазъ! Ради Бога не подумай, что эта какая-нибудь Ламартиновская sensiblerie, мнѣ прискорбно, что искреннія мои чувства вылились въ такую форму, которая весьма похожа на фразы consacrées pour ces sortes de choses [5])! Но ты мнѣ вѣришь, для тебя у меня нѣтъ ничего поддѣльнаго. Кстати о Веберѣ, въ томъ концертѣ играли и его увертюру изъ „Фрейшюца". Слушая эту музыку, можетъ быть, въ сотый разъ, я еще болѣе увѣрился въ великости ея композитора. Говори, что ты хочешь, а я останусь при своемъ мнѣніи, что Россини далекъ отъ моего Вебера (несмотря на то, что я влюбленъ въ Россиніева „Телля"). Если-бъ ты не былъ предубѣжденъ противъ нѣмецкой музыки, и ты бы согласился со мною. Я теперь весьма желаю одного, именно: чтобъ намъ съ тобою удалось на масляницѣ вмѣстѣ послушать „Фиделіо" гиганта Бетховена, которому ты, кажется, прощаешь, что онъ нѣмецъ. Даже не-знатоки изумляются этому высокому произведенію, а мнѣ еще не удалось его слышать. Еще новость: органъ мой совершенно поправленъ, и я вчера цѣлый день за нимъ проблаженствовалъ, и здѣсь я открылъ цѣлый міръ новыхъ впечатлѣній (закаиваюсь употреблять это выраженіе, а то вѣдь смѣшно будетъ). Я иду по своей дорогѣ тихо, но все-таки иду, и самъ замѣчаю свои шаги. Я даже думаю, что если-бъ тебѣ какъ-нибудь случилось услышать, какъ я разгуливаю изъ тона въ тонъ (разу-

[1]) Это слишкомъ извѣстно.

[2]) Это выше всякаго сравненія.

[3]) Между нами.

[4]) По причинамъ, которыя я тебѣ разскажу въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

[5]) Посвященныя этого рода вещамъ.

мѣется, не по заказу), ты бы не узналъ во мнѣ прежняго жалкаго А. Сѣрова. Но странно, что я могу удачно фантазировать только на органѣ. Это, вѣроятно, отъ того, что на этомъ инструментѣ самыя бѣдныя мысли звучатъ какъ-то полно, иногда даже величественно, c'est dans le timbre, rei causa, non auctoris" [1]). Авось Богъ дастъ— не скоро, да здорово. Да, между прочимъ, читаю я теперь Гофмана: „Lebensansichten des Katers Murr", книгу, которую я намѣренъ иллюстрировать, и въ головѣ у меня уже есть кое-что для сего предмета [2]). Addio! A. S.

20-го февраля 1841 г.

Вчера, 19-го февраля, въ среду, я былъ въ концертѣ аматёровъ, въ залѣ дворянскаго собранія. Тамъ исполняли самымъ блестящимъ образомъ безсмертную ораторію Гайдна: „La Création", соло были предоставлены Росси! Ахъ, мой другъ, я, кажется, уже говорилъ тебѣ, что о ней я не въ состояніи распространяться ни на письмѣ, ни на словахъ! Замѣчу тебѣ только, что вчера я имѣлъ счастіе вливать въ себя звуки ея ангельскаго голоса гораздо долѣе, нежели въ тотъ разъ. Въ ораторіи у ней двѣ аріи, каждая по четверти часа, и множество речитативовъ. Надобно тебѣ также сказать, что я только тогда наслаждаюсь въ концертахъ, когда напередъ хорошо знаю исполняемыя тамъ пьесы. „Die Schöpfung" была мнѣ весьма недавно (къ стыду моему) почти незнакома; но я за недѣлю до концерта взялъ на него билетъ, взялъ и ораторію, аранжированную для фортепьяно на 4 руки, и съ сестрой своей игралъ ее до того, что она сдѣлалась мнѣ почти присуща (т. е. почти въ такой же степени, какъ „Робертъ" и „Гугеноты"). Такимъ образомъ, восторгъ мой въ концертѣ былъ неизъяснимъ. Имѣя предъ глазами текстъ ораторіи и въ головѣ своей весь ходъ, почти всѣ ноты лучшихъ ея нумеровъ, я могъ вполнѣ постичь величіе божественной Росси (если кому-нибудь можетъ идти этотъ эпитетъ, такъ ужъ именно ей, всѣ земныя прилагательныя для нея ничтожны и низки!). Что за гигантское созданіе — эта ораторія! Тамъ есть, между прочимъ, одна арія, изображающая сотвореніе птицъ — это рѣшительно высшее торжество звукоподражательной музыки, и притомъ quelle énergie, quelle simplicité, quelle grace naïve [3])! — это рѣшительно выше всякаго сравненія. Я для этого одного хотѣлъ бы имѣть даръ краснорѣчія, чтобъ передать тебѣ вполнѣ то, что я тогда чувствовалъ. Но это невозможно, какъ и весьма многое, для твоего грѣшнаго друга!!

---

[1]) Дѣло въ тембрѣ, причиной — сама вещь, не авторъ.
[2]) Предположеніе это никогда не осуществилось. В. С.
[3]) Какая энергія, какая простота, какая наивная грація!

Я все не покидаю моихъ сомнѣній на счетъ себя, которыхъ ты, кажется, не жалуешь. Въ прошедшемъ письмѣ ты привелъ мнѣ чьи-то слова на счетъ меня, которыя слишкомъ похожи на твое собственное обо мнѣ понятіе, хотя этихъ мыслей никто болѣе не раздѣляетъ, да этого и ожидать можно, потому что ихъ основаніе весьма шатко. Понимать, чувствовать и производить! Quelle énorme distance! [1]). Мнѣ кажется, что въ этомъ-то и вся разница между талантомъ и геніемъ (вѣдь между нами допускаются самыя чистосердечныя выраженія, не правда-ли?). Вотъ моя исповѣдь: я вполнѣ увѣренъ, и такъ, что никто не въ состояніи меня разувѣрить, что я понимаю изящное, je sens le beau, въ музыкѣ и въ живописи такъ, какъ его чувствовали и понимали великіе производители въ искусствахъ (ты меня понимаешь?); но мнѣ не дано средствъ выражать для другихъ то, что внутри меня происходитъ. Можетъ быть, это же чувствуютъ самые безталанные люди, къ которымъ мнѣ себя не хочется причислить, но если это такъ, то, къ несчастію, я думаю и вѣрю въ себя не иначе. Великихъ твореній я отъ себя не ожидаю, или, покрайней мѣрѣ, сомнѣваюсь въ ихъ возможности для моихъ силъ. Можетъ быть, что самое желаніе, пристрастіе или просто ma passion [2]) изучить по своему великія произведенія живописи и особенно музыки, доказываютъ мою бездарность, т. е., что я нахожу высшее наслажденіе погружаться въ творенія, уже бывшія до меня, а не въ томъ, чтобъ самому производить такія же? Правда, что при этомъ изученіи рождается un desir vague, indéterminé [3]) производить самому, но это какіе-то образы безъ лицъ, что-то мучительное! Мучительное и потому, что я не хочу, да и не могу уже быть превосходнымъ исполнителемъ чужаго, а своего нѣтъ, да и врядъ-ли будетъ! Жалкое существованіе.....

Но довольно объ этомъ: поговоримъ о вещахъ болѣе утѣшительныхъ, хотя онѣ имѣютъ къ тому близкое отношеніе. Во-первыхъ, надобно разсказать тебѣ мои проекты: кромѣ маленькихъ, ничтожныхъ попытокъ въ собственныхъ мелодіяхъ, я принялъ твердое намѣреніе „transcrire pour le Violoncelle" лучшія изъ „Lieder" — Шуберта, а именно прежде всего: „Wanderer" и „Ave Maria" (которую, не знаю, слышалъ-ли ты)... Теперь, пока я пишу тебѣ, во внутреннихъ ушахъ моихъ торжественно раздается великолѣпный хоръ изъ ораторіи, которымъ заключался вчерашній концертъ. Я сегодня досталъ ораторію въ 2 руки и наслаждался ею на своемъ органѣ; эфектъ прекрасный—и ты долженъ его слышать, да и скоро! (Вотъ и конецъ эпизода). Я болѣе и болѣе

[1]) Какая огромная разница!
[2]) Моя страсть.
[3]) Темное, неопредѣленное желаніе.

влюбляюсь въ сочиненіе Франца Шуберта, особенно въ нѣкоторыя. Я скоро буду ихъ имѣть дома и въ оригиналѣ, и переложенныя Листомъ.

Во-вторыхъ, я возобновилъ знакомство съ Бахметевымъ [1]) по тому случаю, что собиралъ свѣдѣнія на счетъ концерта любителей въ пользу Патріотическаго общества; мнѣ нужны были они для того, чтобы самому какъ-нибудь туда втереться. Ты, разумѣется, давно догадался, что эта мысль не моя [2]); я вовсе не желаю себѣ пошлой извѣстности посредственнаго віолончелиста, а всѣ прочія соображенія почти не стоятъ вниманія. Да и въ самомъ дѣлѣ, что я могу и какъ я могу играть въ огромной залѣ для огромной публики? Смѣхъ и жалость! Къ счастію, какъ кажется, это не удастся—встрѣтилось много затрудненій. Одного только я не могу себѣ простить: зачѣмъ я не былъ нынѣшней зимой членомъ клуба любителей музыки, гдѣ Бахметевъ главный дѣйствователь, и гдѣ исполнялись прекраснѣйшія изъ классическихъ произведеній для оркестра (по бо̀льшей части пьесы нѣмецкой школы). Тамъ нерѣдко бывалъ и нашъ принцъ, — тамъ участвовали всѣ истинные петербургскіе Musikfreunde,—тамъ играли „Донъ-Жуана", „Оберона"—Вебера, „Фауста"—Шпора!! A propos de „Faust", ты мнѣ пишешь, чтобъ я тебѣ далъ понятіе объ этой музыкѣ на нотной бумагѣ—во-первыхъ, тебя надобно разувѣрить въ томъ, чтобъ ты тутъ вовсе и не думалъ искать Гётевскихъ характеровъ. Это прекрасная (впрочемъ, чисто нѣмецкая) музыка,—но какъ музыка просто, почти безъ отношенія къ сюжету. Во-вторыхъ, ты можешь отъ меня все-таки ожидать лучшихъ оттуда арій.

Не помню, какъ-то ты коснулся въ своемъ письмѣ о необходимости для меня побывать въ чужихъ краяхъ. Весьма жаль, что письмо мое близится къ концу, а объ этомъ предметѣ я давно собирался побесѣдовать съ тѣмъ, съ кѣмъ мнѣ бесѣдовать какъ-то усладительно! На сей разъ скажу только, что путешествія въ чужіе края я жду, какъ важнѣйшей эпохи своей жизни и какъ эпохи блаженства. Весьма естественно, что тамъ истинно практическая жизнь будетъ вполнѣ соотвѣтствовать страсти моей утопать dans la contemplation du beau dans la nature et les beaux-arts. Mais pour avoir un avant-goût de ce bonheur, je vais passer cet été à Réval [3]), гдѣ буду жить совер-

---

[1]) Ник. Ив. Бахметевъ, отличный скрипачъ и музыкантъ-любитель, нынче директоръ придворной пѣвческой капеллы. **В. С.**

[2]) А. Н. Сѣровъ намекаетъ здѣсь на своего отца, который часто придумывалъ за А. Н. то, о чемъ тотъ и не заботился, и заставлялъ его выполнять эти проекты. **В. С.**

[3]) Въ созерцаніи красотъ природы и искусства. Но чтобы предвкусить это блаженство, я проведу нынѣшнее лѣто въ Ревелѣ.

шенно en artiste! Но до этого еще много воды утечетъ. Бахметевъ просилъ меня какъ можно чаще бывать у него и какъ можно болѣе sans façons. Ахъ, мой другъ, какой онъ музыкантъ въ душѣ и какъ онъ мило сочиняетъ.

20-го февраля 1841 г.

Вотъ упалъ занавѣсъ послѣ втораго акта „Роберта". Еще въ твоихъ ушахъ не замерли веселые звуки шумнаго торжественнаго хора. Изабелла и вся свита отправились на турниръ, куда ждутъ и Роберта, но онъ не придетъ! Вотъ снова движеніе въ оркестрѣ, и съ первыхъ тактовъ ты переносишься совсѣмъ въ другую область, что-то безпокойное, таинственное, наполняетъ твою душу, ты ожидаешь какого-то мрачнаго явленія, и ты не ошибаешься: третій актъ—актъ Бертрама, который изрѣдка, украдкой, какъ злая мысль, появляется въ первомъ и еще рѣже во второмъ дѣйствіи; но за то третье — полная его собственность; тутъ онъ является въ полнотѣ своего адскаго блеска. Сцена его съ наивнымъ, простоватымъ Рембо восхитительна по тонкому, пріятному и вмѣстѣ глубокомысленному комизму, который въ ней разлитъ. Всѣ оттѣнки хитраго, опытнаго обольщенія со стороны Бертрама и простодушной, недальновидной довѣрчивости со стороны Рембо переданы Мейерберомъ неподражаемо. Это какъ будто не музыка, а просто разговоръ, немного идеализированный. Какая счастливая мысль: вложить въ уста Бертрама ироническое повтореніе фразы Рембо: ah, l'honnête homme! (ахъ, мой спаситель!) Потомъ посмотри, какъ сладко Бертрамъ пробирается въ душу этого простяка: „C'est aujourd'hui qu'on te marie". (Слѣдуетъ нотный примѣръ). Жаль, что это много времени отнимаетъ, а то бы я тебѣ прослѣдилъ такимъ образомъ всѣ замѣчательныя мѣста, т. е. пришлось бы списать почти всего „Роберта": мнѣ именно хочется указывать тебѣ самыя ноты. Ну, да это ужъ невозможно. Пойдемъ дальше. Бертрамъ продолжаетъ въ томъ же духѣ, только съ примѣсью разныхъ маленькихъ диссонансовъ. Рембо удивляется новой премудрости, и выражаетъ свою радость и удивленіе прекраснымъ, веселымъ, наивнымъ мотивомъ, потомъ маленькое повтореніе первой темы („Ахъ, мой спаситель", въ C-Dur), потомъ быстрый переходъ въ As-dur: „Le bonheur est dans l'inconstance" („Непостоянство жизни сладость") — ритмъ самый жаркій (Alla breve con moto); далѣе превосходное мѣсто: „Oui, chaque faute est un plaisir" („Грѣшить пріятно намъ всегда"). И какъ мастерски ведено повтореніе этой мысли въ устахъ Рембо: таже фраза, но съ примѣсью какого-то наивнаго страха и вмѣстѣ une nuance d'admiration et d'adulation [1]). Но всего передать невозможно. Ты со време-

[1]) Оттѣнокъ удивленія и лести.

немъ самъ будешь изучать въ подробности красоты этого мастерскаго созданія. Иду далѣе: Рембо, полуразвращенный новыми наставленіями, но въ веселомъ расположеніи, убѣгаетъ. Бертрамъ одинъ. Радуется новой своей жертвѣ, но его тревожитъ мысль, что и самъ онъ недалекъ отъ вѣчной погибели: срокъ его земнаго бѣшенаго существованія только до полночи — онъ слышитъ адскія завыванія въ пещерѣ, не далеко отъ которой стоитъ. Мастерской речитативъ и извѣстный хоръ дьяволовъ, „Valse infernale". Не думаю, чтобъ кому-нибудь пришла мысль, лучше изображающая истинно адское веселье. Съ этимъ хоромъ сливается соло Бертрама. Здѣсь Мейерберъ далъ совершенный просторъ своей энергіи: въ каждой нотѣ этой аріи выражены самыя отчаянныя терзанія пылкой, адской души Бертрама, который привязанъ къ земной жизни самыми крѣпкими узами—сильнѣйшею страстью къ сыну своему, котораго онъ скоро, можетъ быть, на вѣкъ лишится. Арія переходитъ въ самый огненный бравурный majeur, и заключается бѣгущими аккордами, когда Бертрамъ скрывается въ адской пещерѣ. Буря,—но вотъ она понемногу утихаетъ, — небо свѣтлѣетъ (модуляція изъ D-dur въ B-dur), соло флейты, на тебя вѣетъ чѣмъ-то ангельскимъ, и дѣйствительно является Алиса, ангелъ-хранитель Роберта. Сцена съ эхомъ и ея куплеты „Quand je quittai la Normandie" слишкомъ всѣмъ извѣстны, но припомни, какъ эфектно прерывается милое ея пѣніе адскимъ хоромъ. Впрочемъ, если сказать правду, мнѣ кажется, что мысль эта, какъ и многое въ „Робертѣ" (даже частію самый сюжетъ) сильно напоминаетъ такое же прерываніе милаго мотива адскимъ во „Фрейшюцѣ", именно въ аріи Макса, когда Самiель, злой духъ, проходитъ чрезъ сцену, и послѣдующихъ за тѣмъ тактахъ. Даже въ инструментовкѣ, и тамъ главную роль играетъ флейта. Дуэтъ Алисы и Бертрама представлялъ обширное поле фантазіи Мейербера, какъ борьба злаго и добраго начала. И какъ умно онъ обработалъ эту идею! Не могу, чтобъ на этомъ не остановиться нѣсколько.

Идея этой борьбы существовала у всѣхъ народовъ въ самыхъ поэтическихъ формахъ. Прежде она жила въ религіи, въ XIX столѣтіи въ музыкѣ. Въ высоко-поэтическомъ созданіи, „Фаустѣ" Гёте, всѣ столкновенія Гретхенъ съ Мефистофелемъ обработаны съ особеннымъ вниманіемъ, особенною любовью. Въ присутствіи Мефистофеля, Гретхенъ безпокойна: она его и боится, и ненавидитъ, совершенно безотчетно для себя самой, и въ концѣ драмы разстается на-вѣкъ съ Фаустомъ потому только, что между ними двумя явился ненавистный третій! Такъ и въ „Робертѣ". Въ первомъ актѣ она, влекомая какимъ-то безотчетнымъ любопытствомъ, заглянула въ ужасную пещеру и подслушала роковое рѣшеніе адскаго судилища. Она въ обморокѣ. Бертрамъ вы-

бѣгаетъ et dans sa préoccupation [1]) повторяетъ про себя роковую тайну — вдругъ чей-то голосъ сзади его досказываетъ эту тайну. On a parlé! qui donc a lu dans ma pensée? Онъ оборачивается и видитъ Алису. Встрѣча вполнѣ драматическая: здѣсь Алиса боится его уже не безотчетно, а какъ враждебное существо, которое имѣетъ съ этой минуты надъ ней полную власть. И что-жъ, Бертрамъ бросается къ ней въ гнѣвѣ? Напротивъ, вѣрный своему характеру, искуситель лукаво старается вызнать все смятеніе ея души, и повторяетъ за віолончелями: „Mais, Alice, qu'est ce donc?". Она не можетъ ничего отвѣчать, — она дрожитъ и лепечетъ: rien-rien-rien! Бертрамъ адски радуется, что и это небесное существо попалось въ его когти, и играетъ ею какъ гремучій змѣй птичкой. Надобно только дивиться, съ какимъ глубокомысліемъ и съ какимъ изяществомъ все это передано въ музыкѣ (нотный примѣръ на текстъ дуэта: „Triomphe que j'aime"—„Sa voix cruelle me glace d'effroi"). Каковы эти нотки? Просто, надобно пасть предъ Мейерберомъ на колѣна! И такъ, далѣе до ферматы, гдѣ голоса Алисы и Бертрама нисходятъ и восходятъ въ самыхъ фантастическихъ диссонансахъ. Потомъ Бертрамъ повторяетъ свой первый сладкій refrain — и нѣжно приближается къ Алисѣ; она бѣжитъ къ кресту и кричитъ: „éloigne-toi, va-t' en, va-t' en"; тогда Бертрамъ вполнѣ высказываетъ свое бѣшенство и грозитъ ей смертію—она: „Le ceil est avec moi!" (Нотный примѣръ). Онъ произноситъ страшныя проклятія на нее, на Рембо и на всѣхъ ей родныхъ и любимыхъ— пауза—Алиса, пораженная смертоноснымъ дыханіемъ духа тьмы, теряетъ всѣ силы. Тріумфъ Бертрама полонъ, онъ поетъ: „Tu l'as voulu, gentille Alice" (нотный примѣръ), потомъ тихо, незамѣтно опять переходитъ въ первый мотивъ, которымъ заключается этотъ образцовый дуэтъ. Съ появленіемъ Роберта начинается таинственное тріо, безъ аккомпанимента. Высокая поэтическая мысль, которую жалкіе любители оперъ находятъ лишнею вставкою, останавливающею драматическое дѣйствіе. Я согласенъ, что при плоховатомъ исполненіи, это тріо на нашей сценѣ не можетъ имѣть большаго эфекта. Но вѣдь такимъ образомъ чего не придется выключить! И „Донъ-Жуанъ" Моцарта вѣрно лишняя на свѣтѣ опера, потому что у насъ ея не могутъ давать! Постепенный ходъ голосовъ въ этомъ тріо, и постоянство всѣхъ характеровъ—изумительны! Послѣ этого тріо, Алиса бѣглымъ речитативомъ стремится сообщить Роберту ужасную и важную для него тайну, но Бертрамъ подходитъ къ ней, и вполголоса, иронически заклинаетъ ее, говоритъ: „Au nom de ton amant, au nom de ton vieux

[1]) Въ своей озабоченности.

père". По непонятной для Роберта причинѣ, Алиса вдругъ останавливается и покидаетъ ихъ, а оркестръ прерывистыми, стремительными тріолями выражаетъ ея бѣгство. Робертъ остается съ Бертрамомъ, жалуется ему на жестокость своей судьбы,—ему, намѣренному виновнику всѣхъ его бѣдствій! Бертрамъ, слѣдуя своему давно обдуманному плану, совѣтуетъ ему подражать сопернику (принцу гренадскому), о которомъ напоминаетъ ему мотивомъ марша во 2-мъ актѣ (нотный примѣръ) и убѣждаетъ его идти въ развалины замка Розаліи, и тамъ съ гробницы ея похитить волшебную вѣтвь. Колебанія Роберта, настаиванія Бертрама, наконецъ, пылкая рѣшимость Роберта—представляютъ прекрасныя фазы блестящаго дуо, котораго главный бравурный мотивъ всѣмъ слишкомъ знакомъ. Вотъ начинаются сцены въ таинственномъ замкѣ, — вѣнецъ третьяго акта, и point d'appui [1]) всѣхъ порицателей „Роберта" Мейерберова, т. е. какъ будто знаменитость этой оперы вся основана на танцахъ полунагихъ воскреснувшихъ монахинь!! Quelle pitié! [2]) Но, Богъ съ ними, съ такими критиками. La scène d'évocation—сцена весьма важная, это одинъ изъ главныхъ моментовъ во всемъ твореніи Мейербера: онъ для того и выстроилъ на немъ увертюру. Здѣсь Бертрамъ величественъ,—grandiose et pathétique это его торжество. И какая счастливая мысль въ музыкѣ! На слѣдующую затѣмъ процессію монахинь также много обрушивалось укорительныхъ возгласовъ: „такая-ли должна быть настоящая музыка! что это за странная инструментовка!" [3]) Но эта сцена прелестна именно своею оригинальностью, она эфектна до-нельзя, и, можетъ быть, въ этомъ находятъ ея недостатокъ, т. е. qu'elle était trop saillante pour ne pas attirer l'électricité de la critique [4])! Но вотъ магически-повелительный голосъ Бертрама превращаетъ собравшійся около него сонмъ безжизненныхъ монахинь въ пламенныхъ вакханокъ. Свѣточи сами собою загараются, и начинается вакханалія. Какой разгулъ для Мейербера! за то онъ тутъ разсыпалъ всѣ эфекты самой блестящей инструментовки, какъ въ торжественномъ фейерверкѣ разсыпаются снопы ракетъ! Мотивъ перебѣгаетъ отъ флажолета къ контръбасамъ, извивается въ лепетаніи флейтъ и завываніяхъ скрипокъ. Какъ шуменъ и какъ буйно веселъ вальсообразный мотивъ финальнаго кордебалета! Но вотъ является Робертъ, нимфы прячутся—и соло віо-

---

[1]) Точка опоры.

[2]) Какая жалость!

[3]) Всѣ вычисленные здѣсь упреки Мейерберу встрѣчаются у Шиллинга въ біографіи Мейербера. **В. С.**

[4]) Она столько выдается, что не могла не привлечь электричество критики.

лончеля располагаетъ слушателя къ тихой мечтательности. Робертъ прекраснымъ мотивомъ восхваляетъ талисманъ, для котораго онъ пришелъ въ это страшное убѣжище,—подходитъ къ вѣтви—узнаетъ ликъ своей матери и колеблется. Начинаются искушенія: Le vin, le jeu, le belles [1]), трилогія эпикурейства (которая выражена, между прочимъ, и въ хорѣ „Allegro bachique" въ самомъ началѣ оперы). Обольщенія дѣйствительно опасныя — особенно послѣднее, не правда-ли? Такъ, я думаю, всякій изъ насъ мыслитъ, и въ Робертѣ это схвачено. Юноша-Робертъ не сдается ни на первое, ни на второе искушеніе, но при третьемъ (замѣть, по времени самомъ короткомъ) онъ не властенъ въ себѣ! Адъ торжествуетъ. Музыка ведена съ такимъ же знаніемъ, какъ и сюжетъ. Мотивы перваго обольщенія и втораго прекрасны, пріятны, но всякій забудетъ о нихъ при третьемъ, который дышетъ какою-то пластическою нѣгой—и онъ предоставленъ віолончели!! Кажется, камень—и тотъ растаетъ при этихъ звукахъ! А между тѣмъ есть люди, которые отыскиваютъ: изъ какой старой сонаты выкраденъ этотъ мотивъ! Pecora, non homines [2])! Третій актъ кончается шумнымъ, вполнѣ адскимъ хоромъ. Пока довольно.

Сообщ. **В. В. Стасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вино, игра, женщины.
[2]) Скоты, а не люди.

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ,

разсказъ гравера, академика Л. А. Сѣрякова.

1824—1875.

III [1]).

Служба въ писаряхъ. — Поступленіе въ топографы. — Первыя гравюры на деревѣ. — Кн. В. Ѳ. Одоевской. — Н. В. Кукольникъ. — Опредѣленіе въ академію художествъ.

1843—1847.

По прибытіи въ Петербургъ, я прежде всего явился въ канцелярію при аракчеевскихъ казармахъ; потомъ, черезъ три дня, меня отправили отсюда въ департаментъ военныхъ поселеній, помѣщавшійся на углу Кирочной улицы и Литейнаго проспекта, гдѣ теперь главное казначейство, а на мѣстѣ нынѣшней военной гимназіи жилъ директоръ департамента, Клейнмихель. Команда департамента помѣщалась въ домѣ Лисицына, у Спаса Преображенія.

Помѣщеніе тутъ было тѣсное: кровать у кровати стояла. Нѣсколько мѣсяцевъ я долженъ былъ валяться на полу, пока откроется вакансія на кровать. На ночь облекался я въ старый татарскій халатъ, разстилалъ на полу шинель, подъ голову клалъ мѣшокъ и ложился спать. Бывало, писаря смѣются надо мной:

— Вотъ псковскія мощи явились.

Жалованье писарю полагалось, кажется, 1 руб. 80 коп. въ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 161—184.

треть; изъ этихъ денегъ вычитали въ артель, на улучшеніе пищи, 1 р. 20 к., такъ что приходилось на руки всего только 60 к. А я все-таки былъ избалованъ во Псковѣ: пилъ чай, кофе, и тутъ того же хотѣлось.

Писарскія занятія въ канцеляріи начинались въ 8 часовъ утра и кончались въ 3 пополудни. Послѣ этого я былъ свободенъ и могъ заниматься чѣмъ угодно.

У меня развилась страсть къ чтенію и рисованію: читалъ я Марлинскаго, Лермонтова и др. авторовъ; «Героя нашего времени» я прочелъ еще во Псковѣ, «Евгенія Онѣгина» зналъ наизусть. Книги доставляли мнѣ знакомые писаря, которые были бо̀льшею частію люди читающіе, хотя читали безъ всякаго разбору — что попадало подъ руку. У насъ были даже два поэта: писарь Бяшковъ и топографъ Воскресенскій. Особенно выдавался послѣдній: онъ много читалъ и писалъ довольно удачные сатирическіе стихи, за которые однажды досталось ему изрядно. Былъ у насъ начальникъ канцеляріи князь Шаховской, человѣкъ грубый и мало образованный. Воскресенскій написалъ на него сатиру. Стихи эти въ рукописи ходили по рукамъ; начальство провѣдало, добралось до автора и изъ топографа разжаловало въ сторожа при департаментѣ. Онъ продолжалъ заниматься своимъ топографскимъ дѣломъ, только въ шинели сторожа. Кончилось, впрочемъ, довольно благополучно: черезъ два года его опять произвели въ топографы, хотя и безъ зачета двухъ лѣтъ. Когда Клейнмихель перешелъ въ министерство путей сообщенія, то Воскресенскаго взялъ съ собою, и затѣмъ я потерялъ его изъ виду.

Въ свободное отъ канцелярскихъ занятій время я занимался чтеніемъ и рисованіемъ. Такъ какъ у меня былъ красивый почеркъ, то мнѣ поручалась переписка всеподданнѣйшихъ докладовъ; доклады эти были нерѣдко спѣшные, поэтому зачастую просиживалъ я за перепиской ихъ ночи напролетъ.

Труда я не боялся, но горе то, что вовсе не имѣлъ деньжонокъ; доходило до того, что нечѣмъ было платить прачкѣ за мытье бѣлья. Приходилось самому его мыть, что я и дѣлалъ въ преображенскихъ баняхъ, а такъ какъ сушить было негдѣ, то на ночь я подстилалъ его подъ себя: къ утру оно и высыхало.

Одѣвался я какъ всѣ военные писаря. Начальство говорило намъ всѣмъ «ты», но обращалось вообще довольно вѣжливо.

Однажды, въ августѣ 1845 г., я былъ назначенъ дежурнымъ въ нашей канцеляріи по отдѣленію военно-учебныхъ заведеній.

Ночью, чтобы не заснуть, я взялъ огромный листъ бумаги и началъ чертить перомъ какой-то аллегорическій рисунокъ и бойко его набросалъ. Въ это время проходилъ черезъ наше отдѣленіе начальникъ топографовъ, полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, и замѣтивъ, что какой-то писарь лежитъ во весь ростъ на столѣ и что-то чертитъ, изъ любопытства подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Рисую кое-что, ваше высокоблагородіе, чтобы не заснуть.

— Очень хорошо, очень хорошо, разсматривая рисунокъ говорилъ Поповъ, — ты гдѣ обучался?

— Въ Псковскомъ полубаталіонѣ былъ учителемъ, потомъ переведенъ въ писаря.

— Да помилуй, у меня нѣтъ ни одного топографа, который бы такъ чертилъ.

Поповъ свернулъ листъ и пошелъ съ нимъ къ директору.

Возвратившись оттуда, онъ сказалъ мнѣ:

— Завтра съ этимъ листомъ явись въ чертежную; ты будешь топографомъ.

Въ чертежной мнѣ приказали, чтобы я въ два мѣсяца приготовился и сдалъ экзаменъ на топографа.

Доставши лекціи изъ генеральнаго штаба, я началъ зубрить ихъ и въ назначенный срокъ выдержалъ экзаменъ. Меня зачислили въ топографы.

Въ 1846 г. хотя я и продолжалъ жить въ домѣ Лисицына, гдѣ помѣщались топографы, но перебрался изъ 4-го этажа въ 3-й. Въ это время изъ Пскова пріѣхала ко мнѣ матушка. Мнѣ не хотѣлось отпускать ее въ услуженіе, а содержать было нечѣмъ. И вотъ задумалъ я отыскать себѣ какое-нибудь занятіе или мѣсто, если не завѣдывающаго домомъ, то хотя дворника: все-таки квартира, т. е. комната, была бы готовая. Съ этою цѣлію отправился я на Пески и случайно зашелъ въ домъ Змѣева, противъ прудковъ. Тутъ мнѣ сообщили, что дворникъ этого дома отправляется въ деревню. Я немедля отправился къ хозяину дома

и предложилъ принять меня въ дворники на убылое мѣсто. Тотъ посмотрѣлъ на меня подозрительно; должно быть, его смущала моя молодость и мой костюмъ топографа. Потомъ, когда увидѣлъ, что я не шучу, а говорю серьезно, согласился принять меня въ дворники, конечно, безъ жалованья, изъ одной квартиры, т. е. за отведенный мнѣ въ подвалѣ чуланъ.

— А въ чемъ будетъ состоять моя должность? спросилъ я.

— Сходить въ кварталъ, вымести улицу, дворъ, посмотрѣть есть-ли вода въ кадкахъ, что на деревянныхъ крышахъ. Для жильцовъ воду привозитъ водовозъ, а дрова жильцы (народъ былъ бѣдный) носятъ сами.

Такимъ образомъ сдѣлался я дворникомъ и, поселившись съ матушкой въ подвалѣ, старательно исправлялъ свою должность 8 мѣсяцевъ. Въ этомъ же домѣ жили хорошенькія фельдъегерскія дочки; мнѣ ужасно было совѣстно, что онѣ видятъ, какъ я мету дворъ или улицу; поэтому принаравливался я исполнять это дѣло пораньше, когда барышни еще спали. Онѣ вставали, какъ мнѣ было извѣстно, въ 8 часовъ, а къ этому времени у меня уже все было готово и я отправлялся въ кварталъ. По возвращеніи оттуда, уходилъ я на службу по званію топографа.

Въ это время однажды попался мнѣ листокъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія «Тысяча одна ночь», въ которомъ было что-то завернуто. Въ листкѣ этомъ я обратилъ вниманіе на рисунокъ, политипажъ, помѣщенный среди шрифта. Занялъ меня вопросъ, какимъ это образомъ умѣютъ рисунки помѣщать и печатать одновременно съ типографскимъ шрифтомъ. Я зналъ, что у насъ въ департаментѣ военныхъ поселеній литографія печатаетъ гравюры и рисунки на камнѣ, но безъ типографскаго шрифта, а на французскомъ листкѣ рисунокъ былъ имъ окруженъ. Догадался я, что въ рисункѣ каждая линія дѣлается на доскѣ рельефомъ, точно такъ, какъ типографскія буквы, и что, такимъ образомъ, этотъ рисунокъ печатается вмѣстѣ съ наборомъ.

Все еще исполняя должность дворника, я, въ часъ досуга, взялъ кусокъ березоваго дерева и сталъ на немъ вырѣзать какой-то чертежикъ или рисунокъ; дерево однако оказалось очень пористое, рѣзать ножемъ было трудно, дѣло выходило плохо. Тогда я отправился въ гостинный дворъ узнать: не берутъ-ли какого особаго дерева для рѣзьбы рисунковъ? Въ лавкѣ, гдѣ

продавали разное дерево для мебельнаго и вообще столярнаго дѣла, мнѣ сказали, что есть столяръ, который приготовляетъ дощечки для рѣзьбы на нихъ рисунковъ. Я спросилъ, что же стоитъ это дерево? Мнѣ отвѣтили, что продается на вѣсъ по 10 к. за фунтъ. Заплативъ за обрубокъ предложеннаго мнѣ дерева 2 руб., я тутъ же узналъ имя и адресъ столяра, приготовляющаго дощечки, и отправился къ нему, чтобы онъ изъ купленнаго мною полѣна сдѣлалъ дощечки для гравированія.

Столяръ этотъ былъ Вагнеръ, который въ то время одинъ только во всемъ Петербургѣ приготовлялъ доски для гравированія. (Впрочемъ, и теперь всего двое: тотъ же Вагнеръ и Миллеръ).

Вагнеръ посмотрѣлъ на купленное мною полѣно и нашелъ, что оно никуда не годится, такъ какъ было сучковато и сыро; если его высушить, то все растрескается.

— А вамъ для чего?—спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что хочу гравировать.

— Такъ вотъ у меня есть для этого дощечки, приготовленныя какъ слѣдуетъ, возьмите.

Вагнеръ оказался хорошимъ человѣкомъ и прекраснымъ мастеромъ; я съ нимъ знакомъ и до сихъ поръ. Онъ нерѣдко потомъ говаривалъ:

— Ахъ, г. Сѣряковъ, теперь вы академикъ, пользуетесь извѣстностью, заработываете хорошія деньги, а я, по прежнему, тотъ же бѣдный столяръ!

Взялъ я у него предложенныя дощечки, заплатилъ за нихъ и отправился къ себѣ въ дворницкую гравировать. Конечно, мнѣ слѣдовало бы разузнать, кто занимается этимъ дѣломъ и посовѣтоваться; такъ нѣтъ, у меня самоувѣренность такая была, что-де сдѣлаю самъ, безъ всякихъ постороннихъ указаній! Ну и засѣлъ за работу..... съ перочиннымъ ножикомъ въ рукѣ.

Одинъ изъ военныхъ писарей, нѣкто Антоновъ, занимался нѣкогда перепиской у баснописца Крылова и здѣсь познакомился съ Крашенинниковымъ, который былъ прикащикомъ у книгопродавца Смирдина. Зная, что Антоновъ изъ департамента военныхъ поселеній, гдѣ есть топографы, Крашенинниковъ однажды спросилъ у него, нѣтъ-ли у нихъ гравера, чтобы сдѣлать картинки для одной книжки? Антоновъ указалъ на меня.

Я пошелъ въ магазинъ Смирдина и встрѣтился тутъ съ однимъ учителемъ, г. Студицкимъ, который и заказалъ мнѣ 15 рисунковъ для дѣтской книжки: «Путешествіе вокругъ свѣта», съ платою по 3 руб. за рисунокъ. Рисунки были довольно разнообразны: «С. Бернардская собака», «Римъ», «Площадь въ Римѣ», «Соборъ св. Петра», «Пантеонъ въ Парижѣ», разныя зданія въ Берлинѣ и т. д.

Вовсе не зная, какъ рѣжутъ гравюры, принялся я смѣло за работу. Первый рисунокъ выполнилъ — «Площадь въ Римѣ». Чрезвычайно было трудно дѣлать каждый штрихъ рельефомъ при помощи одного лишь перочиннаго ножа. Рисунокъ оттиснули мнѣ въ типографіи военныхъ поселеній и я понесъ его къ г. Студицкому. Отдавая гравюру, я сказалъ, что больше продолжать не буду, такъ какъ эта работа чрезвычайно трудна и 3 руб. плата слишкомъ дешевая.

— Ну, я вамъ дамъ по 5 р., только продолжайте, — сказалъ г. Студицкій.

Такое условіе мнѣ показалось выгоднымъ и я рѣшился продолжать работу. Каждый маленькій рисунокъ рѣзалъ я по нѣскольку дней, съ чрезвычайными усиліями и тѣмъ не менѣе сдѣлалъ всѣ 15 штукъ и получилъ за нихъ деньги — первый заработокъ за гравированіе на деревѣ[1]).

Это было тридцать лѣтъ тому назадъ.

Въ 1847 году, однажды, выходя изъ должности, я встрѣтилъ на улицѣ ливрейнаго лакея, который розыскивалъ топографа. Узнавши, что я топографъ, лакей пригласилъ меня съ собою и мы отправились съ нимъ къ князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому, жившему тогда на углу Бассейной улицы и Литейнаго проспекта, гдѣ теперь домъ А. А. Краевскаго. Князя Одоевскаго я, конечно, тогда вовсе не зналъ, но съ удовольствіемъ читалъ его сочиненія.

Князь попросилъ меня сдѣлать планъ его имѣнія, находив-

[1]) Недавно, года три тому назадъ, нѣкто г. Марковъ, имѣвшій свою типографію, познакомился съ г. Студицкимъ и разсказывалъ ему про меня.

— Да помилуйте, сказалъ Студицкій, — это тотъ самый Сѣряковъ, который самую первую свою работу дѣлалъ для меня и дѣлалъ перочиннымъ ножикомъ.

Г. Студицкій далъ Маркову гравюры, мною рѣзанныя, и тотъ, отпечатавъ ихъ, подарилъ мнѣ первый опытъ мой въ гравированіи. **Л. С.**

шагося около Нарвы. У него имѣлся брульонъ, съ котораго и требовалось сдѣлать топографическій планъ; князь далъ мнѣ свой гербъ для помѣщенія на планѣ и объясненіе знаковъ. Все это я взялъ, сдѣлалъ планъ и чрезъ нѣсколько времени принесъ его князю.

Одоевскій остался доволенъ моей работой: на планѣ все было сдѣлано ясно и отчетливо.

— Все это прекрасно, — сказалъ князь; — но зачѣмъ вы задавали себѣ трудъ гравировать мой гербъ и объясненіе знаковъ?

— Это не гравировано, а начерчено перомъ, объяснилъ я.

Князь очень удивился и сказалъ:

— Прекрасно, изъ васъ вышелъ бы хорошій граверъ!

— Да, я гравирую на деревѣ.

— Неужели на деревѣ? удивленно спросилъ князь; — покажите-ка, пожалуйста; непремѣнно завтра же принесите! Княгиня, посмотри: г. Сѣряковъ гравируетъ на деревѣ! Да вѣдь я заказываю всѣ рисунки для «Дѣдушки Иринея» за границей. У насъ вовсе нѣтъ граверовъ на деревѣ въ Россіи! Вѣдь вы совершенная находка [1])!

На другой день, послѣ должности, я принесъ князю всѣ тѣ рисунки, которые сдѣлалъ перочиннымъ ножемъ. Князь былъ въ восхищеніи. Княгиня, женщина чрезвычайно добрая, обласкала меня и, обращаясь къ князю, сказала:

— Вотъ, князь, не посылай за границу, а заказывай ему; да познакомь его съ кѣмъ-нибудь. Нужно рекомендовать его гр. Соллогубу, Булгарину, Кукольнику и другимъ литераторамъ.

Князь тотчасъ же написалъ рекомендательныя письма, которыя я взялъ, и прежде всего отправился къ Нестору Васильевичу Кукольнику, жившему тогда на Гороховой улицѣ, въ домѣ Домонтовича.

Кукольникъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и тутъ же далъ мнѣ работу для издаваемой имъ «Иллюстраціи». Съ этого времени я началъ работать для этого изданія, аккуратно получая плату.

---

[1]) Въ это время въ Петербургѣ занимались гравированіемъ на деревѣ только три лица: баронъ Клодтъ, баронъ Нетельгорстъ и Дерикеръ (братъ извѣстнаго нынѣ доктора-гомеопата). Л. С.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ кн. Одоевскимъ и Кукольникомъ, я какъ-то сообщилъ имъ, что на деревѣ рѣжу перочиннымъ ножомъ. Одоевскій посовѣтовалъ мнѣ сходить къ барону Клодту, который также занимался гравированіемъ на деревѣ. Я сначала намѣревался воспользоваться этимъ совѣтомъ, но потомъ раздумалъ.

— Мнѣ-ли, топографу, идти къ барону Клодту! — размышлялъ я — да онъ меня и въ переднюю-то не пуститъ, а не только что покажетъ что-нибудь.

Такъ и не пошелъ[1]).

Кукольникъ же, узнавши, что я рѣжу перочиннымъ ножемъ, сообщилъ мнѣ, что это дѣлается вовсе не простымъ ножемъ, а существуютъ для того особые инструменты, которые онъ для меня и выписалъ.

Спустя двѣ недѣли, когда я взялъ эти инструменты въ руки, мнѣ показалось, что я уже 10 лѣтъ работалъ ими — такъ легки и удобны показались они мнѣ для гравированія послѣ перочиннаго ножа.

При тогдашнемъ печатаніи и скверной бумагѣ, мои рисунки выходили все-таки одни изъ лучшихъ. Рисовали въ то время на деревѣ Жуковскій, Борель и немногіе другіе.

У Кукольника встрѣчалъ я много тогдашнихъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ, какъ напримѣръ: Ѳ. В. Булгарина, гр. В. А. Соллогуба, М. И. Глинку, П. А. Каратыгина, К. П. Брюлова, Бруни, — однимъ словомъ, я вошелъ въ артистическій и литературный кружки.

Булгаринъ нѣсколько разъ писалъ обо мнѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и очень хвалилъ, увѣряя, что мой талантъ обѣщаетъ многое, что меня ожидаетъ блестящая будущность и т. п.

Вѣроятно, эти лестные отзывы были причиною того, что начальникъ нашъ, полковникъ Поповъ, позволилъ мнѣ не ходить по суботамъ въ должность и уходить со службы во всякое время, тогда какъ другимъ не позволялось выходить изъ воротъ департамента ранѣе 3-хъ часовъ. Кромѣ того, другіе должны были

---

[1]) Въ послѣдствіи, когда я познакомился съ барономъ Клодтомъ, мнѣ пришлось убѣдиться въ совершенной невѣрности подобныхъ соображеній. Я встрѣтилъ въ немъ превосходнаго, вполнѣ образованнаго и весьма обязательнаго человѣка. Л. С.

являться на службу не иначе, какъ въ мундирахъ, а я могъ приходить въ шинели.

Кукольникъ однажды сказалъ мнѣ:

— По мнѣнію многихъ лицъ, видѣвшихъ твои работы, тебѣ бы надо поучиться рисовать,— попробовать ходить въ академію. Совсѣмъ бы другое дѣло было; у тебя техника есть, но недостаетъ рисунка.

— Какъ же мнѣ ходить въ академію,— сказалъ я,— вѣдь вы видите, я нижній чинъ.

— Можно попросить, разрѣшатъ!—замѣтилъ Кукольникъ.

На другой день я заявилъ Попову, что желалъ бы учиться рисованію въ академіи художествъ; такъ какъ съ 3-хъ часовъ мнѣ предоставлено заниматься чѣмъ угодно, а классы рисованія въ академіи начинались съ 5-ти и продолжались до 7-ми часовъ вечера, слѣдовательно, ущерба для служебныхъ занятій не будетъ никакого. Въ виду столь основательнаго довода, Поповъ согласился доложить объ этомъ директору, барону Николаю Ивановичу Корфу; написалъ докладную записку и отправился. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился сильно смущенный и передалъ мнѣ, что директоръ очень на него разсердился за такое ходатайство и строжайше воспретилъ отпускать меня для занятій въ академію.

Лишь только Поповъ успѣлъ мнѣ сообщить это, какъ прибѣжалъ курьеръ съ требованіемъ меня къ директору. Я пришелъ въ аракчеевскій домъ, на Литейной, гдѣ нынѣ 3-я военная гимназія. Въ этомъ домѣ жилъ баронъ Н. И. Корфъ. Придя, я остановился въ прихожей. Чрезъ отворенную дверь я увидѣлъ, что директоръ, въ конно-артиллерійской парадной формѣ, ходитъ съ нетерпѣніемъ по комнатѣ и какъ-будто кого-то ждетъ. Замѣтивъ меня, онъ крикнулъ:

— Поди-ка ты сюда!

Уже по тону голоса я предчувствовалъ, что будетъ что-нибудь недоброе. Подошелъ я по всѣмъ правиламъ шагистики; генералъ съ головы до ногъ окинулъ меня взглядомъ и закричалъ:

— Солдатъ! съ чего ты взялъ идти въ академію?! Да ты знаешь-ли: я сейчасъ же прикажу съ тебя галуны спороть и въ арестантскія роты! Да какъ ты осмѣлился это задумать!

Посмотрѣлъ на меня еще разъ и выгналъ вонъ.

Не берусь передать, что со мною въ это время было; я чувствовалъ, что вся кровь хлынула мнѣ въ голову, въ глазахъ позеленѣло; у меня тряслись руки и ноги; я сознавалъ глубоко нанесенную мнѣ обиду, ничѣмъ незаслуженную и вмѣстѣ съ тѣмъ весь ужасъ могущей постигнуть меня участи отъ произвола и каприза самаго дюжиннаго генерала, какимъ и былъ, нынѣ покойный, баронъ Н. И. Корфъ.

Въ тотъ же день отправился я къ Кукольнику и разсказалъ ему о рѣшеніи директоромъ моей просьбы.

Кукольникъ весьма близко принялъ къ сердцу мое положеніе.

— Не ожидалъ я такого грубаго невѣжества, говорилъ Кукольникъ,—и отъ кого же—отъ барона Н. И. Корфа, а вѣдь онъ считается еще довольно образованнымъ человѣкомъ! Чего же ждать отъ другихъ нашихъ командировъ. Впрочемъ, не безпокойся, не тужи: какъ-нибудь да уладимъ дѣло.

Несторъ Васильевичъ взялъ лоскутокъ почтовой бумаги и тутъ же написалъ маленькую докладную записку о томъ, что, занимаясь изданіемъ «Иллюстраціи» съ 1845 года, онъ имѣетъ нѣсколькихъ граверовъ, которые работаютъ для этого изданія, и въ томъ числѣ гравера—топографа, роты № 9-й, Лаврентія Сѣрякова, которому, если бы дозволено было посѣщать классы Императорской академіи художествъ, то онъ могъ бы сдѣлаться, по мнѣнію людей свѣдущихъ, хорошимъ художникомъ.

Написавши это, Несторъ Васильевичъ положилъ записку въ портфель.

Это было въ среду, а по четвергамъ Кукольникъ долженъ былъ являться съ докладомъ къ военному министру Александру Ивановичу Чернышеву. Надобно замѣтить, что Кукольникъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ.

Въ этотъ докладной для Кукольника день я со службы не пошелъ къ нему, а отправился домой. Отъ должности дворника я отказался уже давно и нанималъ маленькую квартирку въ Озерномъ переулкѣ, близь Песковъ. Заработки мои простирались въ это время отъ 50 до 70 руб. въ мѣсяцъ.

Кромѣ работъ для «Иллюстраціи» Кукольника, я занимался еще перепиской отчетовъ одного чиновника, служившаго въ почтовомъ департаментѣ. Почтовый департаментъ посылалъ этого чиновника узнавать по губерніямъ о состояніи дорогъ, мостовъ, почтовыхъ станцій и проч.; о результатахъ своего обозрѣнія

онъ составлялъ отчеты листовъ въ 150 или въ 200; я переписывалъ ихъ по 20 к. за листъ.

И такъ, въ четвергъ я пришелъ домой и сѣлъ обѣдать. Въ это время прискакалъ ко мнѣ,— на курьерской парѣ, одной изъ тѣхъ, что обыкновенно стоятъ на дворѣ у министра,— племянникъ Кукольника, Илья Алексѣевичъ Пузыревскій, и говоритъ:

— Поѣдемъ сейчасъ же со мной, пàпа [1]) тебя зоветъ, дѣло очень важное!

Мы пріѣхали къ Кукольнику. Несторъ Васильевичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и поцѣлуями:

— Поздравляю, поздравляю, ты—въ академіи!

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ это случилось. По окончаніи доклада военному министру, Кукольникъ прочелъ записочку обо мнѣ. Чернышевъ, даже не дослушавъ ея до конца, сказалъ:

— Мнѣ некогда; я ѣду къ государю; положи записку въ портфель, я доложу объ этомъ его величеству.

Часа два спустя, военный министръ возвратился отъ государя, и сказалъ Кукольнику:

— Твой протеже въ академіи.

На лоскуткѣ бумажки, написанной наканунѣ Кукольникомъ, государь написалъ карандашомъ: «согласенъ». Не выходя изъ канцеляріи министра, Кукольникъ послалъ барону Корфу предписаніе: по высочайшему повелѣнію, топографа Сѣрякова, со всѣми бумагами и свѣдѣніями о немъ, немедля отправить въ академію художествъ.

Послѣ этого я не видалъ барона Корфа; но мнѣ передавали, что, получивъ этотъ приказъ, онъ совершенно растерялся и прежде всего сталъ распрашивать полковника Попова и другихъ, чтò за человѣкъ Сѣряковъ, не побочный-ли онъ сынъ какого-нибудь высокопоставленнаго лица? какія у него связи? чтò и почему о немъ такъ хлопочетъ министръ Чернышевъ?

---

[1]) Кукольника называли папою, кажется, Піемъ X, потому что онъ былъ толстый, необыкновеннаго роста и носилъ войлочную шапку, на подобіе папской тіары. Кстати скажу еще нѣсколько словъ о Кукольникѣ. Это былъ человѣкъ прекрасно образованный, отличный музыкантъ (игралъ на фортепьяно), искренній любитель и знатокъ литературы и искусствъ; извѣстно, что нѣкоторыя его литературныя произведенія имѣли въ свое время заслуженный, довольно большой успѣхъ. Сердца онъ былъ добраго и всегда готовъ услужить. Онъ умеръ въ Таганрогѣ, въ концѣ 1860-хъ годовъ. Л. С.

Упомянутое предписаніе такъ ошеломило Корфа, что у него разлилась желчь.

Высочайшее повелѣніе было немедля исполнено.

Такимъ образомъ, въ 1847 году, волею покойнаго государя Николая Павловича, я былъ опредѣленъ въ академію художествъ, оставаясь при этомъ топографомъ, съ полученіемъ казеннаго провіанта и обмундированія.

IV.

Въ академіи художествъ.—Баронъ Клодтъ.—Прекращеніе «Иллюстраціи» Кукольника. — А. П. Бащуцкій. — Работы мои на званія свободнаго художника и академика.

1847—1858.

Академію художествъ я посѣщалъ усердно и занимался прилежно. При поступленіи мнѣ было 23 года.

Въ академіи читались тогда только анатомія, теорія изящныхъ искусствъ и архитектура; разумѣется, рисованіе составляло главный предметъ обученія. Всѣхъ художественныхъ классовъ было шесть: два оригинальныхъ, два гипсовыхъ, одинъ натурный и одинъ этюдный. Я поступилъ въ первый классъ, т. е. въ оригинальныя головы, чтобы пройти весь положенный въ академіи курсъ съ начала до конца. Скоро за первую голову получилъ я 2-й №, а за вторую № 1-й; не дожидаясь третьей, меня, черезъ два мѣсяца, перевели въ слѣдующій классъ.

Полученіе №№ вотъ что означало: классы раздѣлялись на утренніе, отъ 9-ти до 11-ти часовъ, и вечерніе, отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Въ теченіе утреннихъ классовъ каждый занимался своею спеціальностію, а вечеромъ всѣ, кто бы въ какомъ классѣ ни былъ, рисовали французскимъ карандашомъ. По истеченіи мѣсяца, рисунки выставлялись въ классахъ на разсмотрѣніе профессоровъ; это было что-то въ родѣ экзамена. Кромѣ того, каждую недѣлю выставлялись фигуры, гипсовыя головы, по отношенію къ которымъ требовалось, чтобы контуры съ нихъ дѣлались бы самые вѣрные, хотя бы тушевка при этомъ и не была окончена. На мѣсячныя разсмотрѣнія, или экзаменъ, эти недѣльныя работы могли не представляться учениками, такъ какъ ихъ разсматривалъ профессоръ въ теченіе недѣли; но нѣкоторыя работы, исклю-

чительно приготовляемыя для мѣсячнаго экзамена, уже выставлялись къ назначенному сроку непремѣнно.

Послѣ мѣсяца совѣтъ профессоровъ обходилъ всѣ классы и, напримѣръ, въ классѣ гипсовыхъ головъ разсматривалъ, которая изъ головъ лучше всѣхъ нарисована—эта и будетъ № 1-й; затѣмъ, слѣдующая по достоинству—№ 2-й и т. д. Разумѣется, при этомъ не обходилось дѣло безъ препирательствъ между профессорами, такъ какъ одинъ изъ нихъ находилъ лучшимъ тотъ рисунокъ, а другой доказывалъ противное, защищая имъ отличенный рисунокъ; въ этихъ случаяхъ споръ разрѣшался вице-президентомъ академіи. Такъ какъ фамиліи учениковъ обыкновенно выставлялись на рисункахъ, то при оцѣнкѣ достоинствъ послѣднихъ могло быть пристрастіе со стороны профессоровъ, но къ чести ихъ нужно сказать, что этого почти никогда не случалось. При такихъ-то мѣсячныхъ экзаменахъ я никогда не получалъ за свои работы ниже 6-го №, тогда какъ въ классѣ находилось болѣе ста человѣкъ. Затѣмъ тотъ, кто получалъ № изъ 1-го десятка, переводился на предстоящую треть въ слѣдующій классъ, но, разумѣется, иные сидѣли въ одномъ классѣ года по два и по три.

И такъ, вскорѣ послѣ моего поступленія въ академію я переведенъ былъ въ слѣдующій классъ, а черезъ мѣсяцъ—въ классъ гипсовыя головы.

Трудно и не безъ лишеній доставались мнѣ эти занятія въ академіи. Вставалъ я рано, и такъ какъ дилижансовъ въ то время еще не было, то пѣшкомъ отправлялся изъ Озернаго переулка на Васильевскій островъ—въ академію. Въ 12-мъ часу приходилъ домой и занимался гравированіемъ для «Иллюстраціи»—чѣмъ и кормился,—а къ 5-ти часамъ былъ опять въ академіи. Возвратившись оттуда, нерѣдко въ грязь, въ слякоть, принимался опять за гравированіе—вѣдь надо же было чѣмъ-нибудь существовать съ матушкой—и работалъ часовъ до 2-хъ или 3-хъ, а иногда и цѣлую ночь. Послѣдніе случаи особенно памятны для меня. Отъ скуки, для отдыха, поигрывалъ я на гитарѣ. Бывало, давно уже наступитъ утро, а я все еще не кончалъ своей работы. Матушка спитъ, мнѣ хочется чаю. Чтобы разбудить ее, я бралъ гитару и, подойдя къ ея постели, начиналъ потихоньку играть. Матушка просыпалась, узнавала, что я вовсе

не ложился спать, и заботилась о приготовленіи чая, такъ какъ мнѣ скоро надо было идти въ академію.

Такъ проходилъ день за днемъ. Однажды пришелъ ко мнѣ Илья Алек. Пузыревскій съ приглашеніемъ немедленно явиться къ Кукольнику. Послѣдній объявилъ мнѣ, что государь императоръ спрашивалъ у Чернышева о моихъ занятіяхъ по академіи. Удивительная черта! У государя столько дѣлъ было первостепенной важности и вдругъ вспомнилъ о какомъ-то безвѣстномъ топографѣ. Министръ не зналъ, что отвѣтить государю и послалъ за Кукольникомъ, а этотъ—за мной.

— Представьте императору всѣ мои академическія работы, сказалъ я Кукольнику;—а вмѣстѣ съ тѣмъ я что-нибудь награвирую новенькое, военное,—чего не встрѣчалось еще ни въ какомъ изданіи.

Кукольникъ одобрилъ послѣднюю мысль.

Я отправился къ Ладурнеру, который состоялъ художникомъ при «Военной хроникѣ»; въ этомъ изданіи попадались недурные рисунки войска, такъ я надѣялся, что Ладурнеръ мнѣ поможетъ какими-нибудь указаніями или совѣтами; но надежда эта не оправдалась. Тогда я срисовалъ съ натуры солдата Кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ-офицера Преображенскаго полка, также въ полной формѣ, и солдата Семеновскаго полка въ походной формѣ; составилъ, такимъ образомъ, группу изъ трехъ лицъ; фигурки были небольшія, вершка по 4. Затѣмъ награвировалъ ихъ на деревѣ, отпечаталъ на бристольской бумагѣ и сдѣлалъ маленькій альбомъ изъ 15-ти рисунковъ. Кукольникъ передалъ этотъ альбомъ министру, а послѣдній отвезъ его государю. Его величество выразилъ совершенное удовольствіе относительно моихъ успѣховъ и прислалъ денежную награду. Я былъ очень тронутъ, конечно, не тѣмъ, что получилъ деньги, но мнѣ дорого было вниманіе государя, которому былъ обязанъ принятіемъ меня въ академію художествъ; для меня пріятно было сознаніе, что я, наконецъ, столь еще недавно солдатъ, безвѣстный писарь, затерянный въ толпѣ нижнихъ чиновъ, нынѣ что-нибудь да значу. Немедля отправился я къ Даціаро и, въ знакъ столь отрадной для меня памяти, купилъ литографированный портретъ государя императора, великолѣпно

сдѣланный на камнѣ художникомъ Смирновымъ съ рисунка Крюгера,—литографія была превосходная [1]).

Между тѣмъ по академіи занятія мои продолжались обычнымъ порядкомъ и не безъ успѣха. По рисункамъ я былъ настолько хорошъ, что профессора ставили меня въ образецъ другимъ. Рисовалъ я обыкновенно простымъ французскимъ карандашомъ и не слѣдовалъ рутинной методѣ выдѣлыванія штриховъ. Для меня главное было, чтобы свѣтъ и тѣни помѣщались на своемъ мѣстѣ, чтобы былъ схваченъ моментъ и какъ можно вѣрнѣе переданы фигуры. Я просто замазывалъ, затиралъ, но такъ, чтобы была видна лѣпка, и выходило довольно эфектно.

Въ это время, т. е. въ 1848 г., Кукольникъ уѣхалъ изъ Петербурга [2]) и передалъ «Иллюстрацію» Крылову, бывшему, кажется, воспитателемъ въ Петропавловской школѣ. Крыловъ сдѣлался издателемъ, а редакція перешла къ Александру Павловичу Башуцкому. Имъ, конечно, нужны были граверы.

Однажды я пришелъ къ Крашенинникову въ магазинъ, недавно имъ открытый, чтобы получить деньги за гравюры и встрѣтился тутъ съ г. Студицкимъ, который, равно какъ и Крыловъ, имѣли, кажется, участіе въ этомъ магазинѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ моего прихода вошелъ въ магазинъ какой-то адъютантъ съ аксельбантами и началъ говорить съ Студицкимъ объ «Иллюстраціи».

— Послѣдній №,—сказалъ адъютантъ,—очень хорошъ; особенно хороши «Холмогоры» Сѣрякова, просто прелесть. Кто это такой Сѣряковъ?

---

[1]) Смирновъ служилъ художникомъ при корпусѣ путей сообщенія и рисовалъ подъ руководствомъ литографа Пети; онъ былъ въ академіи художествъ, но недоучился; подъ конецъ своей жизни совершенно спился и умеръ года три тому назадъ въ крайней нищетѣ. Это былъ человѣкъ съ громаднымъ талантомъ, но, по слабости характера и воли, погибъ, какъ погибаютъ у насъ многіе таланты. **Л. С.**

[2]) Въ началѣ 1849 г., какъ видно изъ дѣла о Сѣряковѣ, хранящагося въ архивѣ академіи художествъ, почетн. вольный общникъ академіи Н. В. Кукольникъ прислалъ въ академію письмо, коимъ просилъ ее обратить вниманіе на работы Сѣрякова по части гравированія, и если онѣ заслужатъ одобреніе совѣта, то засвидѣтельствовать о томъ передъ его начальствомъ и тѣмъ поощрить его съ большимъ прилежаніемъ заниматься гравированіемъ на деревѣ. Какой былъ результатъ этого письма—изъ дѣла не видно. **Ред.**

— Граверъ; молодой человѣкъ еще,—отвѣчалъ г. Студицкій, взглянувши на меня.

— Я бы желалъ съ нимъ познакомиться.

— Такъ стоитъ только вамъ повернуться,—сказалъ г. Студицкій, и затѣмъ отрекомендовалъ насъ другъ другу.

Оказалось, что адъютантъ былъ баронъ Константинъ Карловичъ Клодтъ, къ которому, годъ тому назадъ, посылалъ меня кн. В. Ѳ. Одоевскій и къ которому я не рѣшился идти, полагая, что онъ бѣднаго топографа не пуститъ даже и въ переднюю.

Клодту было тогда лѣтъ подъ 40. Онъ познакомился со мной и сейчасъ же пригласилъ къ себѣ; мы отправились.

Тутъ-же я узналъ, что Башуцкій пригласилъ Клодта завѣдывать маленькою мастерскою, которую онъ хотѣлъ составить изъ граверовъ, находящихся въ Петербургѣ. Въ этомъ ателье принимали участіе Линкъ, Кюи (въ послѣдствіи фотографъ) и Бернардъ, довольно плохой, но въ то время, за недостаткомъ лучшихъ, имѣвшій значеніе художникъ.

Баронъ Клодтъ предложилъ мнѣ вступить въ ихъ компанію на такихъ условіяхъ: готовая квартира, освѣщеніе и плата 50 р. въ мѣсяцъ за занятія съ 9-ти часовъ утра до 8-ми вечера; затѣмъ, всѣмъ остальнымъ временемъ я могъ пользоваться по своему усмотрѣнію. За экстренныя работы для «Иллюстраціи» полагалась особая плата. Я согласился.

Матушку помѣстилъ я на квартирку въ Кузнечномъ переулкѣ, а самъ поселился на Стремянной, въ домѣ Гусева, гдѣ помѣщалась наша мастерская.

Баронъ Клодтъ получалъ квартиру и 60 руб. жалованья въ мѣсяцъ, я и Линкъ—по 50, Кюи—40, Бернардъ—30. При ателье находились ученики.

Здѣсь я познакомился съ нѣсколькими литераторами и художниками, между прочимъ, съ Петромъ Карловичемъ Клодтомъ, скульпторомъ, работѣ котораго принадлежатъ, между прочимъ, лошади на Аничковомъ мосту. Мы жили очень хорошо, весело; развлеченій множество. Бернардъ отлично игралъ на фортепьяно; подъ его музыку мы обыкновенно танцовали, составлялись литературные и художественные вечера.

Тутъ я нѣсколько увлекся работами для «Иллюстраціи»; по-

томъ сдѣлался боленъ тифомъ, вслѣдствіе чего и отсталъ отъ академіи, такъ что мѣсяцевъ восемь не посѣщалъ классовъ.

Такъ прошелъ 1848 годъ.

Въ слѣдующемъ году «Иллюстрація» пошла плохо; подписчиковъ у ней было очень мало. Намъ перестали исправно платить за работы, поднялся ропотъ.

А. П. Башуцкій велъ дѣло чрезвычайно безпорядочно. Сотрудниковъ у него не было, такъ какъ онъ не имѣлъ возможности платить имъ; всѣ отдѣлы въ «Иллюстраціи» писалъ онъ самъ, и при всемъ томъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Между тѣмъ у издателя Крылова возникъ по имѣнію процессъ тысячъ на 60; процессъ этотъ онъ проигралъ и вслѣдствіе того разорился.

Вскорѣ послѣ этого г. Башуцкій послѣ какого-то, особенно непріятнаго для него случая, оставилъ службу [1]).

Съ удаленіемъ Башуцкаго, прекратилось изданіе «Иллюстраціи». Хотя намъ, граверамъ, не доданы были деньги, но мы продолжали жить въ общей мастерской болѣе полугода, такъ какъ квартира снята была по контракту. (Квартира эта стоила тогда 800 руб., а теперь за нее платятъ 1,800). Затѣмъ я поселился съ матушкою и снова началъ посѣщать академію, гдѣ продолжалъ получать лучшіе нумера.

Такъ прошли 1850 и 1851 года.

Въ 1852 году мы съ барономъ Клодтомъ переѣхали на дачу въ Мурино. Въ это время я рѣшилъ не заниматься гравированіемъ на деревѣ, а идти по пейзажной живописи; поэтому цѣ-

---

[1]) Кстати передамъ нѣсколько припоминаній объ этой личности. Послѣ описаннаго случая Башуцкій поступилъ въ послушники, кажется, Сергіевскаго монастыря; здѣсь онъ пробылъ недолго и перебрался въ Кіевъ, гдѣ тоже что-то не поладилъ. Жена его поступила въ Тихвинскій монастырь.

Въ послѣдствіи, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, я встрѣчался съ Александромъ Павловичемъ Башуцкимъ; онъ мнѣ предложилъ гравировать какихъ-то святыхъ, но я отклонилъ отъ себя это предложеніе.

Я видѣлъ его года три тому назадъ въ полу-монашескомъ платьѣ, въ черной фуражкѣ съ козырькомъ, въ очкахъ и съ длинною сѣдою бородою; онъ, кажется, живъ и теперь.

А. П. Башуцкій былъ умный человѣкъ, владѣлъ перомъ и человѣкъ вообще многосторонне образованный и талантливый. Во время завѣдыванія имъ «Иллюстраціи» у него собирался блестящій кругъ; самъ онъ бывалъ при дворѣ. Если не ошибаюсь, онъ мнѣ разсказывалъ какъ-то, что въ дѣтствѣ онъ нерѣдко игралъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Л. С.

лое лѣто писалъ этюды съ натуры вмѣстѣ съ сыномъ барона, Михаиломъ Константиновичемъ Клодтомъ. Къ концу лѣта я очутился почти безъ денегъ. Это обстоятельство заставило меня крѣпко призадуматься надъ вопросомъ: продолжать-ли заниматься живописью, или опять заняться гравированіемъ? Я соображалъ, что граверовъ на деревѣ у насъ мало и при томъ всѣ они крайне плохи; между тѣмъ это гравированіе, какъ искусство, можно поставить на высокую степень совершенства. Я бросилъ живопись и снова принялся за гравированіе съ такихъ оригиналовъ, каковы произведенія знаменитыхъ граверовъ: Одранъ, Уиль, Клауберъ (учитель Уткина) и другіе.

Я началъ чертить перомъ, тушью, изучать манеру штриха. Сколько слезъ и досады вызывалъ у меня при этихъ работахъ каждый неудавшійся штрихъ,—я буквально обмывалъ слезами доску. Мной овладѣвало отчаяніе и я уже совсѣмъ хотѣлъ бросить это дѣло, потому что сознавалъ, что не могъ выполнить серьезной вещи, не могъ даже приблизиться къ ней. Но я продолжалъ заниматься; наконецъ, увидѣлъ, что у меня что-то такое выходитъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Между тѣмъ, мои товарищи-топографы начали держать экзаменъ на офицеровъ (я числился все еще топографомъ). Вдругъ изъ департамента военныхъ поселеній послѣдовалъ запросъ въ академію: есть-ли у Сѣрякова какіе-нибудь успѣхи и скоро-ли онъ кончитъ ученье? Академія отвѣчала, что успѣхи есть, но что для окончанія моего художественнаго образованія мнѣ нужно еще года два или три. Такъ меня оставили въ покоѣ. Но я самъ началъ о себѣ думать.

Возвратившись съ дачи изъ Мурино, я поселился поближе къ академіи, въ Кадетской линіи Васильевскаго острова, и началъ заниматься серьезно, какъ на квартирѣ, такъ и въ академіи.

1852-й годъ близился къ концу.

Безъ сомнѣнія, академія — учрежденіе прекрасное; лестно было поступить въ нее, а еще пріятнѣе заниматься въ ней. Но пріятность эта тогда нерѣдко омрачалась непривѣтливостью, даже грубостью обращенія. Ужъ такое время было...

Извѣстно, что въ ученики академіи поступали тогда и изъ податнаго сословія. Ну, а такой народъ, извѣстно, за тычкомъ не гнался. Кромѣ того, воспитанники изъ податнаго состоянія

терпѣливо сносили всякаго рода оскорбленія потому, что если бы они вздумали обижаться, такъ ихъ выгнали бы вонъ изъ академіи и они опять стали бы крѣпостными или попали бы въ солдаты; между тѣмъ, въ нихъ бывала художественная искорка, имъ хотѣлось учиться: такъ ужъ лучше все снести, лишь бы избавиться отъ помѣщичьяго ига и удовлетворить своимъ наклонностямъ.

Крѣпостные могли поступать въ академію только съ разрѣшенія помѣщика; но если бы послѣдній, по окончаніи курса, вздумалъ взять своего крѣпостнаго обратно, то академія обыкновенно возставала противъ этого и сейчасъ же давала воспитаннику медаль или званіе учителя, послѣ чего помѣщикъ не имѣлъ на него уже никакихъ правъ.

Помѣщики отдавали своихъ людей въ академію просто, какъ говорится, съ дуру, или же въ томъ пріятномъ предположеніи, что послѣ выучки—крѣпостной его будетъ у него маляромъ, станетъ расписывать амурами комнаты, бесѣдки и проч. Но, какъ я сказалъ, такія предположенія не осуществлялись.

Моими товарищами съ первыхъ классовъ были: М. П. Клодтъ, жанристъ, – баронъ М. К. Клодтъ, пейзажистъ,— Лаверецкій, теперешній профессоръ скульптуры,—Каменскій, скульпторъ,— Грузинскій, батальный живописецъ и др.

Вице-президентомъ академіи былъ знаменитый своими талантами гр. Өедоръ Петровичъ Толстой, ректоромъ — Шебуевъ. Профессора были люди болѣе или менѣе достойные.

Я скажу здѣсь только о тѣхъ изъ нихъ, которые играли главную роль въ академіи и имѣли рѣшительное вліяніе на мои работы.

Особенно талантливъ былъ въ то время еще не старый, полный энергіи, профессоръ исторической живописи Өедоръ Антоновичъ Бруни, на дняхъ скончавшійся. Онъ рано обратилъ на меня вниманіе и болѣе, нежели кто-либо другой, ободрялъ меня. Онъ былъ тогда директоромъ картинной галлереи въ Эрмитажѣ и, какъ я сейчасъ скажу, по его выбору или указанію приготовлялъ я работы на званіе свободнаго художника и академика.

Затѣмъ, изъ ряда другихъ выдавался престарѣлый профессоръ Николай Ивановичъ Уткинъ, великолѣпный граверъ, тотъ самый, который находился въ 1812 году въ Парижѣ и вынужденъ былъ остаться въ плѣну у Наполеона I.

(Замѣчательно, что многіе знаменитые граверы живутъ очень долго и не слѣпнутъ; быть можетъ, это происходитъ отъ того, что они, какъ люди, глубоко преданные своему искусству, ведутъ жизнь крайне умѣренную и аккуратную, не такъ какъ граверы средней руки; сидячая жизнь, какъ оказывается, не убиваетъ этихъ тружениковъ).

Уткинъ былъ невысокаго роста старичекъ, съ длиннымъ носомъ и большими нависшими бровями; имѣлъ тонкія, благородныя черты лица; ни бороды, ни усовъ у него не было, такъ какъ при императорѣ Николаѣ воспрещено было носить ихъ,—это позволялось одному только Виллевальду, вслѣдствіе того, что онъ писалъ картины изъ военнаго быта, сраженія и проч.

Въ бытность мою въ академіи Уткинъ гравировалъ на мѣди съ картины Шебуева «Василій Великій». Картина эта, равно какъ и «Исцѣленіе прокаженнаго», находятся въ Казанскомъ соборѣ; обѣ картины были замѣчательно художественны; но онѣ еще при жизни художника почернѣли и растрескались; великолѣпныя картины Шебуева почти исчезли и сохранились только въ гравюрѣ.

Нельзя не упомянуть еще о Өедорѣ Ивановичѣ Іорданѣ, граверѣ на мѣди, котораго поддерживалъ Уткинъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не уронить это искусство въ Россіи. Для академіи необходимо было имѣть при себѣ хоть одного гравера на мѣди, такъ какъ такіе граверы существовали во всѣхъ европейскихъ академіяхъ. Съ этою цѣлію старались удерживать людей всевозможными средствами: назначали степендіи и т. п., какъ это случилось, напримѣръ, съ И. П. Пожалостинымъ. Какъ сказано будетъ ниже, Іорданъ имѣлъ рѣшительное сужденіе при оцѣнкѣ моей гравюры на званіе академика.

Наконецъ, конференцъ-секретарь, Василій Ивановичъ Григоровичъ, игралъ чрезвычайно важную роль въ совѣтѣ академіи. Это былъ суровый, грубый, но въ сущности вполнѣ добрый человѣкъ; бывало, онъ обругаетъ, пожалуй выгонитъ, а на другой день принимаетъ выгнаннаго, какъ-будто ничего не было, выслушивалъ и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Григоровичъ хотя не былъ художникъ, но былъ знатокъ искусства; онъ былъ при академіи многіе годы, поэтому вкусъ у него изощрился, глазъ привыкъ различать достоинства и недостатки работъ. Онъ читалъ у

насъ теорію изящныхъ искусствъ, которую я слушалъ цѣлый годъ; поэтому случаю Григоровичъ и зналъ меня.

Въ это время, т. е. въ началѣ 1853 г., задумалъ я гравировать на деревѣ для полученія званія свободнаго художника. Званіе это дѣлало человѣка свободнымъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, давало ему права почетнаго потомственнаго гражданина, а въ случаѣ поступленія на службу—черезъ три года чинъ. Пріобрѣтеніе такихъ правъ для меня было чрезвычайно важно, такъ какъ истекалъ срокъ моей службы топографомъ, предстояло сдавать экзаменъ на офицера и, по всей вѣроятности, пришлось бы отправиться въ крымскую кампанію.

И такъ, я задумалъ гравировать на деревѣ для полученія званія свободнаго художника [1]). Въ этихъ случаяхъ программа назначалась обыкновенно совѣтомъ; но такъ какъ до этого времени никто не получилъ свободнаго художника за гравюру на деревѣ, то прежде, чѣмъ обратиться въ совѣтъ за разрѣшеніемъ, я пошелъ къ Григоровичу. Послѣдній, по обыкновенію, спросилъ меня:

— Ну что, батюшка, скажешь новенькаго?

«Желалъ бы получить программу по гравированію на деревѣ», сказалъ я.

— Да вы съ чего это взяли, вспылилъ Григоровичъ; — гравированіе на деревѣ развѣ искусство? Вѣдь вы, граверы на деревѣ, въ состояніи сдѣлать только какую-нибудь виньетку! Да у васъ средствъ нѣтъ выполнить серьезную вещь на деревѣ!

«Все-таки позвольте мнѣ подать прошеніе въ совѣтъ, сказалъ я;—вѣдь тутъ ни совѣтъ, ни академія ничего не потеряютъ; не удастся, въ проигрышѣ останусь я одинъ».

— Да нѣтъ, оставьте; это пустое, напрасный трудъ; вы ничего не сдѣлаете. Вотъ изъ барона Клодта не вышло же ничего [2]).

---

[1]) Когда, въ 1852 г., г. Бернардскій просилъ за исполненныя имъ гравюры на деревѣ удостоить его званія художника, то ему было объявлено, что граверъ на деревѣ можетъ быть признанъ художникомъ только тогда, когда произведетъ свое сочиненіе или рисунокъ съ картины, имъ самимъ вполнѣ удовлетворительно исполненной. **Л. С.**

[2]) Дѣйствительно, у Петра Карловича былъ братъ Константинъ Карловичъ, который занимался гравированіемъ на деревѣ и чрезъ брата представлялъ свои работы въ академію. Академія назначила ему казенную квартиру и содержаніе въ 300 руб.; потомъ послала его за границу. Повидимому, изъ гравирова-

Однако же высказанное мною соображеніе, что, въ случаѣ моей неудачи, ни совѣтъ, ни академія ничего не теряютъ, подѣйствовало на Григоровича и онъ, наконецъ, сказалъ:

— Ну, хорошо, подавай прошеніе въ совѣтъ.

Въ концѣ 1852 г. я обратился съ просьбою въ совѣтъ— дать мнѣ программу для полученія званія художника по части гравированія на деревѣ. Прежде, однако, чѣмъ разрѣшить эту просьбу, совѣтъ отнесся къ управлявшему тогда военнымъ министерствомъ, кн. В. А. Долгорукову, спрашивая: «не имѣется-ли со стороны военнаго вѣдомства препятствій къ полученію мнѣ программы на званіе художника, такъ какъ съ званіемъ симъ, по силѣ всемилостивѣйше дарованной академіи привиллегіи, сопряжено право пользоваться съ потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію, и вступить въ службу, въ какую художникъ пожелаетъ». На этотъ запросъ князь Долгоруковъ отвѣтилъ, что такъ какъ Сѣряковъ принадлежитъ къ военному вѣдомству, то, взамѣнъ свободнаго ходужника, можно будетъ испросить высочайшее разрѣшеніе на производство его въ коллежскіе регистраторы съ опредѣленіемъ на службу по вѣдомству военныхъ поселеній.

Послѣ этого мнѣ разрѣшена была программа для полученія званія свободнаго художника по гравированію на деревѣ и приказано явиться въ Эрмитажъ къ профессору Ѳ. А. Бруни, которому поручено было назначить мнѣ, съ какой картины рисовать. Когда я пришелъ къ Бруни, онъ прямо повелъ меня въ залу фламандской школы, и указывая то на одну, то на другую картину, говорилъ: «вотъ это хорошая вещь, вотъ это прекрасно». Я замѣтилъ великолѣпную голову старика въ профиль—этюдъ Рембрандта, и выбралъ его.

Я началъ работать въ Эрмитажѣ каждый день. Ежедневно, какъ только приходилъ Бруни утромъ въ Эрмитажъ, онъ смотрѣлъ на мою работу и удивлялся, что я занимаюсь съ такимъ

нія на деревѣ хотѣли сдѣлать тогда что-нибудь серьезное; но это не осуществилось. Черезъ полгода баронъ Клодтъ возвратился изъ-за границы и ничего не привезъ, кромѣ трехъ маленькихъ виньетокъ. Академія отказала ему отъ квартиры; тѣмъ дѣло и кончилось.

Это было въ 1842 или въ 1843 году. Л. С.

прилежаніемъ и что у меня большая сила въ свинцовомъ карандашѣ.

— Какими карандашами вы рисуете? спросилъ онъ меня однажды.

— Да обыкновенными Фабера: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й нумера, отвѣчалъ я.

— Что же вы ихъ въ маслѣ, или въ чемъ-нибудь другомъ мочите?

Я объяснилъ, что карандашей ни въ чемъ не мочу, а дѣлаю такимъ образомъ: прокладываю 1-мъ нумеромъ, а оканчиваю 4-мъ,—вслѣдствіе этого у меня такъ сильно и выходило.

Картина Рембрандта была въ натуральную величину, а я сдѣлалъ въ полнатуры, какъ разъ въ половину оригинала. Бруни одобрилъ мой рисунокъ и велѣлъ подать въ совѣтъ, который немедленно и разрѣшилъ мнѣ гравировать.

Все лѣто 1853 года занимался я этимъ гравированіемъ. Сколько мученій пришлось мнѣ испытать въ это, сравнительно, короткое время! Вѣдь я начиналъ первую попытку, дѣлалъ первый шагъ къ введенію гравюры на деревѣ въ область искусства въ Россіи! До этого времени никто, за все столѣтнее существованіе въ нашемъ отечествѣ академіи художествъ, не былъ удостоенъ званіемъ не только академика, но даже художника за гравированіе на деревѣ.

Въ сентябрѣ 1853 г. назначенъ былъ экзаменъ и актъ. Какъ разъ наканунѣ экзамена я сдѣлалъ оттискъ и пришелъ съ нимъ къ Григоровичу.

Старикъ встрѣтилъ меня обычнымъ вопросомъ:

— Ну что, батюшка, вы скажете новенькаго?

Я подалъ ему свою работу. Онъ разсматривалъ гравюру долго, очень долго, потомъ пошелъ къ окну, а за нимъ и я. Тутъ онъ смотрѣлъ то на гравюру, то на меня. Я стоялъ въ томительномъ ожиданіи и страхѣ: въ эти минуты рѣшалась вся моя участь; скажи Григоровичъ, что скверно, и все для меня было бы кончено. Онъ, какъ бы съ намѣреніемъ помучить меня, разсматривалъ гравюру очень долго. Наконецъ, молча подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Вы—молодецъ. Вотъ что значитъ русскій человѣкъ; ужъ

если захочетъ чего-нибудь достигнуть, того непремѣнно добьется! Поздравляю васъ.

Затѣмъ снова обратился къ гравюрѣ, долго всматривался въ нее и какъ бы про себя говорилъ:

— Прелестная, небывалая вещь; какъ это прочувствовано!— Идите, батюшка, сказалъ мнѣ Григоровичъ въ заключеніе,—отъ моего имени къ Шебуеву, Бруни, къ Уткину, передайте имъ, что я видѣлъ вашу гравюру и въ восторгѣ отъ нея.

Шебуевъ расхвалилъ мою работу. Бруни былъ отъ нея просто въ восхищеніи. Я отправился къ маститому старцу Уткину и объявилъ ему, кто я.

— Ахъ, да, — помню, помню, проговорилъ Уткинъ; вы, кажется, на званіе художника работали? Покажите-ка, что вы сдѣлали.

Я подалъ гравюру.

Сѣлъ старикъ, а сзади его сталъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ. Сначала Уткинъ смотрѣлъ на гравюру сквозь очки, потомъ началъ разсматривать ее при помощи громадной лупы.

— Великолѣпно, прелесть,—говорилъ почтенный профессоръ, разсматривая гравюру;—вы непремѣнно получите званіе художника.

Затѣмъ, обращаясь къ стоявшему сзади господину, сказалъ:

— Что же послѣ этого значитъ, батюшка, гравюра на мѣди, когда на деревѣ такія вещи дѣлаютъ.

Тотъ чрезвычайно лестно отозвался о моей работѣ и спросилъ меня, долго-ли я работалъ? Я отвѣтилъ, что мѣсяца три.

— Да неужели такъ скоро? На мѣди довелось бы это самое работать долѣе двухъ лѣтъ.

Послѣ я узналъ, что это былъ Пищалкинъ, будущій профессоръ гравированія на мѣди [1]).

[1]) Въ то время Пищалкинъ только-что возвратился изъ Рима, куда посланъ былъ на казенный счетъ. Онъ работалъ «Взятіе Божіей матери на небо» съ картины Брюлова (подлинникъ въ лютеранской Петропавловской церкви). Изъ Рима г. Пищалкинъ привезъ первый пробный оттискъ своей гравюры на мѣди; проложено было сочно, свѣжо; отъ художника этого ожидали многаго. Такъ какъ онъ былъ хорошій рисовальщикъ, то ему дали академика и потомъ профессора. Но упомянутую гравюру онъ затянулъ: вмѣсто того, чтобы сдѣлать ее въ пять, въ шесть лѣтъ, онъ работалъ ее, кажется, лѣтъ 20 слишкомъ, такъ что, какъ говорится, замучилъ себя и доску; въ самомъ дѣлѣ, здоровье его разстроилось и зрѣніе же на столько ослабѣло, что продолжать работать онъ былъ не въ состояніи. Л. С.

Отъ Уткина я отправился прямо въ академію и выставилъ свою работу на экзаменъ. Не знаю, правда-ли, но я слышалъ отъ правителя дѣлъ Всеславина, что за выставленную гравюру мнѣ хотѣли дать прямо академика; но такъ какъ я былъ нижній чинъ, а званіе академика сопряжено съ чиномъ титулярнаго совѣтника, то представилось невозможнымъ возвысить меня изъ простыхъ топографовъ прямо въ IX-й классъ. Мнѣ дали званіе «свободнаго художника», при чемъ совѣтъ постановилъ: «представить о Сѣряковѣ во вниманіе департаменту военныхъ поселеній, какъ доказавшемъ настоящею гравюрою необыкновенно хорошіе успѣхи въ гравированіи на деревѣ» [1]).

Вслѣдъ за симъ гравюра моя и я самъ были представлены президенту академіи художествъ и я удостоился самыхъ лестныхъ похвалъ.

Въ декабрѣ 1853 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ академіи выставку художественныхъ произведеній, въ числѣ которыхъ находилась и моя гравюра. Его величество остался доволенъ моею работою и сказалъ обо мнѣ:

— Надо его поддержать [2]).

Со стороны военнаго министра представленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ о моихъ занятіяхъ и успѣхахъ въ гравированіи, и высочайшею резолюціею было повелѣно: «топографа Сѣрякова, за необыкновенный его талантъ, произвести въ коллежскіе регистраторы, дать ему мѣсто въ военномъ министерствѣ и выдать изъ Кабинета на обмундированіе». Не помню, были-ли въ этой резолюціи слова: «не занимать службою», только отъ служебныхъ занятій я былъ совершенно освобожденъ.

Затѣмъ, совѣтъ академіи, безъ всякой уже просьбы съ моей стороны, назначилъ мнѣ программу на званіе академика.

Опять тотъ же Бруни предложилъ мнѣ рисовать съ Рембрандта: «Невѣріе св. апостола Ѳомы». На картинѣ этой было 13 фигуръ: апостолы, Спаситель и Божія матерь. Картина эфектная, но почти неоконченная. Рембрандтъ былъ знаменитый художникъ, но не занимался тщательною отдѣлкою подробностей; какъ многіе

---

[1]) Представленіе это въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ въ архивѣ академіи художествъ.

[2]) Объ этомъ отзывѣ императора Николая Павловича также имѣется свѣдѣніе въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ въ архивѣ академіи художествъ. Ред.

художники фламандской школы, онъ билъ на колоритъ, на силу— тѣнь и свѣтъ играютъ у Рембрандта важную роль. Я рисовалъ въ ту же величину, какъ и эскизъ Рембрандта, т. е. въ 3/4 аршина ширины и вершковъ 14 высоты. Рисовалъ я довольно долго.

Между тѣмъ мои товарищи—топографы выдержали экзаменъ на офицеровъ; ихъ было человѣкъ 8 и всѣ они ушли на Дунай или въ Крымъ; двое изъ нихъ убиты подъ Силистріею, а пять легли подъ Севастополемъ. Только одинъ, нѣкто Агафоновъ, вернулся въ Петербургъ живымъ.

Въ маѣ 1857 года я представилъ рисунокъ въ совѣтъ академіи художествъ, который и разрѣшилъ мнѣ гравировать: при этомъ совѣтъ постановилъ представить рисунокъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, «какъ примѣръ необыкновеннаго таланта, удивительнаго копированія каждаго взмаха кисти Рембрандта»[1]).

Рисунокъ мой былъ представленъ государю императору и мнѣ пожалована денежная награда (500 р.).

Съ двойною энергіею я принялся за свой громадный трудъ и весной 1858 г. представилъ работу въ совѣтъ академіи.

Конференцъ-секретаремъ въ это время былъ все еще В. И. Григоровичъ и весь составъ академіи оставался прежній. Вице-президентъ, графъ Ѳ. П. Толстой, и многіе профессора очень хвалили представленную мною гравюру; находили, что выполнено отлично. Я былъ въ полной увѣренности, что получу званіе академика. Но этого не случилось.

На экзаменѣ профессоръ гравированія Ѳ. И. Иорданъ возсталъ противъ присужденія мнѣ званія академика, основываясь на томъ, что Сѣряковъ не исправилъ-де рисунокъ Рембрандта, а оставилъ его съ тѣми несовершенствами, какъ онъ есть.

Не берусь рѣшить, насколько такое сужденіе было основательно, но не лишнимъ нахожу замѣтить, что совѣтъ видѣлъ мой рисунокъ гораздо ранѣе выполненія по немъ гравюры и нашелъ его настолько удовлетворительнымъ, что счелъ своимъ долгомъ обратить на него высочайшее вниманіе. Всѣ, разсматри-

---

[1]) Въ постановленіи совѣта по сему предмету, между прочимъ, сказано: «представить г. министру императорскаго двора о назначеніи Сѣрякову содержанія отъ казны на время исполненія гравюры на деревѣ, такъ какъ предпріятіе его необыкновенное». Арх. акад. художествъ. Ред.

вавшіе мой рисунокъ, вѣроятно, видѣли недостатки — не мои, а Рембрандта, указанные г. Іорданомъ по окончаніи уже гравюры, и тѣмъ не менѣе никто не требовалъ отъ меня исправленія произведенія великаго художника!

Какъ бы то ни было, но г. Іорданъ настоялъ на томъ, чтобы мнѣ не было дано званія академика.

Въ замѣнъ, однако, этого званія, совѣтъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы меня сдѣлали пансіонеромъ академіи и, не въ примѣръ прочимъ, послать на казенный счетъ за границу. На этомъ послѣднемъ рѣшеніи болѣе всѣхъ настаивалъ Ѳ. А. Бруни, говоря: «Какъ это можно, человѣкъ даже никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, никогда не видѣлъ заграничныхъ галлерей искусствъ. Надо дать ему возможность посмотрѣть,— онъ тамъ будетъ на своемъ мѣстѣ и чрезъ нѣсколько времени сдѣлаетъ такъ, что мы будемъ поставлены въ необходимость дать ему академика».

Высочайше разрѣшено послать меня за границу съ содержаніемъ 300-тъ червонцевъ и съ выдачею 200-тъ червонцевъ на подъемъ.

Окончивъ кое-какія частныя работы, 23-го сентября 1858 г. я отправился за границу.

Варшавской желѣзной дороги въ то время еще не было; я желалъ посмотрѣть картинныя галлереи въ Копенгагенѣ; наконецъ, мнѣ было извѣстно, что на Балтійскомъ морѣ бываютъ сильныя бури, особенно въ сентябрѣ, такъ хотѣлось видѣть эфектъ волнъ; посмотрѣть вблизи на страшную стихію. Вслѣдствіе этого я отправился моремъ.

На небольшомъ купеческомъ пароходѣ, взялъ я мѣсто до Гавра за 50 руб. Пароходъ былъ двухтрубный, желѣзный, въ 600 тоннъ, первый разъ бывшій въ Петербургѣ. Капитанъ парохода имѣлъ право взять четырехъ пассажировъ, которыхъ составляли теперь я, какой-то мальчикъ, находившійся при товарѣ и молодой человѣкъ — французъ, отправлявшійся на родину. Послѣдній на первыхъ порахъ мнѣ очень пригодился, такъ какъ хорошо объяснялся по-русски, а я ни слова не зналъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ.

Капитанъ предполагалъ, что черезъ 8 дней мы прибудемъ въ Гавръ; но предположеніе это не осуществилось.

*

Изъ-подъ Кронштадта мы вышли въ сильную бурю и на Балтійскомъ морѣ претерпѣли страшную качку. Изъ Копенгагена, гдѣ я посмотрѣлъ нѣкоторыя картинныя галлереи, мы отправились далѣе. Буря усиливалась...

Французъ, ѣхавшій съ нами, передалъ мнѣ, что капитанъ спрашиваетъ, есть-ли у меня на случай крушенія что-нибудь спасительное: поясъ или что-нибудь другое? Я сказалъ, что взялъ съ собою гуттаперчевую подушку, зная всю опасность плаванія въ сентябрѣ. Сейчасъ же эта подушка и пошла у меня въ дѣло.

Всѣ, находящіеся на пароходѣ, были привязаны къ мачтамъ, такъ какъ невозможно было устоять противъ набѣгавшихъ и раскатывавшихся по палубѣ парохода громадныхъ волнъ. Всѣ люки оставались закрытыми, на палубѣ ничего не было, кромѣ взятыхъ въ Копенгагенѣ бревенъ, штукъ 15, изъ которыхъ матросы дѣлали плотъ. Во время этой чрезвычайно трудной работы, при страшной качкѣ, у нихъ отъ напряженія кровь выступала изъ-подъ ногтей. Они удивляли меня своимъ самоотверженіемъ: ни слезъ, ни отчаянія, словомъ ни малѣйшаго перепуга въ нихъ не было замѣтно; казалось, что для нихъ то ужасное положеніе, въ которомъ мы находились, было довольно обыкновеннымъ.

Скоро послѣ этого пароходъ нашъ получилъ пробоину въ кормѣ; начали усердно работать помпы. Наконецъ, мы замѣтили, что насъ несетъ на песчаную банку. Солнце закатилось. На всѣхъ реяхъ и мачтахъ вывѣсили фонари, начали стрѣлять изъ пушекъ... Мы находились еще въ 80-ти верстахъ отъ Кале. Въ это время прямо на насъ несся англійскій пароходъ. Онъ бросилъ намъ канатъ, который мы кое-какъ поймали; такимъ образомъ прибуксировали въ Гавръ, пробывъ въ морскомъ плаваніи вмѣсто 8-ми—16 дней.

Л. А. Сѣряковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

1852—1853.

I.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской литературной жизни 1852 года было появленіе первой книжки „Московскаго Сборника“. Это учено-литературное изданіе было предпринято тою знаменитою литературною группою, къ которой принадлежали бывшіе тогда въ полной силѣ развитія своихъ дарованій — братья Иванъ и Петръ Вас. Кирѣевскіе, Алексѣй Ст. Хомяковъ и Конст. Серг. Аксаковъ (нынѣ всѣ покойные), также Александръ Ив. Кошелевъ и болѣе молодые послѣдователи того же направленія — Ив. Серг. Аксаковъ, Юр. Ѳед. Самаринъ и князь Вл. Ал. Черкасскій. Предполагалось сдѣлать это изданіе безсрочно-періодическимъ и въ теченіе года выпустить до четырехъ книгъ; сборникъ долженъ былъ служить органомъ славянофильской партіи, представители которой не считали для себя удобнымъ печатать свои произведенія въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, на ряду со статьями другихъ авторовъ, иного направленія.

Предположенія эти оказались, однако, неосуществимыми, и обстоятельства, которыми ознаменовалось прекращеніе „Московскаго Сборника“ въ 1852—1853 годахъ, принадлежатъ къ числу довольно любопытныхъ чертъ минувшей эпохи.

Вслѣдъ за появленіемъ первой книги „Московскаго Сборника“, министръ народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе на „предосудительность направленія „Московскаго Сборника“, выражавшаго неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Министръ полагалъ, что „хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе, безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ“. Въ числѣ статей сборника, особенное неодобреніе министра заслужила статья И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ

просвѣщенію Россіи", въ которой авторъ проводилъ параллель между просвѣщеніемъ западной Европы и древней Россіи въ отношеніяхъ религіозномъ, нравственномъ, государственномъ, общественномъ и семейномъ, и, отдавая послѣднему предпочтеніе передъ первымъ, доказывалъ, что введеное Петромъ Великимъ европейское просвѣщеніе послужило, въ нравственномъ отношеніи, болѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ русскаго общества.

Признавъ направленіе „Московскаго Сборника" предосудительнымъ, министръ, 17-го мая 1852 года, предложилъ попечителю московскаго учебнаго округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ московскомъ цензурномъ комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію, въ теченіе 1852 года, остальныхъ трехъ томовъ сборника, представлять ихъ въ рукописи въ главное управленіе цензуры, вмѣстѣ „съ заключеніемъ комитета объ общемъ направленіи каждаго тома вообще и о позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности".

Вслѣдъ затѣмъ состоялось, 27-го мая 1852 г., распоряжніе: „впредь всякіе вообще сборники подвергать тѣмъ правиламъ цензуры, какимъ подлежатъ журналы, и, между прочимъ, не разрѣшать выхода подобныхъ сборниковъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ годъ".

Такимъ образомъ выходъ втораго тома „Московскаго Сборника" былъ отсроченъ до 1853 года. Въ началѣ его редакторъ этого изданія, И. С. Аксаковъ, внесъ въ московскій цензурный комитетъ—сперва программу трехъ предполагаемыхъ томовъ сборника, а вслѣдъ затѣмъ и весь второй томъ его въ рукописи. Комитетъ переслалъ ее въ главное управленіе цензуры. Послѣднее, разсмотрѣвъ представленную рукопись съ тою строгостью, которая была вмѣнена ему въ непремѣнную обязанность, нашло въ ней: „не мало статей, которыя, по предосудительности выраженныхъ въ нихъ мыслей, высказывающихъ недоброжелательство къ настоящему порядку вещей и косвенное неодобреніе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ ко благу народному, не только не могутъ войти въ составъ втораго тома „Московскаго Сборника", но и вообще не могутъ быть допущены къ печатанію и должны быть подвергнуты строгому запрещенію".

Вотъ Записка, на основаніи которой состоялось приведенное заключеніе о рукописи втораго тома „Московскаго Сборника":

II.

Еще въ первомъ томѣ „Московскаго Сборника" была напечатана статья Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи", статья весьма сомнительнаго содержанія. Хомяковъ въ новомъ томѣ сборника помѣстилъ: „Нѣсколько словъ по поводу (упомянутой) статьи Кирѣевскаго", и при этомъ развилъ собственный свой политическій взглядъ и славянофильскія мысли.

Хомяковъ не ясно говоритъ, но видно, что христіанство, по его мнѣнію, „требуетъ вольнаго дѣйствія личностей, равенства" (стр. 5 на оборотѣ и 12 на оборотѣ), и что „духъ христіанства чуждъ учрежденіямъ имперіи" (стр. 13 на оборотѣ). Но это не достигло своей цѣли въ древности отъ того, что въ римской жизни все, даже религія и просвѣщеніе, принимало видъ юридическій и государственный, а побѣжденные римлянами народы западной Европы „были втиснуты силою въ желѣзныя формы административнаго просвѣщенія римскаго" (стр. 7). „Когда въ западной Европѣ устраивались государства, по примѣру римскаго, въ то время всю внутреннюю жизнь старались подвести подъ законы правомѣрности гражданской, назначая кругъ дѣйствія отдѣльнаго для каждой душевной силы, опредѣляя вѣсъ и мѣру каждаго проступка, вѣсъ и мѣру каждой мнимой заслуги человѣчества, и, составляя какую-то таблицу счетоводства между Богомъ и Его твореніемъ, непонятную для насъ, сыновъ церкви православной (стр. 8 на оборотѣ). „Голосъ преданія, заковавшагося въ мертвую формальность, утратилъ всякое значеніе, голосъ Божій въ писаніи замолкъ" (стр. 9 на оборотѣ). „Точно тоже должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ" (стр. 14). Обоготвореніе политическаго общества было такъ сильно, что „западный человѣкъ не могъ понять самой церкви иначе, какъ въ государственной формѣ; ея единство должно было быть принудительнымъ, и родилась инквизиція, съ ея судомъ надъ совѣстью и съ казнью за невѣріе" (стр. 8-я). „Самые великіе дѣятели христіанскаго ученія не могли еще вполнѣ уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно-трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ... Лучшія и могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить... Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю византійскую" (стр. 14). Византіецъ не могъ дать полнаго права равенства съ собою тѣмъ народнымъ стихіямъ, которыя приливали къ нему съ сѣвера и готовы были своею свѣжею кровью укрѣпить составъ одряхлѣвшаго общества. Онъ пользовался славянами, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ союза съ ними и въ тоже время не только не хотѣлъ признать ихъ братьями, но постояннымъ коварствомъ, утѣсненіемъ и гордостью, болѣе оскорбительною, чѣмъ самыя утѣсненія, вселялъ въ нихъ вражду, которой еще не было" (стр. 12 на оборотѣ).

Сочинитель говоритъ, что западная Европа приняла эти понятія древнихъ, смѣшала ихъ съ христіанствомъ и „тысячи лѣтъ было мало, чтобы обличить обманъ римскаго просвѣщенія; но онъ обличенъ, онъ сознанъ, или уже весьма близко время полнаго его сознанія; прежніе признаки разсѣяны логикою разсудка...; страшные, кровавые опыты не пугали западнаго человѣка; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову (стр. 4 на обор. и 5). „Слишкомъ за десять лѣтъ назадъ тому, когда вся Европа въ какомъ-то восторженномъ опьяненіи кипѣла надеждами и благоговѣла передъ своимъ собственнымъ величіемъ, у насъ уже слышались обличительные голоса, тогда встрѣченные самодовольною насмѣшкою, теперь оправданные исторіею и жизнью народовъ“ (стр. 3 на оборотѣ). Отъ разрѣшенія вопроса — на счетъ западнаго и русскаго просвѣщенія, по словамъ Хомякова, „зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, можетъ быть, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній“ (стр. 4).

Приступая затѣмъ къ разсужденію о просвѣщеніи въ Россіи, Хомяковъ и тутъ болѣе углубляется въ мысли о политикѣ, нежели о просвѣщеніи. Обнаруживая вездѣ приверженность къ старинѣ (славянофильство), онъ выводитъ натянутыя заключенія о такомъ порядкѣ дѣлъ въ древней Россіи, который не могъ быть въ монархическомъ государствѣ. По его мнѣнію, „не только до призванія Рюрика, но и послѣ того, до царя Іоанна Грознаго, русскій бытъ, по преимуществу, былъ общинный“ (стр. 16 на обор.). Сочинитель называетъ этотъ бытъ племенною общиною (стр. 17 на обор.), сельскими общинами (стр. 31 на обор.), племенными союзами (стр. 18), областною земскою жизнію (стр. 18 на обор.), общерусскимъ братствомъ (стр. 17 на обор.). Онъ говоритъ: „Великое слово: на землѣ миръ—есть высшее благословеніе, ниспосланное небомъ новому человѣчеству; широкій миръ, великое братство—таково призваніе для всѣхъ; оно находило своихъ представителей въ князьяхъ, въ ихъ дружинѣ и въ духовенствѣ“ (стр. 17). „Въ земской думѣ сливалась мысль боярина съ мыслію гостя торговаго, и человѣка посадскаго, и обывателя сельскаго; судъ былъ общій, и губные старосты выбирались голосами всѣхъ жителей округа безъ исключенія“ (стр. 19 на обор.). „Общинный русскій бытъ произвелъ дружину, въ которой личная отдѣльность была доведена до крайности и узаконена (стр. 16 на обор.). Мѣстная страсть требовала свободы

своему произволу" (стр. 17). Начало государствованія Рюрикова дома въ Россіи Хомяковъ называетъ союзомъ подъ княжескимъ правленіемъ, составившемся общею волею (стр. 15).

„Вскорѣ, по словамъ сочинителя, послѣдовало раздвоеніе въ Россіи; ибо князья имѣли свою, пришедшую съ ними, дружину, а со стороны народа явилась земская дружина" (стр. 15 и опять на обор.). Къ этому, въ княжеской дружинѣ, присоединились мѣстничества: „земщина не мѣстничалась; никакихъ слѣдовъ мѣстничества не видать въ боярствѣ новгородскомъ" (стр. 16). „Такое раздвоеніе съ землею", продолжаетъ Хомяковъ — „не могло оставаться безъ страннаго вліянія на общую жизнь; такая полная китайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ послѣдствій (стр. 16 на обор.). Рюриковъ родъ часто раздиралъ землю русскую неправильными или сомнительными притязаніями своихъ членовъ на старшинство и жадностью многихъ изъ нихъ къ увеличенію отчинъ (стр. 17 на обор.). Княжескій родъ съ его шаткимъ престолонаслѣдіемъ" былъ склоненъ къ раздорамъ (стр. 20). „Много крови пролито было въ борьбѣ, много искаженій допущено въ жизни; безчувствіе и сонное равнодушіе наложили печать свою на побѣжденныхъ; гордость и склонность къ злоупотребленію вкрались въ душу побѣдителей; тутъ опять было глубокое раздвоеніе въ душевномъ настроеніи, въ бытѣ и характерѣ образованности" (стр. 18 на обор.). Это раздвоеніе въ Россіи, разногласіе общиннаго быта народа съ властію княжескою продолжалось до царя Іоанна Грознаго, который „сокрушилъ притязанія дружины на независимость" (стр. 16 на обор.). „Тотъ же Іоаннъ, который на половину отрекся отъ своей родины для подавленія боярства и всякой исключительной независимости, покровительствовалъ защитѣ и оставилъ по себѣ въ народныхъ сказаніяхъ благодарное воспоминаніе" (стр. 19 на обор.).

Нѣкоторыя мѣста статьи Хомякова показываютъ, что онъ отдаетъ преимущество древнему общинному порядку дѣлъ передъ государственнымъ правленіемъ и надѣется, что прежній порядокъ у насъ будетъ возстановленъ. Онъ говоритъ: „новая великая задача (общинная жизнь), которая ставила насъ выше Византіи, была отчасти угадываема и прекрасное предчувствіе ея отзывалось нерѣдко во многихъ вѣчнопамятныхъ словахъ и многихъ высокихъ дѣлахъ и учрежденіяхъ; но полное сознаніе было невозможно, а безъ сознанія было невозможно и направленіе; духъ цѣльнаго просвѣщенія не могъ побѣдить вещественныхъ препонъ, и исторія древней Руси, свидѣтельствуя съ одной стороны о великихъ и спасительныхъ шагахъ впередъ, которымъ

мы обязаны почти единственно православію, должна была свидѣтельствовать о множествѣ искаженій въ правѣ и жизни, объ одичаніи и паденіи, которымъ объясняется позднѣйшее стремленіе къ началамъ чуждымъ и иноземнымъ (стр. 31 на обор.). Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человѣка на землѣ; подвигъ русскаго исполненъ надежды. Не жалѣть о лучшемъ прошедшемъ, не скорбѣть о нѣкогда бывшей вѣрѣ должны мы, какъ западный человѣкъ, но, помня съ отрадою о живой вѣрѣ нашихъ предковъ, надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ; помня о прекрасныхъ плодахъ божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ въ будущей мирной и сознательной Руси... Русская земля предлагаетъ своимъ чадамъ... полюбить ее, ея прошлую жизнь и ея истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внѣшними наплывами, которыхъ не могъ избѣгнуть никакой народъ новой исторіи, создавшей неизвѣстное древности общество народовъ" (стр. 33 на обор. и 34).

Во всей статьѣ [1]) Хомяковъ показываетъ любовь свою къ отечеству; но онъ, по этой любви, не ищетъ въ нашей исторіи тѣхъ событій, которыя клонятся къ поддержанію величія нынѣшней Россіи, а старается открывать признаки какихъ-то общинъ, братства, въ родѣ общинъ коммунистовъ и фурьеристовъ; древнихъ государей нашихъ старается представить неимѣвшими самодержавной власти, и все склоняетъ къ надеждамъ и желаніямъ, чтобы порядокъ общинный былъ возстановленъ въ нынѣшней Россіи. Съ такою цѣлью славянофилы роются въ нашихъ древностяхъ! Хотя же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи своей Хомяковъ выражаетъ мысли и благонамѣренныя, но послѣднія остаются въ тѣни; и если онъ не имѣлъ возмутительной цѣли (ибо въ такомъ случаѣ не представилъ бы самъ сочиненія своего въ цензуру), то во всякомъ случаѣ умъ и занятія его получили направленіе весьма вредное [2]).

---

[1]) Отъ этого слова до слѣдующей главы въ запискѣ зачеркнуто.

[2]) Примѣчаніе въ запискѣ: «Хомяковъ отставной ротмистръ. Уже въ 1847 году было видно, что онъ принадлежитъ къ московскимъ славянофиламъ. Этотъ человѣкъ весьма ученый и поэтъ, убѣжденія его болѣе умственныя, нежели душевныя; любитъ пренія и готовъ спорить за и противъ, занимается хозяйствомъ, а въ Москвѣ живетъ только по зимамъ».

III.

Константинъ Аксаковъ написалъ статью: „Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ". Въ этой статьѣ изображены характеръ и подвиги Добрыни Никитича, Ильи Муромца, Ставра, Рахдая и другихъ богатырей, а равно пиры и домашняя жизнь самаго Владиміра не такъ, какъ повѣствуетъ исторія, а какъ описывается въ древнихъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же, небывалаго въ Россіи, общиннаго порядка дѣлъ. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владиміръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званнаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: „Весьма замѣчательное указаніе; и такъ, этотъ княжескій пиръ — складчина; пиры складчиною — явленіе совершенно русское и древнее; вспомнимъ братчины, напр., братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста; это также чисто общинное явленіе; это вольное видоизмѣненіе самородной общины, ея отпрыскъ... Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель и даже казацкое устройство" (стр. 94 и она же на обор.). Этого мало, даже въ хороводѣ сочинитель видитъ образъ русской общины (стр. 68).

Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владиміра не по аристократическому праву породы, и прибавляетъ, что: „аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца), и, наконецъ, Илья Муромецъ, крестьянинъ; всѣмъ имъ равный почетъ" (стр. 68 на обор.). „Отношенія богатырей къ великому князю почтительны, но не подобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ кіевскимъ, охотно служатъ ему службы, но ни въ чемъ не выражается униженное или придворное ихъ отношеніе къ великому князю...; битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье" (стр. 69 на обор. и 70).

К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ Соловей-разбойникъ называетъ великаго князя воромъ (стр. 111); богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя (стр. 82); а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою (стр. 84).

Еще въ одной пѣснѣ говорится, что Владиміръ, желая отбить жену у богатыря Данилы, отправилъ его на явную смерть и потомъ повелѣлъ убить его; но Данило предупредилъ это и самъ лишилъ себя жизни. К. Аксаковъ прибавляетъ къ этому: „Когда сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данило говоритъ: видно я сталъ не угоденъ князю,—и убиваетъ себя; въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства; отношенія богатырей къ великому князю были основаны на свободной привязанности" (стр. 116 и она же на оборотѣ). Сверхъ того, К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калины. Хотя это и непріятельскій царь, но все неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ-царь! (стр. 100 на обор.)
Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ! (стр. 101 на обор.).

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, бо̀льшею частію напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ—небывалыя въ Россіи—общину, вольницу и дерзаетъ богатырей (ставить) противъ великаго князя!

Константинъ Аксаковъ написалъ еще „Примѣчанія къ статьѣ Шенинга: Купало и Коляда". Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ объ общинной жизни въ древней Россіи, утверждая, будто бы общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина (стр. 168 и 169). Онъ говоритъ также: лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ; тамъ семья исчезаетъ" (стр. 170). Мысль совершенно коммунистическая.

Еще въ „Московскомъ Сборникѣ" находятся два стихотворенія Константина Аксакова, ничтожныя по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго духъ свободенъ и открытъ (стр. 176 на оборотѣ) [1].

---

[1]) Примѣчаніе въ запискѣ: «Константинъ Аксаковъ, магистръ московскаго университета, живетъ въ Москвѣ, пропитанъ славянофильствомъ. Въ 1846 году онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью: «Семисотлѣтіе Москвы». Въ этой статьѣ, сверхъ неумѣстныхъ доказательствъ о преимуществѣ Москвы, какъ столицы имперіи, передъ С.-Петербургомъ, высказывались вообще мысли, несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю, и цензору сдѣлано было строгое замѣчаніе. Этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній».

IV.

Издатель „Московскаго Сборника“, Иванъ Аксаковъ, помѣстилъ въ немъ нѣсколько и своихъ сочиненій, въ томъ числѣ два стихотворенія подъ заглавіемъ: „Подражанія Еврейской поэзіи“. Въ нихъ сочинитель, обращаясь къ человѣку, пребывающему въ бездѣйствіи, укоряетъ его за равнодушіе, тогда какъ въ мірѣ „кипятъ задачи“ и торжествуетъ зло; совѣтуетъ ему „стряхнуть ярмо благоразумія“ и вызываетъ его „на дѣло общаго труда“. Оба стихотворенія темны и отъ этой неясности смыслъ ихъ подозрителенъ (стр. 225 и 226).

«На царство лѣни глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего.
. . . .
Стряхни ярмо благоразумья,
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ душп!
Въ стремленьѣ къ истинѣ суровой
Не знай ни страха, ни стыда;
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ горячимъ словомъ
На дѣло общаго труда!
. . . .
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лишь истину добыть!» (стр. 225).

«И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Высокихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла; и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался жребій скучный!
. . . .
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій путь; есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... долбитъ и капля камень!» (стр. 225 и 226).

Еще пять небольшихъ статей Ив. Аксакова помѣщены въ смѣси „Московскаго Сборника“. Въ первой изъ нихъ: „О замѣчательномъ ремесленномъ устройствѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи“ сочинитель описываетъ, что близь Ярославля находятся четыре деревни и одно село, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ; что, лѣтъ 10 тому назадъ, въ этихъ деревняхъ, съ согласія помѣщиковъ, крестьяне дѣйствуютъ сами собою, управляясь всемірною сходкою и выбираемыми на ней бурмистрами и старшинами, которые остаются въ этомъ званіи пока міру будутъ любезны; помѣщики же въ дѣла

ихъ вовсе не вмѣшиваются; что крестьяне занимаются работами, каждый по призванію, и изъ выработанныхъ денегъ отсылаютъ оброкъ помѣщикамъ, а остальную прибыль раздѣляютъ по ровну между собою (стр. 345—349). Ив. Аксаковъ благодаритъ помѣщиковъ, которые, такимъ образомъ, „даютъ крестьянамъ полную возможность жить и устроиваться по-своему, не заводя у нихъ новыхъ порядковъ, не насильствуя ихъ быта, не преслѣдуя ихъ своимъ цивилизованнымъ попечительствомъ и какъ можно менѣе вмѣшиваясь въ ихъ управленіе“ (стр. 349 на оборотѣ). Сочинитель, находя въ устройствѣ упомянутыхъ деревень русскій общинный бытъ, полагаетъ, что важно и полезно изучать этотъ бытъ: ибо „не законы созидаютъ жизнь и законами не вводятся въ бытъ народа нравственныя понятія, если они не находятъ опоры въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, во всемъ строѣ самой народной жизни“ (стр. 345). Онъ отдаетъ совершенное преимущество этому общинному быту въ деревняхъ надъ бытомъ нашихъ городовъ, говоря, что городской бытъ существуетъ на основаніяхъ не совсѣмъ русскихъ, что цивилизація городовъ возникла на почвѣ корпорацій, привиллегій и тому подобныхъ стѣснительныхъ учрежденій, противныхъ русскому общинному быту; что западный міръ, отрицающій пышное общественное благоустройство, „выстроилъ цѣлую грозную фалангу задачъ и вопросовъ общественныхъ, нравственныхъ, политико-экономическихъ, однако едва-ли найдетъ онъ отвѣтъ всѣмъ этимъ задачамъ и вопросамъ и едва-ли не должно поискать имъ разрѣшенія въ самородномъ, нетронутомъ еще источникѣ русской народной жизни“ (стр. 344 и она же на оборотѣ).

Въ пятой статьѣ: „Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ“ Ив. Аксаковъ, какъ бы въ противоположность высокому, по его мнѣнію, общинному быту въ вышеозначенныхъ деревняхъ Ярославской губерніи, описываетъ жизнь провинціаловъ въ самыхъ дурныхъ краскахъ. Тамъ, по его словамъ, смотрятъ сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія и развратъ: чиновники не стыдятся взяточничества, помѣщики сѣкутъ своихъ музыкантовъ за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена, тамъ явились эманципированныя дамы и дѣвицы, даются дѣтскіе балы (нравственное душегубство дѣтей), благотворительныя лотереи, богоугодные спектакли, маскарады въ пользу бѣдныхъ дамскаго общества, тогда какъ для полученія денегъ на всѣ эти огромные расходы помѣщики разоряютъ крестьянъ своихъ (стр. 357—369). „Конечно,—пишетъ Ив. Аксаковъ,—много похожаго увидите вы и въ столицѣ; но зато въ столицѣ, и въ особенности въ Москвѣ, найдете вы всегда многочисленный кругъ людей, преданныхъ

живымъ современнымъ интересамъ, съ серьезными взглядами на жизнь, съ строгими нравственными требованіями, людей, вырабатывающихъ намъ наше самосознаніе, неутомимо дѣйствующихъ на поприщѣ русской мысли и слова, неослабно трудящихся для общей пользы. Движеніе мысли не только не останавливается, но даже невольно сообщается и свѣтскому кругу, чуждому серьезныхъ занятій. Вотъ отчего въ столицахъ есть какая-то современность умственнаго и нравственнаго образованія, распространенная повсюду, есть какое-то общее знакомство съ настоящимъ положеніемъ всѣхъ задачъ и вопросовъ человѣчества (стр. 360). Еслибъ провинція, вмѣсто того, чтобъ быть рабскою копіей съ копіи и подражать тѣмъ (столицамъ), которыя, въ свою очередь подражаютъ образцу чужеземному, постаралась сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ которому она естественно болѣе, чѣмъ столицы, она могла бы получить важное значеніе въ дѣлѣ истинной русской образованности. Еслибъ губернскіе жители, вмѣсто того, чтобъ увлекаться блестящею пустотой столичной великосвѣтской жизни, пріобщились къ тому серьезному, отчасти ученому, движенію мысли, которое, въ послѣднее время, въ Москвѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вырабатываясь, стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей; еслибъ, повторяемъ, губернскіе жители были не чужды этого направленія, то жизнь ихъ немногочисленнаго общества была бы полна постоянныхъ, дѣльныхъ, небезплодныхъ интересовъ. Провинціализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа!“ (стр. 369 на оборотѣ и 370).

V.

Князь Черкасскій помѣстилъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ статью: О подвижности народонаселенія въ древней Россіи, въ которой сочинитель излагаетъ исторію крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ. Основная мысль и князя Черкасскаго та, что въ древней Россіи жизнь была общинно-семейная; что „русская волость есть ничто иное, какъ аггрегатъ безчисленнаго множества мелкихъ общинъ, составленныхъ изъ семей“ (стр. 188); что „порабощеніе варягское (призваніе Рюрика) оставило волость вольной общиною, платившею только извѣстную дань“ (стр. 190). Потомъ кн. Черкасскій задаетъ себѣ вопросъ: „какимъ образомъ вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ?“ (стр. 188 на оборотѣ). Отвѣтъ его на это тотъ, что „въ Россіи временъ Судебника (Іоанна III) союзъ общины

разорванъ, права собственности надъ землями отъ общины перешли къ отвлеченному лицу государя и великаго князя, или ко множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ; наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, изъ прежней неограниченной свободы сохранилъ одно право: разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожительство и господина" (стр. 188). Юрьевъ день, изъ всѣхъ неограниченныхъ правъ свободы, даровалъ поселянамъ худшую его сторону, безграничный произволъ бродяжничества (стр. 218). „Вспомнивъ, — продолжаетъ кн. Черкасскій, — независимое состояніе русской волости, мы едва-ли можемъ себѣ представить, что самособою, естественно, могло развиться подобное ограниченіе крестьянской свободы, такъ явно носитъ оно на себѣ печать искусственнаго, положительнаго изобрѣтенія!... Ясно, что всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи свободы крестьянской могло быть лишь мѣрой полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей" (стр. 197 на оборотѣ). Послѣ же того, какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ скотовъ (стр. 221 на оборотѣ и 222). Редакція Сборника прибавила къ этому, что „обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра I" (стр. 222 на обор.).

VI.

Кромѣ того, въ „Московскомъ Сборникѣ" находятся статьи: „Воспоминанія о Державинѣ", соч. Сергѣя Аксакова (отца Константина и Ивана Аксаковыхъ); „Купало и Коляда", соч. Шенинга; „Русское посольство въ Польшу въ 1673 и 1677 гг.", соч. Александра Попова; объ испытаніи англійскихъ и американскихъ машинъ, соч. Кошелева. Въ этихъ статьяхъ нѣтъ ничего, чтобы обращало на себя вниманіе въ политическомъ отношеніи.

Московскій цензурный комитетъ, находя, что „въ статьяхъ Хомякова, Константина и Ивана Аксаковыхъ замѣтно какое-то недовольство настоящимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіемъ правительства, и высказывается стремленіе выставить нашъ древній русскій бытъ въ преувеличенно лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, одобренія и подражанія,—полагаетъ, что означенныя статьи, какъ вредныя, по развиваемымъ въ нихъ началамъ, несогласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію, порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о цензурѣ; статьи же прочихъ писателей, даже кн. Черкасскаго, за исключе-

ніемъ только мѣстъ въ сочиненіи послѣдняго, гдѣ говорится о свободѣ крестьянъ и вольной общинѣ, могутъ быть напечатаны".

Согласно съ вышеизложеннымъ—3-го марта 1853 г.—печатаніе втораго тома „Московскаго Сборника" было воспрещено. Спустя, однако, три года, именно 8-го февраля 1856 г., составителямъ тѣхъ же статей разрѣшено помѣстить свои труды во вновь основанномъ журналѣ „Русская Бесѣда", а въ іюнѣ того же 1856 года главное управленіе цензуры обсуждало вопросъ о томъ: должны-ли быть сохранены тѣ правила о цензурѣ ученыхъ, литературныхъ и художественныхъ сборниковъ, которыя введены въ 1852 году, и усмотрѣвъ, что они имѣли исключительный характеръ, зависѣвшій отъ обстоятельствъ времени, уже миновавшихся, постановило: предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить высочайшее соизволеніе на отмѣну этихъ правилъ и на подведеніе сборниковъ подъ общія цензурныя условія, каковая отмѣна тогда же воспослѣдовала.

ЗАМѢТКИ О СОБЫТІЯХЪ 1853—1854 ГГ.

(По поводу статьи «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну»).

IV [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя нѣмецкимъ авторомъ относительно плана кампаніи князя Варшавскаго требуютъ значительныхъ поправокъ. Когда возникли несогласія Россіи съ Оттоманской Портой, имѣлось первоначально въ виду, на случай предстоящаго разрыва, произвести морскую экспедицію противъ Босфора, быстро двинуться къ Константинополю и окончить такимъ образомъ войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ до прибытія къ мѣсту дѣйствій предполагаемыхъ союзниковъ Турціи. Но, по мнѣнію князя Меншикова, это морское предпріятіе на Царьградъ представлялось или весьма трудно выполнимымъ, или даже невозможнымъ дѣломъ; поэтому пришлось соображать иной способъ дѣйствій, которому желательно было однако сохранить характеръ, первоначально предполагавшійся, т. е. неожиданность. Предположено было произвести высадку въ Бургасскомъ заливѣ, овладѣть съ моря Варной и одновременно занять княжества, конечно, при томъ непремѣнномъ условіи, что мы господствуемъ въ Черномъ морѣ. Въ это время (въ мартѣ 1853 года) князь Варшавскій находился въ Петербургѣ и императоръ Николай, конечно, пожелалъ узнать мнѣніе маститаго вождя относительно образа дѣйствій, котораго слѣдовало держаться при открытіи войны на востокѣ. Фельдмаршалъ изложилъ вкратцѣ мысли свои о турецкихъ дѣлахъ въ всеподданнѣйшей запискѣ отъ 24-го марта 1853 г., въ которой онъ въ заключеніи говорилъ: „я бы могъ войти въ бо́льшія подробности, еслибъ мнѣ предложены были вопросы, ибо нѣтъ края, который бы я зналъ, въ военномъ отно-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 603—642.

шеніи, какъ Европейская Турція, проведя тамъ пять или шесть лѣтъ, съ 1806 по 1811 годъ". Предположенный противъ Турціи планъ кампаніи (высадка въ Бургасѣ) не былъ вообще одобренъ фельдмаршаломъ; притомъ назначенныя для этой экспедиціи войска онъ находилъ недостаточными для наступательнаго движенія къ Константинополю, по занятіи Бургаса, Варны и Адріанополя. Вышеупомянутый смѣлый планъ кампаніи князь Варшавскій предложилъ замѣнить полумѣрой, приведенной, къ сожалѣнію, въ исполненіе лѣтомъ 1853 г. и послужившей роковой исходной точкой восточной войны. Приведемъ ниже относящійся къ этому отрывокъ изъ записки князя Ивана Ѳедоровича:

„Если же смотрѣть на турецкія дѣла съ другой точки зрѣнія, то можно бы за неисполненіе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ трактатовъ прежде всего занять княжества и объявить, что они до тѣхъ поръ не будутъ очищены, пока Турція не выполнитъ своихъ обязательствъ".

„Занятіе княжествъ не потребуетъ болѣе двухъ, трехъ дивизій. Княжества могутъ ихъ содержать; по крайней мѣрѣ, фуражъ намъ ничего не будетъ стоить".

„Въ княжествахъ, по слухамъ, мы найдемъ до 10,000 регулярнаго войска. Его слѣдуетъ увеличить до 20,000. Между тѣмъ можно воспользоваться оставшимся вліяніемъ нашимъ на христіанскія племена въ Турціи, на болгаръ и даже сербовъ. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ для нихъ дѣло священное. Они сами будутъ переходить къ намъ за Дунай. Имъ недостаетъ оружія и пороху; дать имъ то и другое, сдѣлавъ предварительно запасъ до 30,000 ружей въ Измаилѣ".

„Регулярныя войска княжествъ будутъ служить зерномъ христіанскаго ополченія въ Турціи и тогда, по мѣрѣ формированія по баталіонно, прикомандировывать ихъ къ нашимъ полкамъ, употребляя ихъ болѣе въ стрѣлки. Подобнымъ образомъ можно поступать и въ отношеніи ихъ конницы. Въ случаѣ военныхъ дѣйствій, они сначала не будутъ стойки, но потомъ пріучатся. Такъ поступали Веллингтонъ въ Португаліи, Михельсонъ, въ 1807 году, въ Сербіи. Въ турецкую войну 1829 г. было 5 полковъ конницы и 1 баталіонъ персидской пѣхоты. Они служили очень хорошо; только надо дать имъ хорошее содержаніе".

„При занятіи нами княжествъ и при вооруженіи христіанъ, Турціи остается: или согласиться на исполненіе всѣхъ условій трактатовъ, или собрать свою армію и рѣшиться на сраженіе. Тѣмъ лучше. Турки сильны въ крѣпостяхъ: въ полѣ мы должны ихъ разбить и однимъ ударомъ разсѣять ихъ армію. Тогда все пространство очистится и даже съ небольшими силами можно зайти далеко".

„Конечно, между тѣмъ, наша черноморская торговля потерпитъ“.

„Но торговля, во всякомъ случаѣ, какъ скоро война, должна терпѣть“.

„Кто знаетъ, можетъ быть, съ занятіемъ Молдавіи и Валахіи только какъ залогъ, какъ ручательство исполненія трактатовъ, торговля непремѣнно потерпитъ, но, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ случаѣ большой войны“.

„Иностранныя державы принуждены будутъ найти сіе условное занятіе княжествъ справедливымъ возмездіемъ за неисполненіе турками трактатовъ“.

Мнѣніе князя Варшавскаго восторжествовало, русскія войска заняли лѣтомъ 1853 года придунайскія княжества „какъ залогъ“. Выраженіе это, встрѣчающееся въ запискѣ фельдмаршала, вошло даже въ высочайшій манифестъ, 14-го іюня 1853 г. возвѣстившій Россіи вступленіе арміи въ предѣлы Турціи. Между тѣмъ на западѣ собиралась гроза и неизбѣжное столкновеніе съ Портой грозило перейти въ обще-европейскую войну; въ виду измѣнившихся обстоятельствъ князь представилъ рядъ новыхъ, весьма замѣчательныхъ записокъ о турецкихъ дѣлахъ.

Въ первой изъ нихъ, относящейся къ 2/14 іюля, обращено особенное вниманіе на продовольственный вопросъ; сущность этихъ соображеній изложена въ нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ того же числа:

....„Мнѣ кажется, что если бы, несмотря на занятіе княжествъ, турки, подстрекаемые другими, продолжали упорствовать или сами насъ атаковали и тѣмъ заставили бы насъ объявить имъ войну,— то что въ такомъ случаѣ дѣлать. Всѣ прежнія войны наши въ Турціи доказываютъ, что наши неудачи и потери происходили не отъ одного непріятеля, но отъ недостатка всѣхъ родовъ въ голодномъ краѣ и отъ болѣзней, частію отъ того происходящихъ. Чтобы отвратить это, долгомъ первой важности было бы закупить теперь же въ Одессѣ хлѣба и сдѣлать неприкосновенный магазинъ до перехода за Балканы. Перевести его, если можно, моремъ, а если непріятельскіе флоты не допустятъ, то изъ Одессы въ Измаилъ и до Гирсова, а оттуда до Варны съ небольшимъ 100 верстъ[1]). На счетъ же размѣщенія войскъ при начатіи военныхъ дѣйствій, я думаю, что лучше не занимать Малой Валахіи[2]), а держаться на Дунаѣ, отъ Гирсова до Букареста, такъ

[1]) Отсюда видно, что князь Варшавскій, противно мнѣнію нѣмецкаго автора, полагалъ возможнымъ вести войну въ Европейской Турціи и не владѣя Чернымъ моремъ. **Н. Ш.**

[2]) Въ запискѣ сказано: «Конечно, турки могутъ вторгнуться въ Малую Валахію и разорять христіанъ, но мы не въ состояніи защищать ихъ всѣхъ. Въ

что только квадратъ съ небольшимъ въ сто верстъ отъ Гирсова на Варну, Шумлу, Рущукъ и Силистрію будетъ мѣстомъ первыхъ нашихъ дѣйствій".

Во всей подробности князь Паскевичъ развилъ свои мысли о предстоявшей войнѣ съ Портой въ двухъ запискахъ, представленныхъ императору Николаю въ Варшавѣ, въ сентябрѣ 1853 года; въ нихъ особенное значеніе придавалось вооруженію христіанскихъ племенъ Турціи, признаваемому фельдмаршаломъ важнымъ средствомъ для обезпеченія за нами успѣха. Мысль воспользоваться, въ случаѣ войны, вліяніемъ своимъ на христіанскія племена въ Турціи и вооружить, какъ говоритъ князь Варшавскій,—мысль не новая: „Она естественно представлялась въ каждую турецкую войну, какъ средство наносить непріятелю вредъ, ибо естественно также въ войнѣ искать и употреблять всѣ возможныя средства наносить непріятелю вредъ для достиженія цѣли войны, т. е. мира".

„Еще въ кампаніи 1773 и 1774 годовъ, графа Румянцева, въ послѣдствіи, въ 1788 — 1791 годахъ, князя Потемкина, формировали крестьянскія ополченія подъ названіемъ арнаутовъ. Въ 1806 году, князь Ипсиланти, бывшій причиною войны, также дѣлалъ попытки вооруженія христіанъ; обѣщалъ выставить до 20,000 пѣшихъ и конныхъ, издержалъ большія суммы и не выставилъ болѣе 5.000 человѣкъ, а въ сраженіи мы никогда не имѣли и 2.000 человѣкъ. Всѣ сіи попытки не приносили, однако, намъ пользы. Онѣ основаны были на вліяніи нашемъ на христіанъ и на жестокомъ ихъ положеніи въ Турціи. Основаніе было вѣрно; но не доставало корня, зерна, изъ котораго могли разростаться ополченія христіанъ; недоставало учителей и кадръ, которые бы дали прочное и правильное основаніе отчаянной, но нестройной толпѣ, и, наконецъ, недоставало умѣнія употребить ихъ въ дѣло".

„Нынѣ неудобства сіи могутъ быть устранены. Войска Молдавіи и Валахіи, до 10,000 человѣкъ, должны служить зерномъ христіанскихъ ополченій нашихъ въ Турціи".

.....„Я остаюсь убѣжденнымъ, что, сформировавъ мало по малу до 40 и 50,000 человѣкъ изъ туземныхъ христіанъ, намъ одного или двухъ корпусовъ достаточно будетъ противъ Турціи на европейской сторонѣ, хотя бы ее и поддерживали европейскія державы".

Что же касается предположеній князя Варшавскаго относительно наступательныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи, то они

эту ошибку мы всегда впадали, начиная отъ Миниха и Румянцева до Каменскаго. **Н. Ш.**

отличаются ясностію и убѣдительностію своихъ доводовъ и требуютъ отъ главнокомандующаго смѣлыхъ и быстрыхъ рѣшеній; послѣднему преподаются въ запискахъ прекрасные совѣты, о которыхъ фельдмаршалъ, къ сожалѣнію, самъ забылъ, когда онъ вступилъ въ командованіе арміею и на него легло бремя отвѣтственности, которое было ему въ то время уже не по силамъ; мало того, онъ сталъ даже дѣйствовать наперекоръ собственнымъ доводамъ.

Для поясненія этой разницы въ прежнихъ и послѣдующихъ воззрѣніяхъ Паскевича, стоитъ привести хоть, напримѣръ, его замѣтку о предполагаемой осадѣ Варны: „Движеніе къ Варнѣ должно быть, по возможности, быстрое, съ осадною артиллеріею, дабы не ждать ее, и съ большимъ количествомъ снарядовъ и прочихъ артиллерійскихъ запасовъ. По приходѣ къ Варнѣ, необходимо на другой же день открыть траншеи, а на третій и четвертый день начать стрѣльбу. По опыту извѣстно, что ничто такъ не страшитъ непріятеля, какъ скорое открытіе работъ и безостановочное движеніе ихъ впередъ, по правиламъ инженернаго искусства“.

Любопытно сравнить этотъ правильный взглядъ на осадное искусство съ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій фельдмаршала подъ Силистріею въ 1854 году!... Впрочемъ, въ послѣдующихъ замѣткахъ мы еще неоднократно возвратимся къ силистрійской осадѣ.

Наконецъ, въ обширной запискѣ, въ формѣ письма, отъ 29-го декабря 1853 года, предназначавшейся для князя Горчакова и представленной на высочайшее благоусмотрѣніе, князь Варшавскій подвергъ критическому разбору предположенія командующаго войсками на Дунаѣ и развилъ собственный взглядъ на открытіе кампаніи 1854 года. Фельдмаршалъ полагалъ начать наступательныя дѣйствія во второй половинѣ февраля, перейдя Дунай въ низовьяхъ, взять турецкія крѣпости на правомъ берегу и обратить эту рѣку въ большую дорогу для всѣхъ нашихъ транспортовъ. По расчету князя Варшавскаго, переправа потребовала бы два-три дня; взятіе Исакчи четыре-пять дней; два перехода до Мачина; взятіе Мачина—три дня; три марша до Гирсова; взятіе Гирсова—пять дней; пять дней до Силистріи—всего 24 или 25 дней. „Слѣдственно, около 15-го или 20-го числа марта можно быть подъ Силистріею“ .....„Подойдя къ Силистріи, начать осаду немедленно, такъ, чтобы открыть огонь на четвертый или пятый день. Это имѣетъ великое вліяніе на осажденныхъ. Если ничто не воспрепятствуетъ, то Силистрія можетъ быть взята въ три недѣли. Вѣроятно однако, что турки прибѣгутъ на помощь Силистріи съ верховья Дуная..... Они, вѣроятно, постараются собрать сюда всю свою армію,—этого я бы и желалъ... у насъ было бы: 5 пѣхотныхъ дивизій, $1^1/_2$ дивизіи

кавалеріи, казаки, артиллерія,—всего до 85,000 человѣкъ, а съ такими силами можно бы стать не только противъ турецкой, но и противъ европейской арміи. Турковъ же можно разбить и разсѣять, отнять половину орудій и преслѣдовать, по крайней мѣрѣ, на два перехода".

Приведенныя нами изъ этой записки выдержки доказываютъ, насколько князь Варшавскій отступилъ въ послѣдствіи отъ собственной программы, которую призналъ невыполнимой, совершенно отказавшись отъ всѣхъ заключающихся въ ней предположеній.

Въ началѣ 1854 года Паскевичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками на западной и южной границахъ; съ полученіемъ новаго важнаго назначенія, князь Варшавскій до 15-го апрѣля 1854 года не представлялъ болѣе записокъ о положеніи дѣлъ, ограничиваясь одними всеподданнѣйшими письмами. Но какъ измѣнились воззрѣнія нашего вождя за этотъ короткій періодъ времени! прежнія смѣлыя предположенія замѣняются позорными опасеніями, что придется „бѣжать изъ княжествъ и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля", въ случаѣ, если Австрія присоединится къ союзникамъ Порты. Поэтому фельдмаршалъ находилъ, что „благоразуміе требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества и стать въ другой позиціи, гдѣ мы можемъ быть также сильны, какъ теперь слабы на Дунаѣ. Позиція эта должна быть за Серетомъ, даже за Прутомъ".

Изъ помѣщенныхъ выше выдержекъ видно, что, согласно плану кампаніи князя Варшавскаго, вовсе не слѣдовало искать черезъ Вѣну пути въ Константинополь. Можетъ, таково было личное частное мнѣніе Паскевича, которое онъ не скрывалъ подчасъ отъ окружающихъ лицъ, и обусловленное ходомъ дипломатическихъ переговоровъ съ Австріею, но отсюда еще далеко до формальнаго плана кампаніи съ цѣлью открыть дѣйствія противъ Вѣны.

V.

Подробности о переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай заимствованы въ нѣмецкой статьѣ изъ записокъ генерала Ушакова о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ; нигдѣ, однако, какъ выше упомянуто, авторъ не считаетъ нужнымъ указывать на этотъ источникъ, которымъ онъ, впрочемъ, мѣстами пользуется весьма оригинальнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкой статьѣ сказано: „10-го (22) марта, между 9-ю и 10-ю часами вечера, прибылъ курьеръ изъ Варшавы". Между тѣмъ въ запискахъ генерала Ушакова мы читаемъ слѣдующее: „Въ ночь съ 9-го на 10-е (марта) число прибылъ къ князю Горчакову курьеръ изъ Варшавы". Выпишемъ для даль-

нѣйшаго сравненія послѣдующій затѣмъ разсказъ генерала Ушакова, драгоцѣнный для насъ какъ показаніе непосредственнаго свидѣтеля этого происшествія: „Изъ бумагъ, имъ доставленныхъ, мы узнали, что фельдмаршалъ, князь Варшавскій, назначенъ высочайшимъ приказомъ главнокомандующимъ западною и южною, или нашею, арміями. Объ этомъ извѣщалъ и самъ фельдмаршалъ въ частномъ письмѣ, составленномъ на-скоро, и совѣтовалъ не переправляться за Дунай, если переправа не была еще исполнена. Совѣтъ этотъ видимо встревожилъ князя Горчакова; но какъ письмо читано было при начальникѣ штаба, генералъ-квартирмейстерѣ и при мнѣ, то мы единогласно представили князю, что было бы чрезвычайно странно, послѣ всѣхъ приготовленій, отложить предпріятіе, хорошо обдуманное, исполненія котораго такъ нетерпѣливо ожидаетъ вся Россія, и при томъ отложить безъ высочайшаго на то повелѣнія. Слова наши имѣли успѣхъ: рѣшено было перейти на правый берегъ Дуная въ назначенный день, а потомъ ожидать новыхъ инструкцій отъ фельдмаршала“.

VI.

Нѣмецкій авторъ статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну“ утверждаетъ, что князь Варшавскій узналъ окольными путями о подготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Дунай и, полагая, вѣроятно, что выполненіе сего предпріятія можетъ быть предписано безъ его вѣдома, онъ пожелалъ этому воспрепятствовать. Мнѣніе это совершенно неосновательно и рѣшительно не можетъ выдержать исторической критики[1]. 2-го (14) февраля 1854 г. фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Варшавы, по высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ, и здѣсь обсуждался планъ предстоящей кампаніи, который былъ имъ одобренъ, о чемъ именно упоминаетъ императоръ Николай въ письмѣ князю Горчакову отъ 8-го марта. Возвратившись 14-го марта въ Варшаву, Паскевичъ писалъ государю въ тотъ же день слѣдующее о предполагаемой переправѣ черезъ Дунай: „...Судя по сдѣланнымъ распоряженіямъ, ожидать должно, что переправа за Дунай, вѣроятно, будетъ произведена согласно предположенію. Дай Богъ, чтобы оная удалась“.

Кажется, что этихъ краткихъ указаній достаточно, чтобы возстановить истину, а если приказанія, получаемыя княземъ Горчаковымъ изъ Петербурга и Варшавы, дѣйствительно противорѣчили другъ другу, то вина падаетъ исключительно на фельдмаршала, который помимо объявленной ему непремѣнной воли государя, послалъ сначала

[1] Императоръ Николай посылалъ даже князю Варшавскому копіи писемъ къ князю Горчакову. **Н. Ш.**

письменный совѣтъ—не переправляться за Дунай, а двумя днями позже положительное предписаніе—не переходить этой рѣки!!! Для надлежащей оцѣнки этого факта нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшіе комментаріи.

VII.

Изслѣдователя эпохи Крымской войны должно поразить странное обстоятельство, что среди офиціальной переписки о важнѣйшихъ событіяхъ того времени нашлось мѣсто для обмѣна мыслей относительно поэтическаго произведенія князя М. Д. Горчакова. Солдатская пѣсня его была написана въ Мачинѣ и приложена къ французскому письму военному министру, въ которомъ она поручалась его покровительству [1]). Согласно разсказу генерала Ушакова, все это было составлено въ Мачинѣ. „Разумѣется, при такомъ настроеніи не было и рѣчи объ отправленіи курьера изъ Мачина"; а затѣмъ надъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о переправѣ черезъ Дунай работали уже всю ночь въ Браиловѣ. Кажется, что здѣсь генералъ Ушаковъ впалъ въ ошибку, не упомянувъ о томъ, что князь Горчаковъ, помимо поэтическихъ упражненій, отправилъ, 13-го марта 1854 г., изъ Мачина государю съ флигель-адъютантомъ Мирбахомъ всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ онъ вкратцѣ изложилъ благополучную переправу за Дунай во всѣхъ трехъ пунктахъ; содержаніе этого собственноручнаго письма слѣдующее:

„Имѣю счастіе доложить В. И. В., что походъ 1854 года открытъ съ честью для вашего оружія. 11-го марта войска ваши овладѣли правымъ берегомъ Дуная на трехъ пунктахъ: 1) отъ Галаца, безъ боя, главнымъ отдѣломъ подъ командою генерала Лидерса, ибо турки насъ тутъ не ожидали; 2) отъ Браилова, съ боя, отдѣломъ подъ личнымъ моимъ начальствомъ; здѣсь уронъ былъ незначителенъ—всего около 50 человѣкъ, потому что все дѣло преимущественно исполнено артиллеріею, которая была прикрыта эполементами; къ сожалѣнію, въ числѣ раненыхъ находится и инженерный генералъ Дубенской, которому оторвало ногу; 3) отъ мыса Четала, отдѣломъ подъ командою генерала Ушакова; тутъ бой былъ кровопролитный, но за то и самый блистательный. Нашимъ пришлось штурмовать весьма сильные редуты. Непріятель понесъ огромную потерю убитыми; взято у него 9 орудій и болѣе 150 плѣнныхъ. Русскіе потеряли около 400 человѣкъ убитыми и ранеными.

---

[1]) Военный министръ отвѣчалъ князю Горчакову на счетъ пѣсни 21-го марта: ...«Государь императоръ читалъ ваши стихи и остался ими очень доволенъ. Онъ приказалъ Львову положить ихъ на музыку. Я пришлю ее вамъ, коль скоро она будетъ окончена». Н. Ш.

„Изумленный непріятель безъ дальнѣйшаго сопротивленія бросилъ Тульчу, которую занялъ вчера генералъ Ушаковъ, и Мачинъ, откуда я имѣю счастіе посылать настоящее донесеніе.

„Мачинъ и Тульча были окружены весьма сильными полевыми укрѣпленіями; взять ихъ съ бою нельзя бы было не потерявъ нѣсколько тысячъ храбрыхъ. Въ Мачинѣ было отъ 10 до 15,000 турокъ; въ Тульчѣ отъ 5 до 6,000. Я ожидаю, что Исакча будетъ сегодня или завтра оставлена непріятелемъ.

„Войска В. И. В., отъ генерала до рядоваго, достойны всякой похвалы; они дышатъ мужествомъ и готовностью умереть за вашу славу. Наиболѣе отличились: генералъ Шильдеръ возведеніемъ весьма замѣчательныхъ батарей и созданіемъ, такъ сказать, двухъ мостовъ (у Галаца и Браилова) изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для одного. Генералъ Коцебу командованіемъ передоваго отряда при высадкѣ у Браилова, и генералъ Ушаковъ, предводительствовавшій войсками, прославившимися подъ Тульчею. Полковникъ Мирбахъ, посланный съ настоящимъ донесеніемъ, былъ постоянно съ охотниками передовыхъ войскъ.

„Завтра я буду имѣть счастіе повергнуть В. И. В. подробное донесеніе изъ Браилова, гдѣ увижусь съ генераломъ Лидерсомъ, коего войска сближаются сегодня къ Мачину обходною дорогою на Жижило, и ночью отправлюсь въ Букарестъ, гдѣ считаю присутствіе мое теперь необходимымъ.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр. Князь Горчаковъ 2-й".

Государь прислалъ князю Горчакову, за переправу черезъ Дунай, собственный портретъ, украшенный алмазами, при весьма милостивомъ письмѣ [1]), въ которомъ встрѣчаются слѣдующія слова:

„...Въ знакъ моей особой благодарности за твою вѣрную и отличную службу и того искренняго уваженія и дружбы, которыя къ тебѣ питаю, желаю, чтобы изображеніе того, которому ты оказываешь столько услугъ, было съ тобой неразлучно, какъ знакъ его признательности".

Ко времени успѣшнаго занятія нашими войсками праваго берега Дуная, союзники не были еще готовы къ открытію кампаніи и, какъ тогда справедливо полагали, никакъ не ранѣе мѣсяца можно было ожидать появленія ихъ съ десантомъ въ какомъ-либо пунктѣ приморскаго прибрежья [2]). „Этотъ мѣсяцъ надо употребить въ пользу", пи-

---

[1]) Независимо отъ высочайшаго рескрипта, въ которомъ встрѣчалось выраженіе: «Видя въ семъ подвигѣ залогъ будущихъ успѣховъ противу враговъ святой вѣры и отечества». Н. Ш.

[2]) Въ концѣ марта мѣсяца находилось только 13,000 французовъ въ Галлиполи и 9,000 англичанъ на островѣ Мальтѣ. Н. Ш.

салъ государь 20-го марта князю Горчакову. Дѣйствительно, императоръ Николай желалъ продолжать немедленно наступательныя дѣйствія, чтобы извлечь возможную пользу отъ удачно открытаго похода 1854 года. Въ такомъ же смыслѣ государь писалъ князю Паскевичу, находившемуся въ это время еще въ Варшавѣ, готовясь выѣхать въ придунайскія княжества для принятія главнаго начальства надъ арміею.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ этой переписки:

(Изъ письма государя отъ 22-го марта): ...„Третьяго дня, вечеромъ, прибылъ отъ Горчакова изъ Мачина фл.-ад. Мирбахъ съ радостнымъ извѣстіемъ о благополучно совершенной переправѣ и овладѣніи Тульчей и Мачинымъ. Слава Богу, слава Горчакову и молодецкимъ войскамъ! Шагъ важный, ежели съумѣемъ или удастся воспользоваться его впечатлѣніемъ... не надо, кажется, терять время и немедля готовиться приступить къ осадѣ Силистріи,—главной цѣли всей кампаніи 1854 года. Оно особенно важно уже и тѣмъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ оттянетъ часть силъ союзниковъ, вмѣсто атаки нашихъ береговъ, къ Варнѣ и къ вспомоществованію Силистріи. Прошу, отецъ командиръ, вникнуть въ эту мысль и дать твои приказанія Горчакову въ этомъ смыслѣ, ежели ты не противенъ сему. Упустимъ мы воспользоваться теперешнимъ успѣхомъ и его впечатлѣніемъ на турокъ, подобнаго удобства не встрѣтимъ впередъ на долго, и сомнѣнія нѣтъ, что союзники симъ воспользуются, чтобъ начать свои покушенія, къ которымъ они, какъ кажется, еще не готовы... Вотъ копія моего письма Горчакову. Твои предписанія ему и Сакену читалъ, очень хороши и согласны моимъ видамъ. Теперь только, ради Бога, не будемъ терять время, надо воспользоваться теперешнимъ впечатлѣніемъ и время дорого“.

(Изъ всеподданнѣйшаго письма князя Варшавскаго отъ 21-го марта):

„Имѣю счастіе поздравить В. И. В. съ благополучнымъ переходомъ войсками вашими Дуная. Сейчасъ я получилъ подробное о томъ донесеніе отъ князя Горчакова, который донесъ уже прямо къ вашему величеству. Слава Богу, переходъ совершенъ блистательно и почти безъ потерь. Князь Горчаковъ пишетъ мнѣ, что онъ живъ бы не остался, если бы переправа не удалась. Для насъ важно имѣть мостъ, а генералъ Шильдеръ устроилъ ихъ два. Кромѣ того, дѣйствіе на Дунаѣ будетъ служить диверсіею и для грековъ. Занятіе Гирсова намъ теперь не помѣшаетъ, ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, десантовъ нельзя ожидать прежде половины апрѣля; слѣдовательно, успѣемъ еще отвести войска, когда будетъ нужно. ...Теперь все зависитъ отъ поведенія Австріи“.

(Изъ письма государя отъ 24-го марта):

„...Какъ бы хорошо подступить покуда къ Силистріи и тѣмъ предупредить затѣи союзниковъ. Быть можетъ, Омеръ-паша выйдетъ къ намъ изъ Шумлы или Рущука, и его разбить до прихода союзниковъ".

„Во всякомъ случаѣ полагаю, что нашъ переходъ черезъ Дунай измѣнитъ нѣсколько ихъ затѣи десантовъ къ намъ, а мы до того успѣемъ быть вездѣ готовыми къ отпору, не такъ-ли?"

(Изъ письма государя отъ 26-го марта):

...„Мнѣ бы хотѣлось приступить къ Силистріи, устроивъ или переведя одну изъ переправъ къ Калярашу, въ особенности, если турки продолжали отступать и Лидерсъ, за ними слѣдя, могъ пройти Черноводы. Прикрывшись справа у Букареста тремя дивизіями, какъ отъ Малой Валахіи, такъ и отъ Рущука, одна дивизія, напримѣръ, 8-я, могла бы послана быть къ Калярашу. Но ежели турки изъ-подъ Калафата пошли впередъ за Липранди, то выждать, чтобъ отошли марша на три или четыре отъ Дуная, и въ такомъ случаѣ, ничего не отдѣляя, совокупными силами, т. е. 4-мя дивизіями пѣхоты и двумя кавалеріи, идти прямо на нихъ, и съ Божіею помощію разбить и сильно преслѣдовать кавалеріею. Тогда еще удобнѣе будетъ отдѣлить не только одну, но, быть можетъ, и двѣ дивизіи къ Калярашу, и тамъ, переправясь, подвигаться съ Лидерсомъ и обложить Силистрію. Ежели Омеръ-паша съ главными силами вышелъ бы на встрѣчу, думаю, что его надо бы тогда же атаковать и стараться разбить до прихода союзныхъ силъ, которыя врядъ-ли изъ Варны быть могутъ ранѣе 15-го (27) апрѣля и то, думаю, не въ полномъ числѣ, ежели часть ихъ останется въ Босфорѣ и Дарданелахъ, и быть можетъ, и въ Варнѣ. Тоже не ранѣе сего ожидать можно и десантовъ, которыми стращаютъ... душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу изъ столь неожиданнаго благополучнаго начала..."

„Да благословитъ Господь Богъ новый твой походъ и да дастъ тебѣ новый вѣнецъ славы въ продолженіе персидскаго, турецкаго, польскаго и венгерскаго походовъ".

Послѣдующія событія доказали, какъ вѣрно императоръ Николай оцѣнивалъ обстоятельства; но князь Варшавскій, изъ чрезмѣрнаго опасенія Австріи, не захотѣлъ извлечь возможныхъ выгодъ изъ занятія праваго берега Дуная. Между тѣмъ, вся тактика Австріи состояла въ томъ, чтобы держать насъ въ недоумѣніи своими коварными замыслами, и непрестанно стращать занятіемъ княжествъ; къ несчастію, этотъ политическій маневръ имъ вполнѣ удался.

VIII.

31-го марта 1854 г. военный министръ снова писалъ князю Горчакову о его солдатской пѣснѣ:

..."Я уже увѣдомилъ васъ, что государь императоръ прочелъ ваши прекрасные стихи съ большимъ удовольствіемъ; они достойны того, чтобы сопровождать извѣстіе о переправѣ черезъ Дунай. Его величество тогда же поручилъ тайному совѣтнику Львову положить ихъ на музыку. Г. Львовъ только что окончилъ свой трудъ и я спѣшу приложить къ сему письму его музыкальное произведеніе. Я попросилъ у него еще двѣ партитуры, изъ которыхъ одна предназначена для пѣхотныхъ полковъ, другая же—для стрѣлковъ. Я не замедлю прислать ихъ вамъ".

Пѣсня князя Горчакова была въ свое время напечатана; считаемъ, однако, не безъинтереснымъ приложить ее къ нашимъ замѣткамъ, по списку, сообщенному ред. „Русской Старины" М. М. Богоявленскимъ:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ!
Православный русскій воинъ,
Не считая, бьетъ враговъ.
　　Что французы, англичане?
　　Что турецкій глупый строй?
　　Выходите, басурмане,
　　Вызываемъ васъ на бой!
Кровопійцы православныхъ!
Богъ накажетъ васъ чрезъ насъ.
Покровители поганыхъ!
Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ.
　　За царя и за Россію
　　Мы готовы умирать;
　　За царя и за Россію
　　Будемъ васъ на штыкъ сажать!
Чувства мужества намъ сродны,
Не страшна намъ смерть въ бояхъ:
Богу храбрые угодны, —
Имъ награда въ небесахъ!

IX.

Въ началѣ мая 1854 года подъ Силистріею было собрано:

1) На правомъ берегу Дуная: 9-я и 15-я пѣхотныя дивизіи съ артиллеріею, 1-я бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конной батареею № 5-й, 5-й саперный баталіонъ, 3-й и 5-й стрѣлко-

вые баталіоны, два донскихъ полка №№ 9-й и 22-й. Всего 35 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 12 сотень и 9 батарей.

2) На лѣвомъ берегу, у Калараша: 8-я пѣхотная дивизія съ артиллеріею, Камчатскій егерскій полкъ, 3-й саперный баталіонъ, 1-я бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конной батареею № 7-й, легкія батареи №№ 3-й и 4-й (11-й артиллерійской бригады), донская батарея № 9-й, три сотни донскаго № 34-го полка. Всего 21 баталіонъ, 14 эскадроновъ, 3 сотни и 8 батарей.

Въ послѣдствіи осадная армія возрасла до 77 баталіоновъ, 68 эскадроновъ, 27 сотень при 266 орудіяхъ (изъ нихъ 52 осадныхъ). Къ концу осады подъ Силистріею находилось до 90,000 человѣкъ; затѣмъ имѣлось еще здѣсь два военныхъ парохода, нѣсколько канонирскихъ лодокъ, 3 артиллерійскихъ парка, осадный инженерный и понтонный паркъ, 4 подвижныхъ госпиталя и госпиталь въ Каларашѣ—всего на 2,400 человѣкъ.

Числительность силистрійскаго гарнизона въ началѣ осады простиралась до 12,000 человѣкъ; въ послѣдствіи, благодаря мѣропріятіямъ князя Варшавскаго, недопустившаго обложить крѣпость, онъ постепенно усилился до 18,000 человѣкъ.

X.

Дѣло полковника Карамзина въ отрядѣ генерала Липранди, случилось 16-го мая 1854 г., въ день неудачнаго штурма генераломъ Сельваномъ форта Арабъ-Табіи подъ Силистріею. Виновникъ этого несчастія принялъ бой, вопреки инструкціи, на невыгодной позиціи, имѣя въ тылу болотистую рѣчку, текущую въ глубокомъ оврагѣ; передъ этимъ же, онъ утомилъ свой отрядъ (всего 700 человѣкъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ) движеніемъ на рысяхъ съ привала, на протяженіи болѣе 10-ти верстъ. Выбыло изъ строя почти пятая часть отряда; артиллерія досталась въ руки турокъ.

Фельдмаршалъ сдѣлалъ генералу Липранди письменное замѣчаніе и приказалъ строжайше изслѣдовать виновника пораженія. Въ результатѣ оказалось, что единственный виновникъ въ несчастномъ дѣлѣ Александрійскаго полка, полковникъ Карамзинъ, увлекшійся неумѣстной отвагой. „Дай Богъ, чтобъ подобное не повторялось,“ писалъ государь князю Варшавскому, ибо ничего для меня нѣтъ прискорбнѣе, какъ подобная безполезная трата драгоцѣннаго войска“.

Сообщ. **Н. К. Шильдеръ.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Указъ императрицы Елисаветы

1744 г.

Указъ нашимъ духовнымъ властямъ, воинскимъ и гражданскимъ управителямъ.

Указали мы священника Евстафія Могелянского святѣйшему синоду посвятить въ Полтаву протопопомъ, и опредѣлить къ церкви Воскресенія Христова настоятелемъ; а притомъ всемилостивѣйше пожаловали ему, Могелянскому, въ Полтавѣ дворъ измѣннической выморочной Герциковской, со всѣмъ въ немъ находящимся строеніемъ; и гдѣ онъ жительство имѣть будетъ, тотъ его домъ отъ всякихъ постоевъ, служебъ и другихъ тягостей свободить. Тако-жъ хотя по рѣшительнымъ 1728 году малороссійскимъ пунктамъ, духовнымъ персонамъ въ Малой Россіи земли и грунты покупать запрещено, однако ему, Могелянскому, въ Малой Россіи мѣста и грунты, не въ образецъ другимъ, купить и подъсосѣдковъ до тридцати человѣкъ содержать позволить, съ которыхъ по тому же никакой службы не спрашивать и отъ постоевъ быть имъ свободнымъ. О чемъ въ Малую Россію и нашему генералу-лейтенанту Бибикову и указъ нашъ, сего апрѣля 22-го дня, отправленъ: того ради повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, оному протопопу Могелянскому во всемъ вышеписанномъ, чѣмъ онъ отъ насъ всемилостивѣйше пожалованъ, препятствія никакого не чинить. И прочитая сей нашъ указъ, отдавать ему обратно. Данъ въ нашемъ селѣ Покровскомъ, апрѣля 22-го дня 1744 году. „Елисаветъ".

Примѣчаніе. Печатаемъ съ подлинника, писаннаго на большомъ листѣ, прекрасно сохранившемся, вмѣстѣ съ конвертомъ, на которомъ надпись: «Указъ нашимъ духовнымъ властямъ, воинскимъ и гражданскимъ управителямъ». Импе-

раторская печать краснаго сургуча также сохранилась. Документъ интересенъ, какъ свидѣтельство особеннаго вниманія, которое оказывала императрица Елисавета духовнымъ лицамъ, въ особенности по происхожденію малороссіянамъ. Могелянскій одинъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ, рѣчи котораго были исполнены осужденія періода бироновщины и восторженнаго привѣта царствованію дочери Петра Великаго. Онъ нѣсколько разъ говорилъ въ ея присутствіи, и проповѣди его были тогда же напечатаны.

Два повелѣнія императора Павла.

1.

С.-Петербургъ, февраля 25-го дня 1799 года.

Господинъ генералъ-маіоръ Брантъ, перемѣнивъ прежнее мое намѣреніе, повелѣваю вамъ остаться на непремѣнныхъ вашихъ квартирахъ по прежнему, а въ Москву не слѣдовать. Засимъ пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Помѣта: «Получено 3-го марта, пополудни въ 6-мъ часу».

2.

С.-Петербургъ, февраля 27-го дня 1799 года.

Господинъ генералъ-маіоръ Брантъ, сходственно прежнему моему повелѣнію, съ полученія сего, повелѣваю вамъ выступить со ввѣреннымъ вамъ полкомъ изъ непремѣнныхъ вашихъ квартиръ и слѣдовать прямѣйшимъ трактомъ въ Москву. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

Помѣта: «Получено 5-го марта, пополудни въ 6-мъ часу».

Сообщ. **А. А. Повало-Швыйковскій.**

Иванъ Гавриловичъ Кузминскій.

1758—1808.

Покойный отецъ мой, Иванъ Гавриловичъ Кузминскій, изъ россійскихъ дворянъ, въ службу записанъ былъ въ артиллерію 1-го сентября 1767 года; въ 1775 году находился подпоручикомъ во 2-й арміи противъ турокъ, а въ 1785 году, оставя военную службу, онъ, какъ помѣщикъ С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, по выбору дворянства, послѣдовательно занималъ разныя должности; наконецъ, былъ засѣдателемъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, который откомандировалъ его для присутствованія въ приказѣ общественнаго призрѣнія; приказъ же поручилъ ему смотрѣніе за богадѣльнями, сиротскимъ отдѣленіемъ и рабочимъ домомъ.

Во время его смотрѣнія за сиротскимъ домомъ, императоръ Павелъ I неожиданно посѣтилъ этотъ домъ, и войдя въ подробности его содер-

жанія до такой степени, что приказалъ нѣкоторымъ изъ сиротъ разуться, чтобы видѣть ихъ обувь и бѣлье,—его величество остался совершенно доволенъ и сказалъ отцу моему своимъ медленно-сиповатымъ голосомъ:

— „Надѣйся на меня; на меня надѣйся".

Эти слова суроваго монарха были вполнѣ справедливымъ знакомъ вниманія къ отцу моему за истинно-нѣжную попечительность о ввѣренныхъ ему сиротахъ; они запечатлѣлись въ памяти нашего семейства и съ точностію перешли въ дорогія для него преданія.

Вскорѣ за симъ благоволеніе къ моему отцу императора Павла выразилось еще въ другомъ случаѣ: родной племянникъ его, Левъ Александровичъ Кузминскій, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, перваго баталіона, молодой ловкій офицеръ, на разводѣ, въ гор. Гатчинѣ, звонкимъ голосомъ ясно командуя передъ своимъ взводомъ и смѣло салютуя эспантономъ Павлу I, тѣмъ обратилъ на себя особенное его вниманіе, и императоръ спросилъ:

— „Какъ, сударь, тебѣ приходится тотъ Кузминскій, что высокаго роста, съ открытымъ челомъ?"

Родной дядя, отвѣчалъ двоюродный братъ мой.

— „Честный человѣкъ", отозвался императоръ.

По упраздненіи верхнихъ земскихъ судовъ, отецъ мой опредѣленъ въ камеръ-коллегію совѣтникомъ, 14-го ноября 1797 г., въ слѣдующій затѣмъ годъ пожалованъ въ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1799 г., іюня 28-го, по прошенію, за болѣзнію, изъ камеръ-коллегіи уволенъ.

Въ томъ же 1799 году статсъ-секретарь Дмитрій Николаевичъ Неплюевъ писалъ къ нему изъ гор. Гатчины слѣдующее:

«26-го августа.»

„Государь императоръ, выслушавъ всеподданнѣйше представленное мною прошеніе ваше о пенсіонѣ, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ объявить вамъ, что его величество не отказываетъ вамъ въ просьбѣ вашей, но, зная усердную и вѣрную службу вашу, желаетъ, чтобы вы не оставляли продолжать оную, если силы ваши то позволятъ, какъ государь то полагать изволитъ".

«1-го сентября.»

„По отзыву вашему ко мнѣ вслѣдствіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, присланному августа отъ 29-го числа, и по всеподданнѣйшему моему докладу, государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ изволилъ написать вамъ, что если вы желаете быть на прежнемъ мѣстѣ, то на оное помѣщены будете, о чемъ для донесенія его величеству прошу меня увѣдомить".

«9-го сентября.»

„Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, отъ 5-го сентября, объясняете, что вы, милостивый государь мой, быть на прежнемъ мѣстѣ въ камеръ-коллегіи особаго желанія не имѣете, а всеподданнѣйше желаете служить тамъ, гдѣ его императорскому величеству благоугодно будетъ повелѣть, но какъ священнѣйшая воля его величества есть, дабы вы служили именно въ камеръ-коллегіи, а не въ другомъ мѣстѣ, то я, сообщая вамъ о таковомъ монаршемъ соизволеніи, прошу доставить мнѣ отвѣтъ для донесенія его величеству".

Вслѣдъ за симъ, 28-го ч. сентября 1799 г., въ гор. Гатчинѣ, данъ былъ высочайшій указъ сенату:

„Уволеннаго отъ службы за болѣзнію статскаго совѣтника Кузминскаго всемилостивѣйше повелѣваемъ опредѣлить паки въ нашу камеръ-коллегію членомъ и, поруча ему въ оной счетную экспедицію, производить то жалованье, какое онъ получалъ прежде въ сей коллегіи".

Павелъ.

„а пансіонъ продолжать свѣрьхъ того. П." [1]).

Тогда же, какъ въ послужномъ спискѣ отца моего сказано, въ сходственность сенатскаго въ камеръ-коллегію указа, по случаю просьбы здѣшнихъ питейныхъ сборовъ откупщиковъ, кои просили продавать имъ въ С.-Петербургѣ пиво, полпиво и медъ, не соразмѣрно ихъ пользѣ, а въ отягощеніе покупателей, весьма большими цѣнами, предписано сдѣлать опытъ, который вслѣдствіе того порученъ былъ отцу моему.

Онъ нанималъ отъ Невской лавры, подлѣ нея, на Невскомъ проспектѣ, небольшой, очень простенькій деревянный домъ, въ которомъ не было никакихъ затѣй, и зала, лучше сказать, пріемная комната, служила ему также кабинетомъ, гдѣ онъ, за раскинутымъ передъ диваномъ ломбернымъ столомъ, работалъ. Въ случаѣ посѣщеній, столъ съ бумагами убирался и комната дѣлалась пріемною и мужскою гостиною.

Въ то время, какъ отецъ мой началъ заниматься порученнымъ ему опытомъ, въ одно утро подъѣхала къ его воротамъ карета, изъ которой лакей высадилъ, въ русскомъ кафтанѣ, хорошаго роста, плотнаго, съ сѣдою бородою купца; у него на шеѣ висѣли медали, и одна изъ нихъ золотая на андреевской лентѣ: это былъ извѣстный города Вольска именитый гражданинъ, Василій Алексѣевичъ Злобинъ, богатѣйшій въ государствѣ откупщикъ, которому открыты были двери въ кабинеты всѣхъ правительственныхъ лицъ.

Отецъ мой зналъ Злобина только по службѣ и хотя догадывался

[1]) Подпись и приписка руки императора Павла.

о причинѣ его пріѣзда къ нему, но принялъ его. Самонадѣянный откупщикъ, сидя у ломбернаго стола, на которомъ передъ отцомъ моимъ лежали бумаги, касающіяся сказаннаго опыта, ходатайствовалъ въ пользу откупа, и въ разговорѣ, послюнивъ палецъ, протянулъ руку, чтобы отвернуть листъ и посмотрѣть тѣ бумаги; отецъ мой, съ негодованіемъ шлепнувъ его по рукѣ, сказалъ:

— Не тронь этого!

Въ послужномъ спискѣ отца моего упомянуто, что онъ при опытѣ вывелъ такъ, что цѣны, противу просимыхъ откупщиками, обошлись несравненно дешевле, и что докладъ сената по этому дѣлу высочайше корфирмованъ.

Злобинъ, послѣ дальней и неудачной его поѣздки подъ Невское, съ удивленіемъ говорилъ инымъ:—„Что это за человѣкъ Кузминскій! Я въ первый разъ въ жизни такого встрѣтилъ; а вѣдь ему отъ насъ не худо бы получить 30 тысячъ руб.“

Отецъ мой скончался 17-го ноября 1808 г. на службѣ, въ присутствіи адмиралтействъ коллегіи, въ которой управлялъ хозяйственною экспедиціею и коммисаріатскимъ отдѣленіемъ.

Это былъ человѣкъ простыхъ нравовъ; на открытомъ челѣ его написаны были добродушіе и откровенность; во всѣхъ поступкахъ своихъ онъ обнаруживалъ благородство, честность и правоту. Друзья и знакомые крайне жалѣли о немъ; с.-петербургскій митрополитъ Амвросій, въ знакъ любви и уваженія, вызвался безмездно похоронить отца моего съ почестью въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и покоится прахъ его подъ скромнымъ памятникомъ на кладбищѣ церкви св. Лазаря.

Г. И. Кузминскій.

Мнѣнія Московскаго Митрополита Филарета.

1856—1864.

I.

О нѣкоторыхъ предположеніяхъ, относящихся къ измѣненіямъ въ государственномъ гербѣ.

7-го февраля 1856 г.

Геральдика мнѣ неизвѣстна. Впрочемъ (можетъ быть, по незнанію моему), не думаю, чтобы законы ея были очень важны. Напримѣръ, какая бѣда въ томъ, что всадникъ въ московскомъ гербѣ долго ѣхалъ на лѣво, тогда какъ геральдика велитъ ему ѣхать на право? По моему мнѣнію, въ семъ дѣлѣ болѣе силы и дѣйствія должны имѣть отечественная исторія и отечественныя преданія.

Разсмотрю вопросы по моему посильному разумѣнію:

1) Точно-ли архангелъ Михаилъ не можетъ держать государственнаго герба, „потому что онъ знаменуетъ хранителя усопшихъ государей?“

Не могу отвѣчать на сіе утвердительно, потому что указанное основаніе не твердо. Архангельскій соборъ, въ Москвѣ, великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ построенъ на мѣстѣ прежде бывшей деревянной церкви во имя архистратига Михаила, „въ благодарность Богу за избавленіе Россіи отъ голода“, какъ написалъ самъ г. Снегиревъ въ „Памятникахъ московской древности“; слѣдственно, первымъ основаніемъ сего собора не была мысль великаго князя, что архистратигъ Михаилъ „знаменуетъ хранителя усопшихъ“. Сія мысль не основана ни на священномъ писаніи, ни на преданіи церковномъ. Въ какомъ смыслѣ „Михаилъ архангелъ препирался о Моисеовѣ тѣлеси“ (Іуд. 9), апостолъ не объясняетъ, а преданіе полагаетъ, что онъ не допустилъ евреевъ открыть тѣло Моисеево, чтобы они не обоготворили его, какъ обоготворяли своихъ знаменитыхъ людей язычники древнихъ временъ. Это особенный случай, и онъ не ведетъ къ заключенію, что архангелъ Михаилъ есть хранитель усопшихъ. Священное писаніе являетъ намъ архистратига Михаила, какъ защитника и хранителя православнаго народа. Онъ явился Іисусу Навину и наставилъ его чудесно взять Іерихонъ. О немъ архангелъ Гавріилъ сказалъ пророку Даніилу, что за евреевъ предстательствуетъ предъ Богомъ „Михаилъ, князь вашъ“. (Дан. X, 21).

Впрочемъ, не соглашаясь съ г. Снегиревымъ, я не утверждаю того, что архистратигъ Михаилъ долженъ держать государственный гербъ, потому что въ основаніе сему не нахожу событія собственно въ исторіи Россіи, имѣющаго государственное значеніе, и потому, что народъ, увидя при гербѣ архистратига Михаила, можетъ, подобно г. Снегиреву, вспомнить при семъ объ Архангельскомъ соборѣ, какъ усыпальницѣ, и сіе воспоминаніе будетъ непріятно.

2) Долженъ-ли архангелъ Гавріилъ держать государственный гербъ „ибо, какъ говоритъ преданіе, первою церковію на Москвѣ была Благовѣщенская, на радость граду?“

И здѣсь не вижу основанія отвѣчать утвердительно.

Давнее преданіе, общее мнѣніе и самаго г. Снегирева въ „Памятникахъ московской древности“ мнѣніе есть, что первая церковь, „ровестница Москвѣ“, есть Спасъ на бору, а не Благовѣщенская. Первымъ создателемъ Благовѣщенскаго собора признаетъ онъ Дмитрія Донскаго. Хотя же и упоминаетъ о созданіи деревянной церкви Благовѣщенія на мѣстѣ села Кучкова княземъ Андреемъ Владимірскимъ,

но признается, что говоритъ сіе только „по сомнительному свидѣтельству одной лѣтописи". Благовѣщенскій соборъ есть храмъ высокой важности, но онъ въ исторіи великихъ князей и царей имѣлъ болѣе фамильное, нежели государственное значеніе; государственное же значеніе имѣлъ и имѣетъ московскій большой Успенскій соборъ, и по предсказанію святителя Петра, и потому, что въ немъ коронуются благочестивѣйшіе императоры всероссійскіе. Выраженіе: „на радость граду" въ лѣтописи принадлежитъ не московской, а кіевской надворотной Благовѣщенской церкви, и, какъ сомнительное, помѣщено въ I-мъ томѣ „Лѣтописей", на стр. 65-й, не въ текстѣ, а въ варіантахъ. Полныя слова сего варіанта суть слѣдующія: „сію же премудрый князь Ярославъ того дѣля сотвори Благовѣщеніе на вратѣхъ, дать всегда радость граду тому святымъ Благовѣщеніемъ Господнимъ и молитвою святыя Богородицы и архангела Гавріила". Очевидно, что это не есть государственная мысль, а простое размышленіе, не великаго князя и не кіевскаго лѣтописца, а послѣдующаго переписчика. Да и въ Кіевѣ Благовѣщенская церковь не первая, а предшествуютъ ей Софійская, по времени и по важности, и другія по времени. И такъ, нѣтъ основанія построенія Благовѣщенской церкви почитать государственнымъ актомъ, могущимъ войти въ государственный гербъ; и при томъ, если бы при семъ гербѣ поставленъ былъ архангелъ Гавріилъ, трудно было бы догадаться, что это относится къ Благовѣщенской церкви. Символы же государственнаго герба, по возможности, должны быть вразумительны, дабы правильное разумѣніе заключенныхъ въ немъ государственныхъ идей внушало уваженіе къ сему царскому и государственному знаменію, и дабы неразумѣніе не подавало повода къ неправильнымъ толкованіямъ, которыя могутъ быть и вредныя.

3) Долженъ-ли св. благовѣрный великій князь Александръ Невскій держать государственный гербъ?

По историческому соображенію, надлежитъ отвѣтствовать, что сіе прилично. Лицо св. великаго князя такъ свѣтло въ судьбахъ отечества нашего, что присутствіе его при государственномъ гербѣ было бы и понятно, и досточтимо.

Но если уже такъ, то болѣе было бы гармоніи идей, если бы государственный гербъ держали св. великій князь Владиміръ и св. великій князь Александръ Невскій.

Говорю сіе только условно, по государственно-историческому соображенію, а не рѣшительно, потому что представляется еще требующее вниманія соображеніе церковное.

Слѣдующій вопросъ мнѣ не предложенъ, но я не могу не предложить его и не разсмотрѣть:

4) Должно-ли кого-либо изъ архангеловъ или святыхъ прославленныхъ мужей представить держащими государственный гербъ?

Въ церкви видимъ въ иконостасѣ архангеловъ, стоящихъ по странамъ Господа Вседержителя, и держащихъ круглые камни съ написанными на нихъ именами Бг҃ъ Іс҃ Хр҃. Будетъ-ли спокойно благочестивое чувство православнаго, если увидимъ ихъ низведенными къ тому, чтобы держать государственный гербъ, предметъ величайшей важности въ государственномъ отношеніи, который, однако, не есть знаменіе божественное или святыня?

Благочестивѣйшій императоръ не носитъ самъ государственнаго герба, а поручаетъ сіе государственнымъ служителямъ, иногда не самыхъ высшихъ степеней. Будетъ-ли съ симъ сообразно, если представить св. великихъ князей Владиміра и Александра Невскаго, несущихъ россійскій государственный гербъ?

Полагаю, что сія дисъ-гармонія идей, сіе подчиненіе идеи святаго идеѣ гражданской, неблагопріятно почувствуется людьми строгаго благоговѣнія къ святынѣ.

Не могу не подчиниться сему соображенію и не признать болѣе несомнительнымъ то, чтобы составъ государственнаго герба образованъ былъ собственно по государственнымъ идеямъ, подобно какъ и московскій гербъ, вошедшій въ составъ герба государственнаго. Всадникъ, поражающій дракона, есть символъ православной державы, побѣдоносной надъ зломъ. По соображенію съ симъ, государственный гербъ могли бы держать воинъ въ одеждѣ и вооруженіи временъ св. Владиміра и воинъ въ одеждѣ и вооруженіи временъ Петра Великаго. Одинъ былъ бы знаменіемъ начала православной побѣдоносной державы, а другой — ея преобразованія чрезъ просвѣщеніе.

Или: позволитъ-ли геральдика, чтобы государственный гербъ держали великій князь Іоаннъ III, собиратель русской земли, и Петръ Великій? Если позволитъ, то и симъ образомъ рѣшиться можетъ дѣло. А если не позволитъ, то чрезъ сіе подтвердитъ, что не должно позволять и того, чтобы государственный гербъ держали архангелы или прославленные святые мужи.

Сіи посильныя изслѣдованія и мысли смиренно предаю на судъ государственной мудрости. Филаретъ, митрополитъ Московскій.

II.

По вопросу о разрѣшеніи представленій итальянской оперы по суботамъ.

19-го августа 1863 г.

Основаніемъ сихъ соображеній должно быть то, что, по уставу церковному, празднованіе воскреснаго дня начинается вечернею или всенощною службою въ суботу, чему соотвѣтствуетъ и торжественный праздничный благовѣстъ и звонъ, и праздничное многолюдное собраніе народа въ церквахъ во время означенныхъ богослуженій. Сознаніе принадлежности суботняго вечера къ празднику воскресенія и обязанности проводить сей вечеръ по праздничному такъ сильно въ народѣ, что съ нѣкотораго времени приходы московскихъ церквей, одинъ по другомъ, просили меня, чтобы и въ зимнее время (когда, по общему порядку, всенощная бываетъ утромъ) въ суботу вечеромъ совершалась въ церквахъ всенощная, хотя безъ благовѣста, что, по желанію прихожанъ, и распространилось по всей Москвѣ.

Изъ сего слѣдуетъ, что допустить въ сіе самое время театральныя зрѣлища значило бы оскорбить религіозное сознаніе православнаго народа и причинить ему соблазнъ.

Православная церковь издревле охраняла празднованіе воскреснаго дня отъ зрѣлищъ. Такъ, соборъ Карѳагенскій 72-мъ правиломъ опредѣлилъ просить христолюбивыхъ царей „да воспретится представленіе позорищныхъ (театральныхъ) игръ въ день воскресный, и въ прочіе свѣтлые дни христіанскія вѣры“. И православные греческіе императоры, Ѳеодосій старшій и Ѳеодосій младшій, внесли сіе запрещеніе въ государственные законы.

Достойно вниманія, что греческіе императоры, вводя, такимъ образомъ, благочестивый обычай, должны были вступать въ борьбу съ укоренившимся въ народѣ отъ языческихъ временъ обычаемъ. Какая была бы печальная противоположность, еслибы нынѣ православное правительство рѣшилось бороться съ благочестивымъ сознаніемъ народа и отвлекать отъ церкви къ театру: однихъ свободнымъ прельщеніемъ искусства, а другихъ даже неволею, какъ, напримѣръ, находящихся въ услуженіи при посѣтителяхъ театра.

Театръ немного заслуживалъ покровительства и тогда, когда онъ украшалъ себя названіемъ училища нравовъ. Съ нѣкотораго времени онъ отказался отъ права на сіе названіе и нерѣдко представляетъ виды нескромные и неблагопріятные для добрыхъ нравовъ.

Будемъ внимательны и искренны. Не должно-ли признать, что

суета, страсти, пороки, стремленія, неблагопріятныя вѣрѣ и спокойствію общественному, съ успѣхомъ умножаютъ своихъ прозелитовъ. Многія и частыя бѣдствія физическія, бѣдствія отъ нестроеній въ народахъ, браней и слышанія браней, не означаютъ-ли неблаговоленія неба. Такія обстоятельства не представляютъ-ли особенныхъ побужденій умѣрить угожденіе любителямъ удовольствій и наслажденій, и въ распоряженіяхъ власти явственнѣе выражать желаніе руководствовать народъ чистыми и твердыми началами религіи и нравственности.

Нужно-ли изъяснять, какъ мало значитъ желаніе нѣсколько увеличить доходъ театра въ сравненіи съ потребностію охранять цѣлость сокровища религіозныхъ убѣжденій и нравственныхъ расположеній народа?

Таковы по предложенному мнѣ вопросу соображенія, внушенныя мнѣ посильнымъ разумѣніемъ и обязанностію моего служенія.

III [1].

По вопросу: не встрѣчается-ли препятствія въ недѣлю Пасхи театральныя представленія въ Москвѣ начинать съ четверга сей недѣли.

6-го апрѣля 1864 г.

Въ книгѣ апостольскихъ и церковныхъ правилъ, Карѳагенскаго собора въ правилѣ 72-мъ, сказано: „Подобаетъ просити (христіанскихъ царей) такожде и о семъ, да воспретится представленіе позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе свѣтлые дни христіанскія вѣры".

Уже много нарушеній сего правила допущено; по крайней мѣрѣ, оно сохраняется донынѣ въ Москвѣ ненарушимымъ для величайшаго изъ праздниковъ христіанскихъ, дня недѣли святыя Пасхи, которую православная церковь седмидневно празднуетъ, какъ одинъ день, и повелѣваетъ вѣрному народу всѣ сіи дни проводить въ церкви.

И такъ, изволите видѣть, что церковное правило обязываетъ меня смиренно просить благочестивѣйшаго государя императора, чтобы во всю недѣлю Пасхи театральныя зрѣлища оставались, какъ прежде, запрещенными.

Можетъ быть, противъ сего представится возраженіе, что уже допущены во дни Пасхи нѣкоторыя народныя увеселенія на площади. На сіе отвѣтствовать должно: во-первыхъ, что одно нарушеніе правила не служитъ оправданіемъ другому нарушенію; во-вторыхъ, допущены на площадяхъ развлеченія безвредныя: прогулка и качели; прочее

[1]) Это мнѣніе было напечатано въ «Душеполезномъ Чтеніи», но здѣсь помѣщается по однородности съ предъидущимъ.

вкралось по невниманію; театральныя же зрѣлища часто бываютъ неблагонравны, такъ что благорасположенные люди боятся допустить дѣтей видѣть оныя.

Что касается до примѣра Петербурга, я поставляю предѣломъ моего сужденія о настоящемъ предметѣ—предѣлы ввѣренной мнѣ епархіи; и обязаннымъ себя признаю свидѣтельствовать, что Москва—городъ по преимуществу русскій и православный—особенно требуетъ охраненія древнихъ православныхъ обычаевъ. Московскій народъ во дни Пасхи ходитъ въ церковь не только къ богослуженію, но и между временами богослуженія, посѣщаетъ древніе Кремлевскіе храмы, цѣлуетъ святыню, разсматриваетъ древнія иконы и стѣнописанія, и по симъ книгамъ, писаннымъ вмѣсто буквъ лицами, продолжаетъ учиться благочестію, и потому получитъ непріятное впечатлѣніе, когда его въ сіи святые дни будутъ манить изъ церкви въ театръ. Филаретъ митрополитъ Московскій.

„Маскарадъ" Лермонтова.

1836 г.

Отъ покойнаго свекра моего Алексѣя Александровича Лопухина, одного изъ немногихъ друзей М. Ю. Лермонтова, я получила рукопись „Маскарадъ". Текстъ этой драмы писанъ неизвѣстной рукой, весьма безграмотно, но дополненія и поправки сдѣланы карандашомъ, причемъ въ нихъ несомнѣнно можно узнать почеркъ Мих. Юр. Лермонтова. Бумага, судя по фабричному клейму, 1836 года.

По внимательномъ сличеніи этой рукописи съ текстомъ „Маскарада", напечатаннаго въ „Русской Старинѣ" (изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 3), я нашла оба текста совершенно сходными, за исключеніемъ одного стиха, пропущеннаго въ рукописи г. Арнольди, а именно на стр. 19-й „Русской Старины", послѣ стиха:

И какъ его винить, и какъ ему узнать,

слѣдуетъ вставить:

Что грудь моя полна желанья неземнова,
Что я ему готова, и пр.

На стр. 30-й „Рус. Стар." нарушенъ стихъ въ словахъ Нины, ошибка, которая первоначально была и въ моей рукописи, но исправлена карандашомъ, рукою Лермонтова; слѣдуетъ читать:

Смѣялась я, рѣзвилася, шутила...

Кромѣ этихъ двухъ поправокъ, есть еще нѣкоторыя, но не существенныя, какъ-то: перестановка нѣсколькихъ словъ и знаковъ.

Сообщ. **Е. Д. Лопухина.**

Поправки и опечатки.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XIII, стр. 397, упомянуто о смерти Александра Дмитріевича Хвостова. О. Я. Левенсонъ сообщилъ о времени его кончины: А. Д. Хвостовъ умеръ 29-го сентября 1870 г., въ селѣ Иванинѣ, подъ Москвой.

Въ Указателѣ къ тому XIII напечатано: кн. Кантеміръ † 1844 г., читай: «кн. Кантеміръ † 1744 г.».

Въ «Русской Старинѣ», томъ XIV, въ статьѣ г. Пржецлавскаго, напечатано, стр. 131, строка 3-я снизу: доказательство, читай: «домогательство».

— стр. 145, строки 3-я и 5-я снизу: вмѣсто: У—въ, читай: «Ульрихсъ».

— стр. 157 (ошибочно 177), въ примѣчаніи, послѣдняя строка, вмѣсто: стр. 9. читай: «ст. 9». (т. е. стихъ, а не страница).

Просьба о присылкѣ „Замѣчаній на Записки Манштейна“.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», изд. Свиньина 1820—1830 гг., были напечатаны замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи, принадлежащія перу одного изъ современниковъ Манштейна, какъ догадываются, сыну фельдмаршала Миниха. Редакція «Русской Старины» покорнѣйше проситъ того изъ любителей отечественной исторіи, у котораго окажется подлинникъ или списокъ этихъ замѣчаній, доставить рукопись въ редакцію для сличенія съ текстомъ, изданнымъ Свиньинымъ, и для напечатанія вслѣдъ за переводомъ Записокъ Манштейна.

ЗАПИСКИ О РОССІИ ГЕНЕРАЛА МАНШТЕЙНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Іоаннъ III, императоръ Россіи.—Регентъ арестуетъ многихъ лицъ.—Интриги регента.—Поведеніе фельдмаршала Миниха.—Герцогъ Курляндскій арестованъ и т. д.—Новыя распоряженія, касающіяся регентства.—Бисмаркъ и Карлъ Биронъ арестованы.—Размышленія по поводу ареста регента.—Награды и повышенія.

1740 г.

На слѣдующій день послѣ кончины императрицы Анны, сенатъ, духовенство и всѣ сколько-нибудь знатные люди Петербурга были созваны въ Лѣтній дворецъ (гдѣ императрица провела послѣдніе мѣсяцы своей жизни). Войска были поставлены подъ ружье и герцогъ Курляндскій обнародовалъ актъ, которымъ онъ объявлялся регентомъ имперіи до тѣхъ поръ, покуда императору Іоанну III не исполнится семнадцати лѣтъ. Всѣ присягнули новому императору на подданство и первые дни все шло обычнымъ порядкомъ, но такъ какъ герцогъ былъ всѣми вообще ненавидимъ, то многіе стали вскорѣ роптать.

Регентъ, имѣвшій шпіоновъ повсюду, узналъ, что о немъ отзывались съ презрѣніемъ, что нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, и преимущественно Семеновскаго полка, котораго принцъ Антонъ Ульрихъ былъ подполковникомъ, говорили, что они охотно будутъ помогать принцу, если онъ предприметъ что-либо противу регента. Онъ узналъ также, что принцесса Анна и супругъ ея были недовольны тѣмъ, что ихъ отстранили отъ регентства.

Это обезпокоило его и онъ приказалъ арестовать и посадить въ крѣпость нѣсколькихъ офицеровъ; въ числѣ ихъ находился и адъютантъ принца, по имени Грамматинъ. Генералу Ушакову, президенту тайной канцеляріи и генералъ-прокурору, князю Трубецкому, было поручено допросить ихъ со всею возможною строгостью; нѣкоторыхъ наказали кнутомъ, чтобы заставить ихъ назвать другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Во все время этого регентства почти не проходило дня, чтобы не было арестовано нѣсколько человѣкъ.

Принцу Антону Ульриху, бывшему генералъ-лейтенантомъ арміи, подполковникомъ гвардіи и шефомъ кирасирскаго полка, было приказано написать регенту просьбу объ увольненіи отъ занимаемыхъ имъ должностей; но этого было еще недостаточно. Регентъ велѣлъ дать ему совѣтъ — не выходить изъ своей комнаты, или, по крайней мѣрѣ, не показываться въ публикѣ.

Регентъ имѣлъ съ царевною Елисаветою частыя совѣщанія, продолжавшіяся по нѣсколько часовъ; онъ сказалъ однажды, въ присутствіи многихъ лицъ, собравшихся у него вечеромъ, что если принцесса Анна будетъ упрямиться, то ее отправятъ, съ ея принцемъ, въ Германію и вызовутъ оттуда герцога Голштейнскаго, чтобы возвести его на престолъ.

Герцогъ Курляндскій (давно уже желавшій возвести на престолъ свое потомство) намѣревался обвѣнчать царевну Елисавету со своимъ старшимъ сыномъ и выдать свою дочь за герцога Голштейнскаго, и я думаю, что если бы ему дали время, то онъ осуществилъ бы свой проектъ вполнѣ счастливо.

Принцесса Анна и супругъ ея находились все это время въ большой тревогѣ, но она вскорѣ прекратилась.

Фельдмаршалъ Минихъ, бывшій въ числѣ людей, принимавшихъ самое живое участіе въ томъ, чтобы предоставить регентство герцогу Курляндскому, вообразилъ, что лишь только власть будетъ въ рукахъ послѣдняго, онъ можетъ получить отъ него все, чего ни пожелаетъ; что герцогъ будетъ только носить титулъ, а власть регента будетъ принадлежать фельдмаршалу. Онъ хотѣлъ руководить дѣлами, съ званіемъ генералисимуса всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Все это не могло понравиться регенту, знавшему фельдмаршала слишкомъ хорошо и слишкомъ опасавшагося его для того, чтобы возвести его въ такое поло-

женіе, въ которомъ онъ могъ бы вредить ему; поэтому онъ не исполнилъ ни одной изъ его просьбъ. Виды фельдмаршала Миниха простирались еще далѣе при жизни императрицы Анны; когда онъ вступилъ съ войскомъ въ Молдавію, еще до покоренія этой страны, онъ предложилъ ея величеству сдѣлать его господаремъ этой провинціи, и если бы она осталась за Россіей, то онъ, вѣроятно, получилъ бы этотъ титулъ. Но вынужденный, по заключеніи мира, вернуться въ Украйну, онъ задался гораздо болѣе страннымъ намѣреніемъ. Онъ просилъ себѣ титулъ герцога Украинскаго и высказалъ свое намѣреніе герцогу Курляндскому, подавая ему прошеніе на имя императрицы. Выслушавъ объ этомъ докладъ, государыня сказала:

— Минихъ еще очень скроменъ, я думала, что онъ проситъ титулъ великаго князя Московскаго.

Она не дала другаго отвѣта на это прошеніе, и о немъ не было болѣе рѣчи.

Видя свои надежды обманутыми, фельдмаршалъ принялъ другія мѣры. Онъ предлагалъ принцу Антону Ульриху отъ имени герцога Курляндскаго просить объ отставкѣ; онъ же велѣлъ своему секретарю написать записку и такъ какъ регентъ часто поручалъ ему дѣла, касавшіяся принцессы и ея супруга, то это доставило ему случай говорить съ ними о несправедливостяхъ регента.

Однажды, когда Минихъ снова объявилъ принцессѣ какое-то дурное извѣстіе отъ имени регента, она стала горько жаловаться на всѣ непріятности, которыя ей причиняли, прибавляя, что она охотно оставила бы Россію и уѣхала бы въ Германію со своимъ супругомъ и сыномъ, такъ какъ ей приходится ожидать однихъ лишь несчастій, покуда бразды правленія будутъ находиться въ рукахъ герцога Курляндскаго. Фельдмаршалъ, выжидавшій только случая, чтобы открыться ей, отвѣчалъ, что ея императорское высочество дѣйствительно не можетъ ничего ожидать отъ регента, что однако ей не слѣдуетъ падать духомъ и что если она положится на него, то онъ скоро освободитъ ее отъ тиранства герцога Курляндскаго. Принцесса приняла не колеблясь его предложенія, предоставивъ фельдмаршалу вести все это дѣло и было рѣшено, что регента арестуютъ какъ только представится къ тому благопріятный случай.

Фельдмаршалъ продолжалъ усердно угождать регенту, выказывая къ нему большую привязанность и даже довѣріе, и герцогъ, со своей стороны, хотя и не довѣрялъ графу Миниху, но былъ чрезвычайно вѣжливъ съ нимъ, часто приглашалъ его обѣдать, а по вечерамъ они бесѣдовали иногда до десяти часовъ. При разговорахъ ихъ присутствовали лишь немногія, пользовавшіяся довѣріемъ, лица. Наканунѣ революціи, случившейся 18-го ноября (7-го ноября ст. ст.), фельдмаршалъ Минихъ обѣдалъ съ герцогомъ и при прощаніи герцогъ попросилъ его вернуться вечеромъ. Они засидѣлись долго, разговаривая о многихъ событіяхъ, касавшихся настоящаго времени. Герцогъ былъ весь вечеръ озабоченъ и задумчивъ. Онъ часто перемѣнялъ разговоръ, какъ человѣкъ разсѣянный, и ни съ того, ни съ сего спросилъ фельдмаршала: «Не предпринималъ-ли онъ во время походовъ какихъ-нибудь важныхъ дѣлъ ночью?» Этотъ неожиданный вопросъ привелъ фельдмаршала почти въ замѣшательство; онъ вообразилъ, что регентъ догадывается о его намѣреніи; оправившись однако какъ можно скорѣе, такъ что регентъ не могъ замѣтить его волненія, Минихъ отвѣчалъ: «что онъ не помнитъ, чтобы ему случалось предпринимать что-нибудь необыкновенное ночью, но что его правиломъ было пользоваться всѣми обстоятельствами, когда они кажутся благопріятными».

Они разстались въ 11 часовъ вечера, фельдмаршалъ съ рѣшимостью не откладывать долѣе своего намѣренія — погубить регента, а послѣдній твердо рѣшился не довѣрять никому, отдалить всѣхъ, кто могъ бы возбудить въ немъ подозрѣніе, и утвердить все болѣе и болѣе свое полновластіе, возведя на престолъ царевну Елисавету или герцога Голштейнскаго, такъ какъ онъ видѣлъ, что иначе ему будетъ невозможно сохранить свою власть, ибо число недовольныхъ увеличивалось вокругъ него съ каждымъ днемъ. Но такъ какъ онъ не хотѣлъ ничего предпринимать до похоронъ императрицы, то враги его успѣли предупредить его. Фельдмаршалъ Минихъ былъ убѣжденъ, что его сошлютъ перваго, поэтому онъ хотѣлъ нанести ударъ не теряя времени.

Возвратясь изъ дворца, фельдмаршалъ сказалъ своему адъютанту, подполковнику Манштейну, что онъ будетъ нуженъ ему на другой день, рано утромъ; онъ послалъ за нимъ въ два часа пополуночи. Они сѣли вдвоемъ въ карету и поѣхали въ Зимній

дворецъ, куда, послѣ смерти императрицы, былъ помѣщенъ императоръ и его родители. Фельдмаршалъ и адъютантъ его вошли въ покои принцессы черезъ ея гардеробную. Онъ велѣлъ разбудить дѣвицу Менгденъ, статсъ-даму и любимицу принцессы; поговоривъ съ Минихомъ, она пошла разбудить ихъ высочества, но принцесса вышла къ Миниху одна; поговоривъ съ минуту, фельдмаршалъ приказалъ Манштейну призвать къ принцессѣ всѣхъ офицеровъ, стоявшихъ во дворцѣ на караулѣ; когда они явились, то ея высочество высказала имъ въ немногихъ словахъ всѣ непріятности, которыя регентъ дѣлалъ императору, ей самой и ея супругу, прибавивъ, что такъ какъ ей было невозможно и даже постыдно долѣе терпѣть эти оскорбленія, то она рѣшила арестовать его, поручивъ это дѣло фельдмаршалу Миниху, и что она надѣется, что офицеры будутъ помогать ему въ этомъ и исполнять его приказанія.

Офицеры безъ малѣйшаго труда повиновались всему тому, чего требовала отъ нихъ принцесса. Она дала имъ поцѣловать руку и каждаго обняла; офицеры спустились съ фельдмаршаломъ внизъ и поставили караулъ подъ ружье. Графъ Минихъ объявилъ солдатамъ, въ чемъ дѣло. Всѣ громко отвѣчали, что они готовы идти за нимъ всюду. Имъ приказали зарядить ружья; одинъ офицеръ и 40 солдатъ были оставлены при знамени, а остальные 80 чел., вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, направились къ Лѣтнему дворцу, гдѣ регентъ еще жилъ. Шагахъ въ 200 отъ этого дома отрядъ остановился; фельдмаршалъ послалъ Манштейна къ офицерамъ, стоявшимъ на караулѣ у регента, чтобы объявить имъ намѣренія принцессы Анны; они были также сговорчивы, какъ и прочіе, и предложили даже помочь арестовать герцога, если въ нихъ окажется нужда. Тогда фельдмаршалъ приказалъ тому же подполковнику Манштейну стать съ однимъ офицеромъ во главѣ отряда въ 20 человѣкъ, войти во дворецъ, арестовать герцога и, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія съ его стороны, убить его безъ пощады.

Манштейнъ вошелъ, и во избѣжаніе слишкомъ большаго шума велѣлъ отряду слѣдовать за собою издали; всѣ часовые пропустили его безъ малѣйшаго сопротивленія, такъ какъ всѣ солдаты, зная его, полагали, что онъ могъ быть посланъ къ герцогу по какому-нибудь важному дѣлу; такимъ образомъ онъ прошелъ садъ

и безпрепятственно дошелъ до покоевъ. Не зная однако, въ какой комнатѣ спалъ герцогъ, онъ былъ въ большомъ затрудненіи, недоумѣвая куда идти. Чтобы избѣжать шума и не возбудить никакого подозрѣнія, онъ не хотѣлъ также ни у кого спросить дорогу, хотя встрѣтилъ нѣсколькихъ слугъ, дежурившихъ въ прихожихъ; послѣ минутнаго колебанія онъ рѣшилъ идти дальше по комнатамъ, въ надеждѣ, что найдетъ, наконецъ, то, чего ищетъ. Дѣйствительно, пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью, запертою на ключъ; къ счастью для него, она была двустворчатая и слуги забыли задвинуть верхнія и нижнія задвижки; такимъ образомъ онъ могъ открыть ее безъ особеннаго труда. Тамъ онъ нашелъ большую кровать, на которой глубокимъ сномъ спали герцогъ и его супруга, не проснувшіеся даже при шумѣ растворившейся двери.

Манштейнъ, подойдя къ кровати, отдернулъ занавѣсы и сказалъ, что имѣетъ дѣло до регента; тогда оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомнѣваясь, что онъ явился къ нимъ съ недобрымъ извѣстіемъ. Манштейнъ очутился съ той стороны, гдѣ лежала герцогиня, поэтому регентъ соскочилъ съ кровати, очевидно, съ намѣреніемъ спрятаться подъ нею; но тотъ поспѣшно обѣжалъ кровать и бросился на него, сжавъ его какъ можно крѣпче обѣими руками до тѣхъ поръ, пока не явились гвардейцы. Герцогъ, ставъ, наконецъ, на ноги и желая освободиться отъ этихъ людей, сыпалъ удары кулакомъ вправо и влѣво; солдаты отвѣчали ему сильными ударами прикладомъ, снова повалили его на землю, вложили въ ротъ платокъ, связали ему руки шарфомъ одного офицера и снесли его голаго до гауптвахты, гдѣ его накрыли солдатскою шинелью и положили въ ожидавшую его тутъ карету фельдмаршала. Рядомъ съ нимъ посадили офицера и повезли его въ Зимній дворецъ.

Въ то время, когда солдаты боролись съ герцогомъ, герцогиня соскочила съ кровати въ одной рубашкѣ и выбѣжала за нимъ на улицу, гдѣ одинъ изъ солдатъ взялъ ее на руки, спрашивая у Манштейна, что съ нею дѣлать? онъ приказалъ отвести ее обратно въ ея комнату, но солдатъ, не желая утруждать себя, сбросилъ ее на землю, въ снѣгъ, и ушелъ. Командиръ караула нашелъ ее въ этомъ жалкомъ положеніи, онъ велѣлъ принести

ей ея платье, и отвести ее обратно въ тѣ покои, которые она всегда занимала.

Лишь только герцогъ двинулся въ путь, какъ тотъ же подполковникъ Манштейнъ былъ посланъ арестовать младшаго брата его, Густава Бирона, который находился въ Петербургѣ. Онъ былъ подполковникомъ гвардейскаго Измайловскаго полка. Это предпріятіе слѣдовало исполнить почти съ большими предосторожностями, нежели первое, такъ какъ Биронъ пользовался любовію своего полка и у него въ домѣ былъ караулъ отъ полка, состоявшій изъ одного унтеръ-офицера и 12-ти солдатъ. Дѣйствительно, часовые вначалѣ сопротивлялись, но ихъ схватили, грозя лишить ихъ жизни при малѣйшемъ шумѣ. Послѣ этого Манштейнъ вошелъ въ спальню Бирона и разбудилъ его, сказавъ, что долженъ переговорить съ нимъ о чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Подведя его къ окну, онъ объявилъ, что имѣетъ приказаніе арестовать его. Биронъ хотѣлъ открыть окно и началъ кричать, но ему объявили, что герцогъ арестованъ и что его убьютъ при малѣйшемъ сопротивленіи; между тѣмъ вошли солдаты, оставшіеся въ сосѣдней комнатѣ, и доказали ему, что ничего не оставалось дѣлать, какъ повиноваться. Ему подали шубу, посадили его въ сани и повезли также во дворецъ.

Въ тоже время капитанъ Кенигфельсъ (Königfels), одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, догнавшій его въ то время, когда онъ возвращался съ герцогомъ, былъ посланъ арестовать графа Бестужева. Герцога помѣстили въ офицерскую дежурную комнату, брату его и Бестужеву были отведены отдѣльныя комнаты, гдѣ они оставались до четырехъ часовъ пополудни, когда герцогъ съ семействомъ (исключая старшаго сына, который былъ боленъ и оставался въ Петербургѣ до выздоровленія) былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, остальныхъ арестантовъ отослали въ мѣста, мало отдаленныя отъ столицы, гдѣ они пробыли до окончанія слѣдствія.

Лишь только герцогъ былъ арестованъ, какъ всѣмъ, находившимся въ Петербургѣ, войскамъ былъ отданъ приказъ стать подъ ружье и собраться вокругъ дворца. Принцесса Анна объявила себя великой княгиней Россіи и правительницей имперіи на время малолѣтства императора. Въ тоже время она возложила на себя цѣпь ордена св. Андрея и всѣ снова присягнули на под-

данство, въ каковой присягѣ была упомянута великая княгиня, чего не было сдѣлано прежде по отношенію къ регенту. Не было никого, кто бы не выражалъ своей радости по случаю избавленія отъ тираніи Бирона, и съ этой минуты всюду водворилось большое спокойствіе; на улицахъ были даже сняты пикеты, разставленные герцогомъ Курляндскимъ для предупрежденія возстаній во время его регентства. Однако нашлись люди, предсказывавшіе съ самаго начала революціи, что она не будетъ послѣднею, и что тѣ, кто наиболѣе потрудились для нее, можетъ быть, падутъ первыми. Въ послѣдствіи оказалось, что слова ихъ были справедливы.

Великая княгиня отдала въ тотъ же день приказаніе арестовать также генераловъ Бисмарка и Карла Бирона; первый былъ близкій родственникъ герцога, женившись на сестрѣ герцогини, и занималъ въ Ригѣ должность тамошняго генералъ-губернатора. Второй былъ старшимъ братомъ герцога и начальствовалъ въ Москвѣ; онъ былъ величайшимъ врагомъ брата во время его могущества, но, несмотря на это, раздѣлилъ его паденіе.

Герцогъ Курляндскій, подозрѣвавшій, какъ я сказалъ выше, что противъ него намѣрены что-то предпринять, приказалъ караульнымъ офицерамъ никого не пропускать во дворецъ послѣ того, какъ онъ удалится въ свои покои; часовымъ было приказано арестовать тѣхъ, которые могли придти и, въ случаѣ сопротивленія, убить на мѣстѣ того, кто сталъ бы противиться. Въ саду, подъ окнами регента, стоялъ караулъ изъ одного офицера и 40 человѣкъ солдатъ, и вокругъ всего дома были разставлены часовые. Несмотря на всѣ эти предосторожности, онъ не могъ избѣжать своей судьбы.

Я зналъ очень близко того, кто принималъ, главнымъ образомъ, участіе въ этомъ дѣлѣ; онъ признался мнѣ, что не могъ понять, какъ все это могло обойтись такъ легко, ибо, судя по всѣмъ принятымъ мѣрамъ, дѣло это не должно было удасться: если бы одинъ только часовой закричалъ, то все было бы проиграно.

Удивительно даже, какимъ образомъ гр. Минихъ и его генеральсъ-адъютантъ были пропущены въ Зимній дворецъ, такъ какъ по ночамъ вокругъ него разставлялся также караулъ и часовые, которые не должны были пропускать туда кого бы то ни было. Правда, фельдмаршалъ избралъ для ареста герцога тотъ день, когда у молодаго императора и регента стоялъ въ караулѣ тотъ полкъ,

въ которомъ онъ былъ подполковникомъ, и генеральсъ-адъютантъ его былъ извѣстенъ каждому солдату въ этомъ полку. Но, несмотря на это, если бы одинъ только человѣкъ исполнилъ свой долгъ, то предпріятіе фельдмаршала не удалось бы; это-то нерадѣніе гвардейцевъ, на которое не было обращено вниманія при великой княгинѣ, и облегчило тотъ переворотъ, который годъ спустя предприняла царевна Елисавета.

Гораздо легче было бы арестовать герцога среди бѣла дня, такъ какъ онъ часто посѣщалъ принцессу Анну въ сопровожденіи одного только лица. Графу Миниху, или даже какому-нибудь другому надежному офицеру стоило только дождаться его въ прихожей и объявить его арестованнымъ при выходѣ отъ принцессы. Но фельдмаршалъ, любившій, чтобы всѣ его предпріятія совершались съ нѣкоторымъ блескомъ, избралъ самыя затруднительныя средства.

22-го ноября принцесса пожаловала нѣсколько производствъ и наградъ. Супругъ ея, принцъ, былъ объявленъ генералисимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи. Графъ Минихъ получилъ постъ перваго министра. Графъ Остерманъ— незанятую уже много лѣтъ должность генералъ-адмирала. Князь Черкасскій былъ пожалованъ въ канцлеры; мѣсто это не было занято со смерти графа Головкина. Графъ Михаилъ Головкинъ, сынъ покойнаго канцлера, былъ возведенъ въ вице-канцлеры. Многіе другіе получили большія награды чистыми деньгами или помѣстьями; всѣ офицеры и унтеръ-офицеры, принимавшіе участіе въ арестѣ герцога, получили повышенія[1]). Солдатамъ, стоявшимъ въ караулѣ, дано денежное вознагражденіе.

II.

Поведеніе графа Миниха.—Управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ поручается графу Остерману, а внутреннихъ дѣлъ имперіи графу Головкину.—Вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ Минихъ требуетъ отставки и получаетъ ее.

1740—1841 г.

Фельдмаршалъ Минихъ арестовалъ герцога Курляндскаго единственно съ цѣлью достигнуть высшей степени счастія; цѣль

[1]) Подполковникъ Манштейнъ получилъ полкъ и прекрасныя помѣстья, которыя отняли у него при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы. Примѣч. Авт.

его была та же, какъ и въ то время, когда онъ убѣждалъ герцога сдѣлаться регентомъ, т. е. онъ хотѣлъ захватить всю власть, дать великой княгинѣ званіе правительницы и самому пользоваться сопряженною съ этимъ званіемъ властью, воображая, что никто не посмѣетъ предпринять что-либо противъ него. Онъ ошибся.

Въ тотъ самый день, когда принцесса Анна объявила себя великою княгинею и правительницей, онъ получилъ отказъ, сильно его уязвившій, такъ какъ на его заявленіе о надеждѣ быть генералисимусомъ, принцесса отвѣтила, что эта должность не подобаетъ никому, кромѣ ея супруга, какъ отца императора. Тогда Минихъ хотѣлъ еще разъ просить титула герцога Украинскаго и полновластія надъ этою страною; но сынъ отговорилъ его отъ этого намѣренія. Наконецъ, онъ рѣшился быть первымъ министромъ, и чрезвычайно оскорбилъ этимъ поступкомъ графа Остермана, руководившаго до тѣхъ поръ единолично всѣми дѣлами министерства, а такъ какъ онъ никогда не былъ изъ числа друзей графа Миниха, то съ этой же минуты началъ устроивать его погибель.

Чрезмѣрное честолюбіе фельдмаршала послужило графу Остерману удобнымъ поводомъ для интригъ противъ него. Составляя указъ, силою котораго принцъ Антонъ Ульрихъ объявлялся генералисимусомъ, Минихъ включилъ въ него слѣдующія свои собственныя слова, что «хотя фельдмаршалъ графъ Минихъ, въ силу великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ государству, могъ бы расчитывать на должность генералисимуса, тѣмъ не менѣе онъ отказался отъ нея въ пользу принца Антона Ульриха, отца императора, довольствуясь мѣстомъ перваго министра». Графъ Остерманъ не преминулъ выставить на видъ эти выраженія, и вполнѣ далъ почувствовать принцу ихъ высокомѣрное значеніе; это возбудило первое недоброжелательство противъ Миниха, а онъ съ своей стороны много способствовалъ къ поддержанію его своимъ безтактнымъ обращеніемъ съ принцемъ, который все же былъ отцомъ его государя.

Первыя жалобы принца противъ Миниха были вызваны по поводу его письменныхъ сношеній съ нимъ, такъ какъ въ Россіи существуетъ извѣстная форма, которую подчиненные обязаны употреблять во всѣхъ служебныхъ письменныхъ обращеніяхъ къ

своимъ начальникамъ; фельдмаршалъ вовсе ея не соблюдалъ и во всѣхъ сношеніяхъ съ генералисимусомъ придерживался формы обыкновенныхъ писемъ. Онъ не сообщалъ ему ни одного важнаго дѣла, хотя принцесса нѣсколько разъ приказывала это, но когда дѣло шло о мелочахъ, каковы, напримѣръ, повышенія по службѣ нижнихъ армейскихъ чиновъ, тогда графъ Минихъ не пропускалъ случая сообщить объ этомъ принцу.

Такъ какъ принцъ совѣщался каждый вечеръ по нѣсколько часовъ съ графомъ Остерманомъ, то послѣдній уговорилъ его пожаловаться объ этомъ великой княгинѣ. Онъ это сдѣлалъ; Миниху было приказано совѣщаться во всѣхъ дѣлахъ съ генералисимусомъ и, обращаясь къ нему письменно, употреблять принятую форму. Это было для него жестокимъ оскорбленіемъ. Нѣсколько времени спустя, случились новыя, еще болѣе важныя по послѣдствіямъ и болѣе горькія для него непріятности.

Графъ Остерманъ, при императрицѣ Аннѣ не выходившій уже нѣсколько лѣтъ изъ своей комнаты, приказывалъ часто переносить себя къ великой княгинѣ и имѣлъ съ нею нѣсколько совѣщаній, во время которыхъ намекнулъ, что первый министръ не былъ знакомъ съ иностранными дѣлами, которыми руководилъ уже 20 лѣтъ онъ, гр. Остерманъ, и что вслѣдствіе этого Минихъ могъ по невѣденію вовлечь дворъ въ такія дѣйствія, которыя были бы чрезвычайно вредны интересамъ имперіи; что онъ, графъ Остерманъ, съ удовольствіемъ сообщилъ бы ему все это, но что его недугъ не дозволялъ отправиться къ нему. Онъ прибавилъ еще, что Минихъ не былъ знакомъ и съ внутренними дѣлами имперіи, служа постоянно по военному вѣдомству. Подъ вліяніемъ этихъ, часто повторяемыхъ представленій, великая княгиня рѣшилась вновь поручить управленіе иностранными дѣлами Остерману, а веденіе внутреннихъ дѣлъ имперіи возложить на гр. Головкина; такимъ образомъ гр. Миниху, съ титуломъ перваго министра, осталось одно только военное министерство. Это задѣло его за живое и онъ потребовалъ отставки. Правительница нѣсколько затруднялась исполнить его просьбу, говоря, что не можетъ обходиться безъ его совѣтовъ. Графъ Минихъ дѣйствительно думалъ, что ему никогда не дадутъ отставки; онъ настаивалъ на томъ, что хочетъ оставить службу, если ему не будутъ возвращены всѣ его должности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ

занималъ ихъ въ первые два мѣсяца регентства. Тогда его отблагодарили за его службу, какъ разъ въ самое то время, когда онъ воображалъ, что могущество его утверждается болѣе чѣмъ когда-либо.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило его. Однако онъ опомнился послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, принялъ довольный видъ, благодарилъ великую княгиню за оказанную ему милость и удалился, нѣсколько дней спустя, въ свой дворецъ, на противуположный берегъ Невы. Въ должности перваго министра онъ занималъ, рядомъ съ дворцомъ, тотъ самый домъ, изъ котораго онъ былъ принужденъ выѣхать, восемь лѣтъ назадъ, по повелѣнію герцога Курляндскаго. Это былъ роковой домъ для семейства Миниха, такъ какъ сынъ его, поселившійся въ немъ послѣ отца, былъ, спустя годъ, арестованъ здѣсь при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы.

Отставкѣ Миниха много способствовалъ доносъ герцога Курляндскаго, объявившаго на слѣдствіи, «что онъ никогда не принялъ бы регентства, если бы графъ Минихъ не склонялъ бы его къ этому столь убѣдительно, что хотѣлъ даже броситься передъ нимъ на колѣни, что онъ, Биронъ, совѣтовалъ великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ самаго опаснаго человѣка въ имперіи, и что если ея императорское высочество отказала Миниху въ чемъ-либо, то она не могла почитать себя безопасною на престолѣ».

Принцесса, отъ природы робкая, была въ большомъ затрудненіи; принцъ, супругъ ея, и графъ Остерманъ воспользовались этимъ временемъ, чтобы убѣдить ее отдалить Миниха. Она съ трудомъ согласилась на это, они же хотѣли идти еще далѣе, желая, чтобы Минихъ былъ сосланъ въ Сибирь и имъ удалось бы сдѣлать это, если бы дѣвица Менгденъ, любимица великой княгини, не вступилась за него.

Между тѣмъ кавалерійскій караулъ былъ удвоенъ во дворцѣ, и по улицамъ днемъ и ночью часто расхаживалъ патруль; за фельдмаршаломъ слѣдовали всюду шпіоны, наблюдавшіе за малѣйшимъ его дѣйствіемъ; принцъ и принцесса, опасаясь ежеминутно новаго переворота, не спали на своихъ обыкновенныхъ кроватяхъ, а проводили каждую ночь въ разныхъ комнатахъ до тѣхъ

поръ, покуда Минихъ не переѣхалъ въ свой дворецъ, по ту сторону Невы.

Другое обстоятельство, сильно повредившее фельдмаршалу, было возобновленіе союзнаго договора съ берлинскимъ дворомъ, весьма невыгодное для вѣнскаго кабинета, такъ какъ этотъ договоръ препятствовалъ движенію вспомогательныхъ войскъ, которыя оба эти двора взаимно обязались доставлять другъ другу въ случаѣ нападенія.

Лишь только герцогъ Курляндскій былъ арестованъ и король прусскій узналъ, что вся власть была въ рукахъ Миниха, онъ послалъ своего адъютанта, маіора Винтерфельта (женатаго на дочери г-жи Минихъ отъ перваго ея брака) въ Петербургъ, съ повелѣніемъ сдѣлать все возможное, чтобы отвлечь перваго министра отъ вѣнскаго двора и не щадить ничего для переговоровъ по этому важному дѣлу. Это удалось ему тѣмъ легче, что графъ Минихъ никогда не любилъ австрійскаго дома, и, по своему чрезмѣрному тщеславію, былъ весьма польщенъ тѣмъ довѣріемъ, которое оказывалъ ему король, спрашивая его совѣта по многимъ весьма важнымъ дѣламъ. Въ то время въ Петербургѣ не было министра отъ венгерской королевы, такъ какъ маркизъ Ботта былъ отозванъ за нѣсколько времени до смерти императрицы Анны, что устраняло многія препятствія, и прусскій министръ, баронъ Мардефельдъ, съ маіоромъ Винтерфельтомъ, съумѣли искусно воспользоваться временемъ.

Госпожа Минихъ получила отъ короля кольцо, украшенное крупнымъ брилліантомъ, цѣнностью въ 6,000 рублей. Сынъ фельдмаршала получилъ 15 тысячъ эфимковъ чистыми деньгами и право на пользованіе доходами съ маіората (et l'investiture d'un bailliage) въ Бранденбургѣ, называемаго Бюгенъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ подарилъ его князю Меншикову, затѣмъ имъ владѣлъ герцогъ Курляндскій и, наконецъ, его получилъ графъ Минихъ. Когда послѣдній былъ арестованъ, то его величество король прусскій взялъ маіоратъ обратно и оставилъ эти земли за собою съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ графамъ Минихъ, если бы они когда-либо возвратились изъ изгнанія.

Великая княгиня продолжала выдавать Миниху ежегодную пенсію въ 15 тысячъ рублей, или 30 тысячъ нѣмецкихъ гульденовъ, что, вмѣстѣ съ громадными имѣніями, которыми онъ вла-

дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Германіи, давало ему ежегодный доходъ въ 70 тыс. рублей или 140 тыс. гульденовъ.

Кирасирскій полкъ, принадлежавшій фельдмаршалу, былъ отданъ графу Левендалю; но онъ носилъ имя Миниха до самаго восшествія на престолъ императрицы Елисаветы.

Фельдмаршалъ Минихъ былъ удаленъ отъ двора въ мартѣ мѣсяцѣ 1741 года; передъ тѣмъ, въ декабрѣ, онъ былъ боленъ и всѣ считали его близкимъ къ смерти. Великая княгиня сказала однажды, что для Миниха было бы счастіемъ умереть теперь, такъ какъ онъ окончилъ бы жизнь въ славѣ и въ такое время, когда онъ находился на высшей ступени, до которой можетъ достигнуть частный человѣкъ. Поэтому можно было судить, что дворъ скоро утѣшился бы въ его потерѣ и что сама великая княгиня завидовала его могуществу.

III.

Принцъ Антонъ Ульрихъ получаетъ титулъ императорскаго высочества.—Погребеніе императрицы Анны.—Процессъ Бирона.—Неудавшіеся переговоры маркиза Ботта.—Принцъ Людвигъ Брауншвейгскій избранъ въ герцоги Курляндскіе.— Турецкое посольство.— Персидское посольство.— Аудіенція Шетарди.— Поведеніе правительницы.— Несогласія между членами кабинета.

1740—1741.

Нѣсколько дней послѣ переворота, великая княгиня издала указъ, которымъ повелѣвала величать своего супруга, какъ отца императора, императорскимъ высочествомъ; нѣсколько времени спустя, онъ былъ объявленъ соправителемъ (co-régent).

Приготовленія по случаю погребенія императрицы Анны могли быть окончены лишь къ концу декабря; наконецъ, когда все было устроено, она была погребена въ церкви Петербургской крѣпости съ надлежащимъ церемоніаломъ и всевозможнымъ великолѣпіемъ.

Выше мы видѣли, что герцогъ Курляндскій, въ самый день ареста, былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ; коммисія, составленная изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, разсмотрѣла тамъ его дѣло и приговорила его къ смерти. Онъ былъ помилованъ. Правительница Анна съ самаго начала переворота рѣшила сослать его въ Сибирь. Туда былъ посланъ инженеръ наблюдать за постройкой дома, который сооружался нарочно для его заточенія. Фельдмаршалъ Минихъ набросалъ карандашомъ на-черно первый его

планъ, совсѣмъ не воображая, что дѣлалъ эту работу для себя. Въ маѣ мѣсяцѣ герцогъ Курляндскій былъ переведенъ съ своимъ семействомъ изъ Шлиссельбурга въ свое новое жилище. Нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, его братья и генералъ Бисмаркъ были отправлены въ разныя мѣста Сибири.

Маркизъ Ботта былъ отозванъ изъ Петербурга за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императрицы и посланъ къ берлинскому двору; онъ былъ снова отправленъ въ Россію послѣ того какъ великая княгиня объявила себя правительницей и сильно убѣждалъ правительницу помочь венгерской королевѣ. Но войска не могли двинуться по многимъ причинамъ, хотя нѣсколько полковъ получили уже повелѣніе оставить свои квартиры и направиться къ Ригѣ. Съ одной стороны, чрезвычайный сеймъ, созванный въ Швеціи къ концу предъидущаго года, возбуждалъ опасеніе, чтобы онъ не окончился объявленіемъ войны съ Россіей. Съ другой, польскій король, готовившійся объявить войну австрійскому дому, велѣлъ торжественно протестовать отъ имени республики противъ прохода войскъ, которыя Россія захотѣла бы послать въ Силезію, и саксонскій министръ, графъ Линаръ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, умѣлъ слишкомъ хорошо воспользоваться тою благосклонностью, которую онъ снискалъ со стороны великой княгини и ея фаворитки, чтобы не противодѣйствовать всему, что могло быть противно интересамъ его государя. Петербургскій дворъ не преминулъ возвѣстить курляндскому сейму, что герцогъ ихъ арестованъ, подвергся суду и, уличенный въ преступленіи—оскорбленіи величества, сосланъ навсегда со всѣмъ семействомъ. Россія въ тоже время завладѣла нѣсколькими помѣстьями, на которыя имѣла притязаніе. Имѣнія эти были заложены предшественниками Бирона [1]). Такимъ образомъ петербургскій дворъ говорилъ, что онъ употребилъ на это русскія деньги и отобралъ ихъ въ казну.

Курляндскому дворянству предложили избрать себѣ новаго герцога, и великая княгиня дала понять ему, что, избравъ принца

---

[1]) Петръ I самъ далъ въ займы герцогу Фридриху, супругу императрицы Анны, пятьсотъ тысячъ рублей подъ залогъ нѣсколькихъ имѣній; другія были заложены частнымъ лицамъ; Биронъ выкупилъ ихъ всѣ; императрица подарила ему то, что онъ былъ долженъ Россіи, и подарками, получаемыми имъ время отъ время отъ этой государыни, онъ выкупилъ и остальное. Примѣч. Авт.

Людвига Брауншвейгскаго, брата ея супруга, оно сдѣлаетъ ей, правительницѣ, удовольствіе и можетъ впередъ расчитывать на покровительство Россіи.

Графъ Саксонскій (побочный сынъ польскаго короля Августа II) имѣлъ также большія притязанія на Курляндію; онъ былъ единогласно избранъ въ герцоги всѣмъ дворянствомъ въ 1727 г., поэтому онъ уже въ февралѣ мѣсяцѣ послалъ въ Петербургъ барона Дискова (Dieskow) хлопотать по его дѣлу, но получилъ отказъ и Дисковъ вернулся въ то время, когда принцъ Людвигъ долженъ былъ прибыть въ Митаву.

23-го іюня собравшееся дворянство приступило къ избранію, какъ вдругъ Дисковъ прервалъ его торжественнымъ заявленіемъ отъ имени графа Саксонскаго. Онъ прибавилъ къ этому родъ письменнаго манифеста, розданнаго имъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. Но это не помѣшало избранію принца Людвига всѣмъ дворянствомъ, слишкомъ боявшимся русскаго могущества для того, чтобы обратить вниманіе на права графа Саксонскаго. Однако дѣло это не могло такъ окончиться. Польская республика протестовала противъ этого избранія, совершеннаго безъ ея вѣдома, принцъ Людвигъ не могъ получить королевскаго утвержденія (l'investiture du roi), а случившаяся нѣсколько мѣсяцевъ спустя революція прервала все дѣло.

Въ началѣ іюля принцъ Людвигъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ со всевозможными выраженіями ласки и дружбы. Его помѣстили сначала въ Лѣтній дворецъ и ему прислуживали придворные; нѣсколько времени спустя, ему дали помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ. Этотъ принцъ пріобрѣлъ разомъ общее расположеніе своимъ ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ со всѣми, кто имѣлъ честь доступа къ нему и всѣ думали, что курляндцы будутъ счастливы, имѣя его государемъ.

Призвавъ принца Людвига въ Петербургъ, правительница и министерство имѣли намѣреніе женить его на царевнѣ Елисаветѣ лишь только онъ будетъ признанъ герцогомъ курляндскимъ. Царевна не соглашалась, но была бы, наконецъ, вынуждена выйти за него замужъ, если бы не приняла другихъ мѣръ.

Въ іюлѣ же мѣсяцѣ прибылъ въ Петербургъ турецкій посолъ. Дворъ долго отсрочивалъ его путешествіе, чтобы освѣдомиться, какимъ образомъ будетъ принятъ въ Константинополѣ

русскій посолъ, и чтобы дѣйствовать, соображаясь съ этимъ. Когда были получены ожидаемыя извѣстія, турецкій посолъ совершилъ свой въѣздъ въ Петербургъ. Онъ въѣхалъ верхомъ и былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Въ условіяхъ бѣлградскаго мира было упомянуто, что русскій посолъ будетъ принятъ въ Константинополѣ съ тѣмъ же почетомъ и церемоніей, какъ посолъ римскаго императора. Этого еще никогда не бывало. Поэтому и петербургскій дворъ употребилъ на пріемъ турецкаго посольства всевозможныя средства, чтобы сдѣлать его блестящимъ.

Нѣсколько времени спустя, въ Петербургъ прибылъ также персидскій посолъ; это было, быть можетъ, самое необыкновенное изо всѣхъ видѣнныхъ доселѣ посольствъ.

Тамасъ-Кули-ханъ послѣ побѣды надъ великимъ Моголомъ отправилъ, въ началѣ 1740 года, посла съ этимъ извѣстіемъ къ русской императрицѣ во главѣ свиты, состоявшей изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ и 20 пушекъ. Дворъ былъ извѣщенъ объ этомъ во-время, и выслалъ войска по направленію къ Астрахани, чтобы расположиться лагеремъ на персидской границѣ. Когда посолъ подходилъ къ рѣкѣ Кизляру, генералъ-маіоръ Апраксинъ, командовавшій пятью пѣхотными и шестью драгунскими полками, послалъ сказать ему, что такъ какъ по пути изъ Астрахани къ Москвѣ приходилось пройти большую пустыню, то не будетъ возможности доставить ему фуражъ и съѣстные припасы для такого количества людей, что поэтому его просятъ оставить остальныхъ, взявъ съ собою не болѣе 2,000 человѣкъ. Это представленіе остановило посла; онъ отправилъ курьера къ своему повелителю, который приказалъ ему условиться съ русскими уполномоченными на счетъ числа людей, которые должны были сопровождать его ко двору. Онъ прибылъ туда лишь въ іюлѣ 1741 года. Въѣздъ его, совершившійся также верхомъ, былъ изъ числа самыхъ великолѣпныхъ и самыхъ необыкновенныхъ. Свита его состояла изъ 2,000 человѣкъ и 14-ти слоновъ, которые шахъ посылалъ императору и важнѣйшимъ русскимъ вельможамъ; прочіе подарки были также весьма цѣнны. Посолъ сказалъ въ рѣчи, произнесенной предъ правительницей, въ день аудіенціи, что повелитель его пожелалъ раздѣлить добычу отъ побѣды надъ Моголомъ съ столь добрымъ союзникомъ, каковъ императоръ Рос-

сіи. Тутъ было значительное число крупныхъ алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней, которые не были огранены.

Нѣкоторыя лица петербургскаго министерства опасались, что шахъ-Надиръ, посылая столь многочисленное посольство, имѣлъ цѣлью завладѣть астраханскимъ царствомъ и сдѣлать еще большія завоеванія въ случаѣ, если не будутъ приняты надлежащія мѣры предосторожности; но настоящей цѣлью, которая покажется сначала слишкомъ несоотвѣтствующей первой, было просить для шаха Надира руки, нынѣ царствующей въ Россіи, царевны Елисаветы; правительница очень желала бы исполнить его просьбу, но нашла поступокъ этотъ слишкомъ смѣлымъ и поэтому отказала. Посолъ былъ близкій родственникъ и оберъшталмейстеръ шаха.

Французскій посолъ не имѣлъ до сихъ поръ аудіенціи. Онъ хотѣлъ вручить свои кредитивныя грамоты великой княгинѣ не иначе, какъ въ присутствіи самаго императора, а въ Россіи царскія дѣти показываются народу не иначе, какъ по прошествіи года отъ рожденія; это было причиной затрудненій съ той и съ другой стороны; наконецъ, г. де-ля-Шетарди оставилъ роль посла и имѣлъ частную аудіенцію у великой княгини въ покояхъ императора.

Все въ государствѣ, казалось, было покойно, поэтому никто не имѣлъ повода жаловаться, такъ какъ Россія никогда не управлялась съ большею кротостью, какъ въ теченіе года правленія великой княгини. Она любила оказывать милости, и была, повидимому, врагомъ всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ея поведеніе было также хорошо, какъ въ обществѣ, и если бы она слушалась совѣтовъ умныхъ людей, не привязываясь такъ къ своей любимицѣ.

Дѣвица Юліана фонъ-Менгденъ получила такое воспитаніе, какое дается обыкновенно въ Лифляндіи дочерямъ помѣщиковъ, естественно предназначеннымъ, какъ и во всякой другой странѣ, выйти замужъ за какого-нибудь добраго дворянина и заниматься хозяйствомъ въ его имѣніяхъ.

Такъ какъ въ царствованіе императрицы Анны при дворѣ желали имѣть фрейлинами лифляндокъ, и семейство бароновъ Менгденъ (принадлежавшее, впрочемъ, къ числу древнѣйшихъ въ странѣ) пользовалось большимъ расположеніемъ герцога Кур-

ляндскаго, то три сестры изъ этой фамиліи были вызваны одновременно. Старшая, по имени Доротея, вышла замужъ за графа Миниха, сына фельдмаршала; вторая, Юліана, была той любимицей великой княгини, о которой я только что упоминалъ, и буду еще имѣть случай говорить многое; третья, Якобина, послѣдовала вмѣстѣ съ любимицей за великой княгиней въ ссылку; четвертая сестра, по имени Аврора, была также при дворѣ въ правленіе регентши; она вышла въ послѣдствіи замужъ за графа Лестока и раздѣлила съ нимъ его несчастіе.

Легко понять, что дѣвицы эти, мало видѣвшія людей, не обладали умомъ, необходимымъ для веденія дворцовыхъ интригъ; поэтому три и не вмѣшивались въ нихъ, но Юліана, любимица правительницы, матери императора, захотѣла принимать участіе въ дѣлахъ или, лучше сказать, отъ природы лѣнивая, она съумѣла передать этотъ порокъ своей повелительницѣ. Принцесса затягивала самыя важныя дѣла, оставалась по нѣскольку дней въ своей комнатѣ, принимая сколь возможно менѣе лицъ, одѣтая въ одной юбкѣ и въ шушунѣ (petit manteau pet-en-l'air), съ ночнымъ уборомъ на головѣ, сдѣланномъ изъ платка. Къ правительницѣ допускались одни только друзья и родственники фаворитки, или иностранные министры, приглашенные составить партію въ карты великой княгини. Такое странное поведеніе не могло не оскорблять русскихъ сановниковъ. Принцъ Антонъ Ульрихъ съ грустью замѣчалъ вліяніе, которое дѣвица Менгденъ имѣла на его супругу. Онъ дѣлалъ ей по этому поводу замѣчанія, но это повело только къ частымъ ссорамъ между ними, и дало время царевнѣ Елисаветѣ спокойно провести необходимыя интриги для восшествія на престолъ.

Между ихъ высочествами возникали часто большія несогласія, продолжавшіяся по цѣлымъ недѣлямъ, и фаворитка, вмѣсто того, чтобы стараться примирить принца съ принцессою, имѣла неосторожность еще болѣе возбудить великую княгиню противъ ея супруга, а великая княгиня думала гораздо болѣе о томъ, какъ бы пристроить свою любимицу, нежели о прочихъ дѣлахъ имперіи. Она пожелала выдать ее замужъ за графа Линара, министра польскаго короля. Обрученіе совершилось и вслѣдъ затѣмъ Линаръ уѣхалъ въ Саксонію. Онъ хотѣлъ устроить тамъ свои дѣла, вернуться затѣмъ для бракосочетанія и долженъ былъ поступить въ русскую службу въ качествѣ оберъ-камергера. Къ счастію для

него, онъ не успѣлъ еще вернуться, какъ на престолъ вступила императрица Елисавета. Великая княгиня подарила своей фавориткѣ большія помѣстья въ Лифляндіи и домъ, принадлежавшій генералу Густаву Бирону.

Между членами кабинета не было большаго единогласія, какъ между принцемъ и принцессою. Графъ Остерманъ, болѣе всего способствовавшій удаленію Миниха, изъ зависти къ власти перваго министра, встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ графа Головкина, вице-канцлера имперіи, который не могъ видѣть безъ зависти, что принцъ Антонъ Ульрихъ былъ привязанъ къ одному только графу Остерману, слѣдовалъ только его совѣтамъ и отъ него одного выслушивалъ доклады о дѣлахъ. Для противодѣйствія ему, Головкинъ предался великой княгинѣ и пріобрѣлъ ея полное довѣріе. Принцесса поручила исполненіе нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ дѣлъ графу Головкину, не сказавъ о томъ ни своему супругу, ни графу Остерману. Графъ Головкинъ также первый посовѣтовалъ великой княгинѣ объявить себя императрицею, но намѣреніе это (о которомъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ) не было выполнено по причинѣ воспослѣдовавшаго переворота.

IV.

Приготовленія къ войнѣ со Швеціей.—Генералисимусъ дѣлаетъ смотръ войскамъ.—Рожденіе принцессы Екатерины. — Объявленіе войны со Швеціей. — Замѣчанія о поведеніи шведовъ. — Начало непріятельскихъ дѣйствій. — Русскіе вступаютъ въ шведскую Финляндію. — Фальшивая тревога. — Дѣло при Вильманстрандѣ. — Армія возвращается въ русскую Финляндію. — Пріѣздъ графа Левенгаупта въ Финляндію.—Войска вступаютъ на зимнія квартиры.—Намѣреніе великой княгини объявить себя императрицею.—Шведская армія снова выступаетъ въ походъ.—Манифестъ графа Левенгаупта.

1741 г.

Въ то время, какъ все это происходило въ Петербургѣ, въ Стокгольмѣ продолжался чрезвычайный сеймъ и полученныя оттуда извѣстія говорили только о близкомъ разрывѣ съ Россіей. Петербургское министерство долгое время полагало, что Швеція не объявитъ войны. Франція предложила въ минувшемъ году свое посредничество и обѣ стороны приняли его. Поэтому въ Россіи льстили себя надеждою, что Стокгольмскій дворъ сдѣлаетъ при окончаніи сейма какія-нибудь предложенія, и графъ Остерманъ полагалъ даже, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ уступить Шве-

ціи Кексгольмъ съ его округомъ, такъ какъ уже Петръ I согласился уступить этотъ городъ съ его окрестностями шведамъ въ томъ случаѣ, если бы они настаивали получить обратно часть завоеванной Финляндіи. На этотъ разъ шведы предпочли войну переговорамъ.

Нолькенъ, ихъ министръ въ Петербургѣ, выѣхалъ оттуда въ половинѣ іюля, подъ предлогомъ домашнихъ дѣлъ, призывавшихъ его въ Померанію, гдѣ у него были помѣстья. Въ это время при дворѣ было уже извѣстно, что Швеція рѣшилась воевать, и что поэтому Нолькенъ болѣе не возвратится. Такъ какъ Швеція была раздѣлена на нѣсколько партій, то русскому министру въ Стокгольмѣ, графу Бестужеву, было не трудно узнать все, что происходило на сеймѣ. Онъ зналъ всѣ ихъ рѣшенія также хорошо, какъ если бы былъ членомъ тайнаго комитета.

По извѣстіямъ, сообщеннымъ имъ своему двору, великая княгиня призвала въ Петербургъ фельдмаршала Ласи и генерала Кейта; часто собирались военные совѣты и было рѣшено сформировать для этого похода нѣсколько корпусовъ войска. Самый значительный долженъ былъ находиться въ Финляндіи, подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи и генерала Кейта, и дѣйствовать наступательно противъ Швеціи лишь только будетъ получено объявленіе о войнѣ. Второй, подъ командою принца Гессенъ-Гомбургскаго, долженъ былъ оставаться въ Ингерманландіи, для лагеря его была назначена Красная горка, лежащая приблизительно въ 6-ти или 7-ми миляхъ отъ Петербурга, для того, чтобы препятствовать дессантамъ, которые непріятель попытался бы высадить здѣсь. Кромѣ того, было рѣшено собрать еще небольшіе корпуса въ Лифляндіи и Эстляндіи, которые должны были всѣ находиться подъ начальствомъ Левендаля, для прикрытія тамошнихъ береговъ, такъ какъ русскій флотъ былъ въ такомъ плохомъ состояніи, что не могъ въ этомъ году выйти изъ портовъ.

22-го іюля начали формировать первый лагерь, подъ начальствомъ генерала Кейта, въ четырехъ миляхъ отъ Петербурга, со стороны Выборга, близь деревни, называемой Осиновая Роща; онъ былъ составленъ изъ 5-ти полковъ пѣхоты и 3-хъ драгунскихъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ гренадерскихъ ротъ.

26-го числа прибылъ туда для осмотра этихъ войскъ генералисимусъ, сопровождаемый братомъ своимъ, принцемъ Люд-

вигомъ и фельдмаршаломъ Ласи. Въ то время, какъ его императорское высочество былъ занятъ маневрами драгунъ, изъ Петербурга раздались пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе благополучное разрѣшеніе отъ бремени великой княгини, родившей дочь, названную Екатериной; получивъ это извѣстіе, принцъ и вся его свита вернулись въ Петербургъ.

Кейтъ подошелъ съ командуемымъ имъ корпусомъ за 8 миль отъ Выборга къ деревнѣ, прозванной Мула-Мыза (Moula-Muisa), и такъ какъ у этой деревни дороги раздѣляются и до нея можно дойти вдоль по берегу моря, обойти Выборгъ и проникнуть въ Петербургъ, то онъ велѣлъ соорудить тутъ большой окопъ. Корпусъ войскъ, прибывшій къ Мула-Мызѣ 6-го августа, остался тамъ до 25-го того же мѣсяца.

24-го, въ день рожденія императора, Кейтъ поставилъ войско подъ оружье и объявилъ о войнѣ со Швеціей. Войска приняли это извѣстіе съ большими изъявленіями радости. Генералъ произнесъ короткую рѣчь, обращаясь къ каждому баталіону отдѣльно, уговаривалъ солдатъ дѣлать свое дѣло и стараться не только упрочить, но еще и увеличить славу русскаго оружія.

Прежде нежели я стану продолжать разсказъ о дѣйствіяхъ русскаго войска, я изложу, каково было поведеніе шведовъ въ этомъ дѣлѣ. Я уже говорилъ о партіяхъ, раздѣлявшихъ Швецію, и сказалъ, что та, которая называла себя партіею шляпъ, хотѣла войны; что къ ней стали готовиться съ 1737 года, но вмѣсто того, чтобы объявить ее въ такое время, когда Россія была занята другимъ и арміи ея были далеко отъ шведскихъ границъ, шведы сидѣли сложа руки, давъ Россіи заключить миръ и начали войну въ такое время, когда Россія пользовалась со всѣхъ сторонъ величайшимъ спокойствіемъ. Всѣ остальныя мѣры шведовъ были обдуманы не лучше. За день до объявленія войны гораздо болѣе сильной державѣ, нежели Швеція, они имѣли лишь незначительное число войскъ въ Финляндіи, гдѣ должны были происходить главныя военныя дѣйствія; тамъ не было магазиновъ, у нихъ во всемъ государствѣ не было достаточно провизіи для устройства такихъ складовъ, и вслѣдствіе этого даже тѣ войска, которыя содержатся для охраны Финляндіи, не могли быть соединены въ одинъ лагерь.

Нѣкоторыя доброжелательныя лица, заботившіяся о славѣ сво-

его отечества, высказали эти затрудненія передъ сеймомъ, но такъ какъ они принадлежали къ партіи колпаковъ, то мнѣнія ихъ не были приняты. Однако генералъ-лейтенантъ Будденброкъ былъ посланъ въ Финляндію, чтобы осмотрѣть все на мѣстѣ. Онъ, желая только войны, вмѣсто того, чтобы сказать правду, представилъ въ своемъ отчетѣ, что нашелъ все въ очень хорошемъ состояніи, что войска могли быть собраны немедленно и что въ съѣстныхъ припасахъ не было недостатка.

Съ другой стороны, Франція, интересы которой требовали, чтобы Россія не вмѣшивалась въ войну, начатую ею и ея союзниками съ австрійскимъ домомъ, отправила въ Швецію значительныя суммы денегъ и убѣждала націю объявить войну. Наконецъ, партія шляпъ была увѣрена, что русское войско должно быть совершенно истощено походами противъ турокъ, и что всѣ полки состояли изъ однихъ новобранцевъ; поэтому они объявляли всюду, будто одного шведа достаточно, чтобы обратить въ бѣгство десятерыхъ русскихъ, и арміи ихъ стоитъ только показаться, чтобы выйти побѣдительницей. Такимъ образомъ, война была объявлена въ Стокгольмѣ 9-го августа 1741 г.

Сенатъ принялъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы извѣстіе это дошло въ Петербургъ какъ можно позднѣе съ тѣмъ, чтобы дать время генералу Будденброку сдѣлать еще кое-какія приготовленія для сосредоточенія войскъ, а графу Левенгаупту (бывшему маршаломъ сейма и назначенному главнокомандующимъ всѣми силами, высылаемыми противъ Россіи) прибыть къ арміи. Поэтому всѣмъ почтовымъ станціямъ было запрещено отправлять эстафеты и курьеровъ. Въ порта было также послано приказаніе не выпускать ни одного судна. Одно только курляндское судно, бывшее уже на Сандгамскомъ рейдѣ во время объявленія войны, успѣло выйти и доставило это извѣстіе въ Либаву, откуда его тотчасъ же сообщили двору, гдѣ оно было получено черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны въ Стокгольмѣ. Вслѣдъ затѣмъ генералъ Кейтъ получилъ, какъ я уже сказалъ, повелѣніе объявить о войнѣ корпусу, состоявшему подъ его командою и направиться къ границамъ.

Швеція выставила нѣсколько причинъ, побуждавшихъ ее къ этой войнѣ. Главными были: убійство Цинклера, запрещеніе, наложенное Россіей на вывозъ хлѣба изъ Лифляндіи,

устраненіе царевны Елисаветы и герцога Голштейнскаго отъ русскаго престола и власть, которую иностранцы захватили надъ русской націей.

Возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ.

Генералъ Кейтъ двинулся съ полками, состоявшими подъ его командою, на другой же день послѣ объявленія войны. 26-го— войска прошли по Выборгу и стали лагеремъ близь Абовскаго моста. Генералъ-маіоръ Икскуль былъ отряженъ съ тысячью драгунами, чтобы приблизиться къ шведскимъ границамъ и развѣдать о непріятелѣ. Полкамъ было приказано запастись на пятнадцать дней хлѣбомъ изъ выборгскихъ магазиновъ. Шесть полковъ пѣхоты, стоявшіе въ этомъ мѣстѣ и работавшіе надъ укрѣпленіями, присоединились къ корпусу генерала Кейта, равно какъ и командовавшіе ими: генералъ-лейтенантъ Стоффельнъ и генералъ-маіоръ Ферморъ. Генералъ-маіоръ Шиповъ былъ назначенъ комендантомъ города и ему оставленъ обычный гарнизонъ, а именно три полка пѣхоты.

28-го—этотъ корпусъ двинулся, приближаясь къ границѣ. Такъ какъ полоса земли въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно узка, то войска не могли помѣститься въ одномъ лагерѣ; драгуны и часть пѣхоты расположились близь деревни, называемой Каннаноя, въ одной верстѣ отъ границы, а прочіе остановились за полверсты позади.

Въ ту же ночь шведскій унтеръ-офицеръ, сопровождаемый барабанщикомъ и несшій съ собою письма, подошелъ къ передовому пикету на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, не подавъ сигнала до тѣхъ поръ, покуда не подошелъ къ часовымъ; послѣдніе, не имѣя возможности различать предметы, боясь быть застигнуты врасплохъ и воображая, что эта была непріятельская партія, выстрѣлили и убили лошадь унтеръ-офицера, который поспѣшно удалился со своимъ барабанщикомъ, не отдавъ писемъ.

31-го—фельдмаршалъ Ласи прибылъ къ арміи и принялъ начальство. Перебѣжчики увѣдомили, что гарнизонъ Вильманстранда состоялъ не болѣе какъ изъ пяти или шести сотъ человѣкъ, что шведы собрали только два корпуса, каждый въ 4,000 человѣкъ; первый, подъ начальствомъ генералъ-маіора Врангеля, стоялъ лагеремъ въ трехъ, а второй, подъ командою генералъ-лейтенанта Будденброка, въ шести шведскихъ миляхъ отъ Вильманстранда; что прочія войска были на пути, а нѣкоторые полки только

что оставили свои квартиры; что часть войскъ, перевозимыхъ изъ Швеціи, не была еще высажена, такъ что вся непріятельская армія не могла быть собрана ранѣе, какъ черезъ три недѣли; что графъ Левенгауптъ находился еще въ Швеціи и не могъ скоро прибыть къ арміи. Извѣстія эти были подтверждены нѣсколькими шпіонами, которые могли все развѣдать тѣмъ лучше, что были сами выборгскіе обыватели и имѣли друзей и родныхъ во всѣхъ городахъ шведской Финляндіи.

Фельдмаршалъ Ласи, желая воспользоваться безпорядочнымъ состояніемъ непріятеля, рѣшилъ вступить въ шведскую Финляндію и завладѣть городомъ Вильманстрандомъ. Онъ собралъ полковыхъ командировъ и лично далъ имъ приказанія.

Перваго сентября, на разсвѣтѣ, армія двинулась въ путь; повозки и палатки остались въ лагерѣ. Солдаты взяли хлѣба на пять дней. Два штабъ-офицера были откомандированы для начальства надъ лагеремъ; отъ каждаго полка осталось три офицера и сто солдатъ и отъ каждой бригады по одному капитану. Нижегородскому полку, который долженъ былъ въ тотъ день присоединиться къ арміи, было также приказано остаться въ лагерѣ для охраненія багажа. Войско могло двигаться лишь одной колонной, такъ какъ въ этой странѣ удобны для ѣзды однѣ только большія дороги; по обѣимъ сторонамъ находятся большіе лѣса, болота и скалы. Во всей Финляндіи съ трудомъ найдешь равнину, на которой четыре полка могли бы стать лагеремъ по знаменной линіи.

Войско совершило на непріятельской землѣ переходъ въ двѣ шведскія мили, встрѣтивъ лишь нѣсколькихъ крестьянъ, которые убѣжали въ лѣсъ, какъ только завидѣли русскія передовыя войска, и принесли въ Вильманстрандъ первое извѣстіе о приближеніи непріятеля. Съ наступленіемъ ночи войско расположилось въ три линіи вдоль большой дороги: драгуны возлѣ самаго лѣса съ одной стороны дороги, а пѣхота въ двѣ линіи сзади ихъ, оставивъ промежутокъ не болѣе какъ шаговъ въ тридцать или сорокъ. Войска улеглись возлѣ своего оружія.

Въ одиннадцать часовъ вечера случилась большая тревога. Полковникъ Вильбрандъ, комендантъ Вильманстранда, узнавъ о движеніи русскихъ, отрядилъ 4-хъ человѣкъ, которые, пользуясь темнотою и лѣсомъ, должны были подойти къ непріятельской

арміи и сдѣлать рекогносцировку. Одинъ изъ часовыхъ поставленнаго въ лѣсъ караула, замѣтивъ ихъ, выстрѣлилъ. Едва раздался выстрѣлъ, какъ нѣсколько полковъ второй линіи поднялись вдругъ, схватили оружіе и, какъ бы сговорившись, начали жаркую стрѣльбу, направленную на первую линію, при чемъ въ продолженіе получаса не было возможности остановить ихъ; при этомъ было сдѣлано даже нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе чего у полковъ, стоявшихъ напротивъ, были убиты и ранены одинъ офицеръ и семнадцать солдатъ. Ласи и Кейтъ подверглись сильной опасности быть убитыми при этой фальшивой тревогѣ; они разбили маленькія палатки, чтобы спать между обѣими линіями, и нѣсколько пуль пробили эти палатки насквозь.

Около 200 драгунскихъ лошадей, ошеломленныхъ огнемъ, вырвались изъ пикетовъ и побѣжали по большой Вильманстрандской дорогѣ. Шведскій передовой караулъ, стоявшій въ полъ мили (шведской) отъ русскихъ, слыша эту стрѣльбу и въ тоже время топотъ лошадей, вообразилъ, что это былъ непріятельскій отрядъ, обратился въ бѣгство и понесся во весь духъ въ городъ; лошади слѣдовали за нимъ такъ близко, что вбѣжали въ безпорядкѣ вмѣстѣ съ шведскимъ карауломъ, прежде нежели успѣли поднять мостъ. Черезъ эту фальшивую тревогу генералъ-маіоръ Врангель получилъ первое извѣстіе о приближеніи русскихъ. Услыхавъ ночью стрѣльбу, онъ вообразилъ, что на Вильманстрандъ нападаютъ, тотчасъ же сообщилъ объ этомъ генералъ-лейтенанту Будденброку и выступилъ на зарѣ, чтобы подать помощь городу.

2-го сентября армія двинулась далѣе съ разсвѣтомъ; пройдя около одной французской лье, она встрѣтила небольшую рѣчку, которую пришлось перейти; дно ея болотистое и шведы сломали мостъ послѣ ночной тревоги. Тутъ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ, до тѣхъ поръ, покуда мостъ не былъ починенъ, что очень замедлило движеніе.

Полковникъ Резановъ былъ отряженъ съ Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ для охраненія этого прохода, и войско снова двинулось въ путь. Около полудня непріятельскій отрядъ во сто человѣкъ драгунъ приблизился къ авангарду, и не успѣлъ отойти назадъ, какъ на него напали и взяли одного человѣка въ плѣнъ. Около четырехъ часовъ пополудни армія подошла къ Вильманстранду и расположилась въ четверти мили отъ города, близь

небольшой деревни, называемой Армила. Фельдмаршалъ и генералъ Кейтъ отправились тотчасъ же смотрѣть городъ подъ прикрытіемъ пѣхотнаго баталіона и двухсотъ конныхъ гренадеръ; они подошли на хорошій ружейный выстрѣлъ отъ прикрытаго пути. Только что генералы вернулись въ лагерь, какъ было получено извѣстіе, что къ городу приближался непріятельскій корпусъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Фельдмаршалъ тотчасъ же приказалъ всѣмъ полкамъ двинуться впередъ и велѣлъ расположить ихъ на противулежащихъ непріятелю высотахъ. Схватка произошла бы въ тотъ же вечеръ, если бы не помѣшала темнота. Русскіе вернулись въ свой лагерь близъ Армилы и всѣ войска еще разъ провели ночь у своего оружія.

Прежде нежели продолжать, я долженъ познакомить съ городомъ Вильманстрандомъ и съ положеніемъ его окрестностей. Это небольшой городокъ, въ хорошихъ четырехъ нѣмецкихъ миляхъ отъ русской границы, расположенный на берегу большаго озера, прикрывающаго его сзаду, такъ что напасть на него можно только спереди, а эта часть укрѣплена прикрытымъ путемъ, сухимъ рвомъ съ палисадомъ и валомъ съ штурмфалами; все это сдѣлано изъ земли и фашинъ. Хотя городъ лежитъ на высотѣ, однако вокругъ него господствуютъ горы, самая высокая изъ нихъ находится на право, тамъ, гдѣ была вѣтрянная мельница; шведы поставили тамъ большой караулъ, чтобы не дать русскимъ занять ее; остальная часть мѣстности чрезвычайно неровная: тутъ вездѣ лѣса, болота, кустарники, скалы и овраги. Къ городу чрезвычайно трудно подойти иначе какъ по большой дорогѣ. Тамъ и сямъ попадаются небольшіе клочки огороженныхъ и обработанныхъ полей. Всякій согласится, что чрезвычайно трудно дѣйствовать съ войсками на подобной почвѣ и что небольшой отрядъ, хорошо умѣющій защищаться, легко можетъ побѣдить болѣе сильный корпусъ, на него нападающій.

На слѣдующій день, 3-го сентября, оказалось, что непріятели заняли лагерь между мельничной горою и гласисами. Около десяти часовъ утра шведскій отрядъ подошелъ къ русской арміи для рекогносцировки и тотчасъ же удалился.

Фельдмаршалъ не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о силѣ непріятеля; онъ думалъ, что оба корпуса Будденброка и Врангеля соединились, чтобы идти на помощь Вильманстранду. Поэтому

онъ разсудилъ, что трудно будетъ напасть на нихъ и побѣдить ихъ на той выгодной позиціи, которую они заняли. Онъ отослалъ ночью тяжелую артиллерію съ прикрытіемъ къ мосту, гдѣ стоялъ со своимъ полкомъ Резановъ; квартирмейстерамъ было даже приказано отыскать лагерь позади; когда узнали, что прибылъ одинъ только корпусъ генералъ-маіора Врангеля и что онъ могъ состоять изъ пяти или шести тысячъ человѣкъ, включая сюда и гарнизонъ города, тогда фельдмаршалъ велѣлъ созвать всѣхъ генераловъ и полковниковъ, объяснилъ имъ положеніе дѣла и спросилъ ихъ мнѣніе. Всѣ голоса единодушно требовали наступленія.

Въ два часа пополудни армія двинулась впередъ нѣсколькими колоннами, не имѣя опредѣленной диспозиціи для нападенія. Драгуны находились на флангахъ, но такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые были на правомъ крылѣ, оказались совершенно ненужными вслѣдствіе лѣса, бывшаго болѣе густымъ, нежели слѣва, то ихъ отозвали. Два полка пѣхотныхъ гренадеръ, состоявшіе каждый изъ десяти ротъ, подъ командою полковниковъ Ломана (Lohmann) и графа Бальмена (Balmaine) шли во главѣ русской арміи.

Непріятель, получивъ извѣстіе, что русскіе подвигались къ нему, сталъ въ боевой порядокъ на склонѣ мельничной горы, имѣя передъ центромъ батарею пушекъ и опираясь лѣвымъ флангомъ на оврагъ, лежавшій на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ городскаго гласиса. Драгуны шведскаго праваго крыла расположились на небольшой равнинѣ по другую сторону той же горы, близь небольшой деревни.

Русскіе, прибывъ на высоту, лежащую противъ шведской батареи, поставили на ней двѣ пушки съ шести фунтовыми и нѣсколько другихъ съ трехъ фунтовыми ядрами и дѣйствіе началось обоюдной канонадой. Шведская артиллерія причинила гренадерамъ нѣкоторый уронъ.

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Кейтъ приказалъ двумъ полкамъ гренадеръ атаковать непріятельскую батарею, а полкамъ Ингерманландскому и Астраханскому (которымъ командовалъ полковникъ Манштейнъ) поддержать ихъ. Такъ какъ мѣсто было тутъ чрезвычайно узкое и изъ лѣса, находившагося передъ русскими, нельзя было выйти иначе какъ фронтомъ только въ двѣ роты, приходилось спускаться по крутому оврагу и подыматься на гору

въ виду непріятеля и подъ чрезвычайно сильной его пушечно и ружейной пальбою,—то эти два полка были приведены въ замѣшательство и отступили. Чтобы не дать бѣгущимъ возможность поселить безпорядокъ въ двухъ полкахъ, слѣдовавшихъ сзади, генералъ Кейтъ приказалъ полковнику Манштейну взять вправо, выйти изъ лѣса и атаковать лѣвое крыло непріятеля, который оставилъ оврагъ, къ которому онъ примыкалъ, и шелъ впередъ. Это приказаніе было исполнено быстро и такъ счастливо, что послѣ перваго залпа, сдѣланнаго въ 60-ти шагахъ отъ шведовъ, послѣдніе обратились въ бѣгство и побѣжали прямо къ городу, куда послѣдовали за ними оба полка, до самаго гласиса, который они атаковали.

Между тѣмъ, какъ это происходило на лѣвомъ флангѣ непріятеля, генералы привели прочія войска въ порядокъ и велѣли атаковать правое крыло шведовъ, которые, замѣтивъ смятеніе гренадеръ, спустились съ горы, направляясь къ нимъ, и потеряли этимъ движеніемъ всѣ выгоды позиціи и преимущество своей батареи. Такимъ образомъ они также скоро были разбиты и гора занята около пяти часовъ вечера. Непріятельскія пушки были обращены на городъ и фельдмаршалъ послалъ барабанщика требовать его сдачи; но непріятельскіе солдаты, продолжавшіе стрѣлять съ вала, убили его. Русскіе, взбѣшенные этимъ случаемъ, возобновили приступъ съ ожесточеніемъ и взяли городъ около 7-ми часовъ вечера.

Шведы водрузили бѣлое знамя со стороны воротъ въ то время, когда рускіе были уже во рву, но такъ какъ комендантъ въ смятеніи забылъ извѣстить всѣ поста, чтобы они прекратили стрѣльбу, то они продолжали стрѣлять и дали этимъ поводъ взять городъ приступомъ.

Большая часть шведовъ, бывшихъ въ этомъ дѣлѣ, были убиты или взяты въ плѣнъ; спастись не удалось и 500-мъ человѣкамъ. Полковникъ Ливенъ (Lieven) съ драгунами преслѣдовалъ ихъ, но не могъ нагнать шведскую кавалерію, а пѣхота спряталась въ лѣсахъ и болотахъ. Генералъ-маіоръ Врангель, раненый въ руку, 2 полковника, 3 подполковника, 1 маіоръ, 12 капитановъ, 1 квартирмейстеръ, 6 поручиковъ, 2 полковыхъ лекаря, 8 прапорщиковъ, 3 лекаря-хирурга, 62 унтеръ-офицера и 1,250 капраловъ и солдатъ были взяты въ плѣнъ. Также было взято

штандарта и 12 знаменъ, 12 пушекъ, 1 мортира и войсковая касса, въ которой не было и шести тысячъ ефимковъ. Солдаты собрали порядочную добычу въ разграбленномъ городѣ.

Въ русской арміи были убиты: генералъ маіоръ Искуль, полковники Ломанъ и графъ Бальменъ, 1 маіоръ, 3 капитана, 8 поручиковъ, 514 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Ранены: генералъ-лейтенантъ Стоффельнъ, генералъ-маіоръ Албрехтъ, полковники Манштейнъ и Левашевъ, 2 подполковника, 3 маіора, 17 капитановъ, 31 поручикъ, 15 прапорщиковъ и 1,765 унтеръ-офицеровъ и солдатъ.

Русская армія состояла въ день битвы изъ 9,900 человѣкъ. Два полка драгунъ составляли ея кавалерію; пѣхота состояла изъ 2-хъ гренадерскихъ полковъ въ 10 ротъ каждый, и 9-ти полковъ фузелеровъ, по 8-ми ротъ въ каждомъ. Этими войсками командовали генералы: фельдмаршалъ Ласи, генералъ-аншефъ Кейтъ, генералъ-лейтенанты: Стоффельнъ и Бахметьевъ, генералъ-маіоры: Ливенъ, Ферморъ, Албрехтъ и Искуль.

Шведы, включая сюда и вильманстрандскій гарнизонъ, имѣли 5,256 человѣкъ, по списку, полученному генералъ-маіоромъ Врангелемъ въ тотъ самый день, когда войска были въ дѣлѣ. Помѣщаю здѣсь названіе полковъ и число людей въ каждомъ изъ нихъ, такъ какъ шведы утверждали всегда, что ихъ было всего 3,500 человѣкъ.

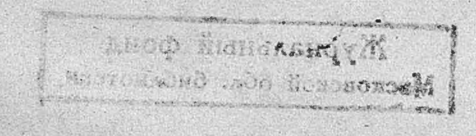
Далекарлійскій полкъ	623
Седерманландскій »	681
Вестерботнійскій »	594
Саволакскій »	876
Тавастгусскій »	955
Вильбранда »	432
Кюменегордскій »	476
2 драгунскихъ полка изъ Кареліи. .	506
1 артиллерійскій » .	113
Всего . .	5,256

Когда подумаешь о выгодахъ позиціи, занимаемой шведами, и о неудобной мѣстности, по которой русскіе должны были подходить къ нимъ, то становится удивительнымъ, что шведы были разбиты тутъ, и надобно сознаться, что они много способство-

вали этому собственной ошибкой, оставивъ занятую ими выгодную позицію; сопротивленіе, оказанное ими, было чрезвычайно упорное и послужило къ увеличенію ихъ потери, такъ какъ на полѣ битвы они оставили болѣе 3,300 человѣкъ; огонь, весьма сильный съ обѣихъ сторонъ, продолжался болѣе 4 часовъ.

Это дѣло погубило генералъ-лейтенанта Будденброка, которому отсѣкли голову два года спустя. Самая главная его вина, за которую его приговорили къ смерти, было то, что онъ не подалъ помощи Врангелю. Если кто изъ этихъ генераловъ долженъ былъ быть наказанъ, то, безъ сомнѣнія, Врангель, такъ какъ, находясь ближе всего къ границѣ, онъ не имѣлъ въ полѣ ни одного отряда для разъѣздовъ и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, чтобы слѣдить за движеніемъ русскихъ, и не случись этой фальшивой тревоги, Вильманстрандъ былъ бы взятъ въ то самое время, когда генералъ получилъ извѣстіе о прибытіи русскихъ; тогда какъ если бы онъ принялъ хотя малѣйшую предосторожность, онъ могъ бы быть увѣдомленъ, что русскіе двинулись къ Вильманстранду двѣнадцать часовъ ранѣе, и поэтому успѣлъ бы предупредить объ этомъ Будденброка, который въ подобномъ случаѣ пришелъ бы къ нему на помощь, прежде нежели русскіе успѣли бы разбить его. Вмѣсто этого онъ оставилъ свою позицію и двинулся къ Вильманстранду, не дождавшись приказаній своего начальника. Тамъ онъ далъ разбить себя, потерялъ много людей, былъ взятъ въ плѣнъ и заслужилъ этимъ похвалы всей націи.

Будденброкъ не имѣлъ возможности прибыть въ Вильманстрандъ до сраженія, такъ какъ его лагерь находился въ шести шведскихъ миляхъ, что составляетъ болѣе девяти нѣмецкихъ миль или 18 французскихъ лье; Врангель, бывшій всего въ трехъ миляхъ и двинувшійся 2-го сентября на разсвѣтѣ, могъ прибыть въ Вильманстрандъ лишь вечеромъ, къ закату солнца, и съ истомленными войсками. Поэтому Будденброкъ, которому приходилось пройти вдвое больше, могъ присоединиться къ нему лишь вечеромъ въ день сраженія. Если бы Врангель могъ избѣжать его въ тотъ день, то русская армія навѣрно отступила бы на слѣдующее утро. Фельдмаршалъ Ласи никогда не отважился бы напасть на оба соединенные корпуса. Настоящая причина, по которой шведскій сенатъ приговорилъ Будденброка къ отсѣченію головы, и которая не была обнародована, заключалась въ томъ, что онъ вовлекъ Швецію

въ войну своимъ отчетомъ, который онъ представилъ, когда его посылали въ Финляндію обсудить положеніе дѣлъ. Объ этомъ я говорилъ уже выше.

Въ слѣдующую за сраженіемъ ночь въ лагерѣ Будденброка случилось странное происшествіе. Небольшое число спасшихся драгунъ неслись во весь опоръ до тѣхъ поръ, покуда не прибыли къ этому лагерю; когда они прискакали ночью къ передовому караулу, часовой окликнулъ ихъ, но ему не отвѣчали; онъ выстрѣлилъ, и весь караулъ, бросившись на лошадей, бѣжалъ въ лагерь; бѣгущіе слѣдовали за ними и привели все въ такое смятеніе, что войска разсѣялись, оставивъ Будденброка и офицеровъ однихъ въ лагерѣ; имъ стоило большаго труда собрать всѣхъ на слѣдующій день къ полудню.

Фельдмаршалъ Ласи ввелъ вечеромъ два полка пѣхоты, подъ командою генералъ-маіора Фермора, въ Вильманстрандъ, гдѣ нашли болѣе 300 телѣгъ, которыя шведы заказали для того, чтобы перевезти свои съѣстные припасы, такъ какъ они намѣревались застигнуть русскихъ врасплохъ.

На другой день, 4-го сентября, всѣхъ раненыхъ и плѣнныхъ отослали съ конвоемъ драгунъ въ Выборгъ; городъ Вильманстрандъ былъ совершенно срытъ и всѣ жители увезены въ Россію.

Окончивъ эту работу, армія перешла снова границу и заняла прежній лагерь, оставленный ею для похода противъ непріятеля. Въ Петербургѣ были большія празднества по случаю этой побѣды. Такое хорошее начало предвѣщало, повидимому, счастливый успѣхъ войны; послѣдствія покажутъ, что мнѣніе это не было ошибочно, такъ какъ это сраженіе было единственнымъ со стороны шведовъ и въ немъ только они оказали мужество во все время этой войны.

Военноплѣнные были перевезены изъ Выборга въ Петербургъ, гдѣ имъ оказывали всевозможныя любезности. Офицеровъ угощали при дворѣ, и размѣстили затѣмъ къ главнѣйшимъ вельможамъ; каждый былъ обязанъ принять въ свой домъ по одному офицеру и заботиться о нуждахъ своего гостя. Одинъ вѣтренникъ испортилъ все дѣло. Графъ Вазаборгъ, подполковникъ Седерманландскаго полка, былъ человѣкъ неспокойный и большой болтунъ; онъ отзывался нѣсколько разъ дурно о русской арміи и о самомъ дворѣ; какъ только это узнали, его и всѣхъ остальныхъ

3

языкахъ. Какого труда стоило это изданіе доказывается уже тѣмъ, что только 15 документовъ списаны издателемъ съ подлинниковъ, а шестьдесятъ семь переведены Ю. В. Толстымъ съ англійскаго и латинскаго языковъ—времени Елисаветы. Историки и археологи оцѣнятъ по достоинству этотъ заслуживающій полнаго уваженія трудъ, а русская и англійская публика встрѣтятъ его, конечно, съ должнымъ вниманіемъ, такъ какъ въ немъ сообщается много новыхъ и любопытныхъ подробностей и опровергается много преданій, не подтвержденныхъ изслѣдованіями, какъ напр. сватовство Ивана IV на англійской королевѣ и др.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею, томъ II, XX стр. и 1,228 столбцовъ.

Мы неоднократно указывали на значеніе изданій нашей археографической коммисіи. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ историческими трудами или занимался какими-нибудь историко-научными изслѣдованіями, знаетъ какою плодотворною дѣятельностью отличается эта коммисія, какое почетное имя пріобрѣла она въ кругу лицъ, интересующихся отечественною исторіею. Изданные ею лѣтописи, акты историческіе, юридическіе, сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, Котошихинъ, великія четіи-минеи, писцовыя книги и множество другихъ документовъ и матеріаловъ драгоцѣнны для историка. Нынѣ вышедшій сборникъ представляетъ не менѣе важные и любопытные матеріалы, значеніе которыхъ указано въ предисловіи. Акты эти касаются событій съ половины XIV-го до половины XVII-го вѣка и только одинъ документъ относится къ концу XIII-го. Эти акты сообщаютъ свѣдѣнія о дѣлахъ церкви, монастырей, объ исторіи смутнаго времени, Сибири, нѣкоторыхъ городовъ, о военномъ дѣлѣ, о сношеніяхъ съ иностранными державами, о государственныхъ доходахъ, торговлѣ, промыслахъ, устройствѣ ямовъ, о служебныхъ наградахъ, объ инородцахъ, о цѣнахъ на разные предметы и разные юридическіе памятники. Всѣхъ актовъ помѣщено 269, съ хронологическимъ перечнемъ, примѣчаніями, указателями: личныхъ и географическихъ именъ. Огромный томъ этотъ, составленный подъ редакціею А. И. Тимоѳеева, въ картонномъ переплетѣ, стоитъ всего два рубля.

Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII-го столѣтія. Д. Д. Сонцова, Москва, 160 стр.

Въ этомъ трудѣ, посвященномъ памяти профессора И. Д. Бѣляева, авторъ, не перечисляя историческихъ событій отъ начала Руси до Ивана IV, старается доказать общинное начало нашего отечества и опровергнуть доводы приверженцевъ родоваго начала. Въ подтвержденіе, что въ исторіи русскаго народа развился общинный бытъ, онъ описываетъ явленія общественной жизни въ разныхъ племенахъ, княжествахъ и въ различныхъ слояхъ народа, приводитъ много любопытныхъ фактовъ, но освѣщаетъ ихъ съ предвзятой имъ точки зрѣнія, подводя къ ней даже такія явленія, значеніе которыхъ можетъ быть объяснено совершенно иначе. Такое исключительное направленіе, лишаетъ этотъ, впрочемъ, интересный трудъ, объективности и безпристрастія, необходимыхъ для историческаго изслѣдованія. Съ весьма многими выводами и положеніями г. Сонцова никакъ нельзя согласиться, да они и противорѣчатъ мнѣнію, высказанному нашими лучшими историками. Такъ, онъ извиняетъ преступленія, записанныя русскою исторіею, находя въ нихъ только «случайные, прискорбные факты», тогда какъ въ западной Европѣ подобныя преступленія были явленіями не исключительными, а послѣдовательными, характеризующими цѣлыя касты. Далѣе, г. Сонцовъ признаетъ, что положеніе русской женщины было гораздо лучше, чѣмъ въ остальной Европѣ, называетъ Ивана III «могучею натурою», говоритъ, что «народъ умнымъ чувствомъ своимъ понималъ геніальный политическій смыслъ Ивана IV» и т. п.

Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI — XV в.). Андрея Попова. Москва, 417 стр.

Составитель этого изслѣдованія, важнаго для древне-русской литературы, ограничился изложеніемъ и разборомъ древне-русскихъ сочиненій противъ латинянъ включительно до флорентійскаго собора, обѣщая издать, въ послѣдовательномъ порядкѣ, сочиненія противъ протестантовъ (XVI и XVII в.) и уніатовъ (той же эпохи). Въ предисловіи г. Поповъ разсказываетъ, съ какими затрудненіями сопряжено у насъ изданіе подобныхъ работъ. Такъ, имъ, ровно пять лѣтъ тому назадъ, было приготовлено къ печати критическое изданіе краеугольнаго памятника протестантской литературы: посланія московскаго выходца, старца Артемія, по списку, находящемуся въ рукописяхъ московскаго публичнаго музея, но хранитель отдѣла рукописей въ музеѣ не разрѣшилъ г. Попову издавать эту рукопись потому, что самъ музей предполагаетъ издать ее. Полагаемъ, что пяти лѣтъ достаточно на то, чтобы предполагать, и можно бы уже хоть начать что-нибудь.

Цѣль сочиненія г. Попова состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить по древнимъ памятникамъ, какія понятія о латинянахъ передали новообращенной Руси ея духовные наставники. Бóльшая часть книги напечатана славянскимъ шрифтомъ.